

В.П. Казаков

Политическая история Аргентины

В.П. Казаков

Политическая история Аргентины XX века

Москва
«Высшая школа»
2007

УДК 94(8)
ББК 63.3(7Арг)
К 14

Рецензенты:

Центр латиноамериканских исследований ИВИРАН (заведующий, доктор исторических наук, профессор *Е.А. Ларин*);
доктор исторических наук, профессор Российского университета дружбы народов *Н.Н. Марчук*

Казаков В.П.

К 14 Политическая история Аргентины XX века: Учеб. пособие/
В.П. Казаков. — М.: Высш. шк., 2007. — 168 с. — (XX век.
Политическая история мира).

ISBN 978-5-06-005602-0

Книга посвящена истории Аргентины XX в. — периоду великих надежд и горьких разочарований. Эта южноамериканская страна в начале века обещала повторить путь развития США, а затем погрузилась в пучину экономического кризиса, политической нестабильности и народного возмущения. В центре повествования — узловые проблемы политической борьбы в этой стране

Для студентов, аспирантов, преподавателей и всех интересующихся историей Латинской Америки.

УДК 94(8)
ББК 63.3(7Арг)

ISBN 978-5-06-005602-0 © ФГУП «Издательство «Высшая школа», 2007

Оригинал-макет данного издания является собственностью издательства «Высшая школа», и его репродуцирование (воспроизведение) любым способом без согласия издательства запрещается.

Оглавление

Введение	5
Глава I. АРГЕНТИНА НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ: РЕСПУБЛИКА «ВОЗМОЖ- НАЯ». 1880—1916.	5
Агроэкспортная модель — мотор экономического развития	5
Олигархический режим	12
Расколотое общество	21
Становление политических партий	26
Классовые конфликты	32
Кризис олигархического режима. Закон Саенса Пеньи	35
Глава II. НА РАСПУТЬЕ: АРГЕНТИНА В ПОИСКАХ ПУТЕЙ РАЗВИТИЯ. 1917—1945	39
Аргентина и Первая мировая война	39
Начало системного кризиса	46
Радикалы у власти. Военный переворот 1930 г.	50
«Позорное десятилетие»	63
Аргентина и Вторая мировая война	72
Военный переворот 1943 г. Возникновение перонистского движения	81
Глава III. ПЕРОНИСТСКАЯ АРГЕНТИНА. 1946—1955	85
Хустисиалистское государство	85
На пути к экономической независимости	91
«Третья позиция»	95
Кризис и падение Перона	97
Глава IV. БОРЬБА ВОКРУГ ВЫБОРА ПУТИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИ- ТИЯ. ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ — КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР ПОЛИ- ТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ. 1955—1983.	107
«Освободительная революция»	107
Правление ГРС непримиримых	109
Президентство А. Ильяи	114
Режим «аргентинской революции»	116
Второе перонистское правление	126
Процесс «национальной реорганизации»	129
Мальвинский (Фолклендский) конфликт	135
Социально-экономическое развитие страны	144
Глава V. ОТ ВОЕННОГО РЕЖИМА К ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ ДЕМОКРА- ТИИ. 1983—2001	149
Восстановление демократии	150
Утверждение и кризис неолиберальной модели	155
Заключение	162
Президенты Аргентины в XX в.	166
Библиография	167

ВВЕДЕНИЕ

Аргентина — странное явление в истории XX столетия. Страна с огромными потенциальными богатствами, населенная выходцами из Европы, обещала стать одной из передовых в мире.

В начале XX в. мало кто сомневался в великом будущем этой южноамериканской страны. Аргентина не знала себе равных в Латинской Америке по темпам экономического роста, имела доход на душу населения и степень социального развития, которые ставили ее в один ряд с наиболее развитыми государствами. Ее называли «современным Эльдorado». В Европе в ходу была фраза: «Богат как аргентинец». Казалось, что Аргентина окончательно преодолела латиноамериканское наследие — путчи и диктатуры, обретя уважение мирового сообщества и привлекательность в глазах инвесторов и иммигрантов. Аргентина рассматривалась как единственная латиноамериканская страна, способная повторить путь развития США и стать таким же колоссом на юге, каким США были на севере.

Если и существовали разногласия в прогнозах, то они касались лишь сроков, в которые произойдет рождение новой великой нации. В 1906 г. бывший президент Аргентины К. Пеллегрини в беседе с тогдашним президентом США Т. Рузвельтом отводил на это примерно весь XX в. Рузвельт полагал, что это произойдет значительно раньше. «Вам будет достаточно пятидесяти лет, — заявил он, — так как вы воспользуетесь нашим опытом и всем прогрессом человечества, достигнутым в XIX столетии»¹.

Последующее развитие страны не подтвердило столь радужные прогнозы. В середине XX в. Аргентина утратила лидирующие позиции на континенте. А в последующие десятилетия страна погрузилась в пучину экономического кризиса, политической нестабильности и народного возмущения. Что же произошло? В чем причина аргентинского упадка или, как говорят, «чуда аргентинской слаборазвитости»?

Для ответа на этот вопрос необходимо представить целостную картину аргентинской истории как части всемирно-исторического процесса с учетом конкретных особенностей страны, выделяя наиболее существенные события — исторические перекрестки, критические точки, из которых развитие Аргентины пошло по кризисному пути.

¹ *Martinez A.B., Lewandowski M. The Argentine in the twentieth century. L., 1911. P. XLIII.*

ГЛАВА I

АРГЕНТИНА НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ: РЕСПУБЛИКА «ВОЗМОЖНАЯ» 1880—1916

К началу XX в. независимая Аргентина в своем историческом развитии прошла два больших этапа. Первым и наиболее длительным из них был этап национальной организации — с Майской революции 1810 г., положившей начало Войне за независимость, по 1880 г., когда произошла федерализация Буэнос-Айреса. С превращением Буэнос-Айреса в постоянную столицу страны и запрещением провинциальным властям организовывать вооруженные силы окончательно консолидировалось аргентинское государство. Прекратились длившиеся десятилетиями междоусобные войны. В стране установилась мирная жизнь. Второй этап истории Аргентины получил название республики «возможной», — с 1880 г. в стране господствовал олигархический режим, или режим «элитарной демократии». В основе обоих этапов лежало развитие и утверждение капитализма в Аргентине.

Агрозэкспортная модель — мотор экономического развития

В результате Войны за независимость в Испанской Америке на политической карте мира в 1816 г. появилось новое государство — Аргентинская республика¹. Аргентина занимает юго-восточную часть материка Южной Америки, восточную часть острова Огненная Земля и близлежащие острова, по площади 2776,9 тыс. кв. м (без Фолклендских, или Мальвинских, островов — спорной между Аргентиной и Великобританией территории), является второй, после Бразилии, латиноамериканской страной.

Новое государство не покоилось на прочном экономическом фундаменте. Национальный рынок не принял те размеры и устойчивость, в которых нуждался капиталистический способ производства. В отли-

¹ До 1826 г. называлась Объединенные провинции Ла-Платы.

чие от стран Старого Света, имевших замкнутую территорию, достаточно заселенную и хозяйственно освоенную к началу капиталистического периода, Аргентина после завоевания независимости раскинулась на широких, мало освоенных пространствах с открытой границей и редким составом населения: в 1816 г. 530 тыс. чел. До 1880-х годов вне юрисдикции Аргентинской республики находилась обширная территория в 1,3 млн кв. км: на севере — район Чако и Формосы, на юге — часть Пампы и вся Патагония, вплоть до Огненной Земли, где жили индейские племена общей численностью 30 тыс. человек.

Малочисленное население и его низкая плотность тормозили рост общественного разделения труда и складывание общенационального рынка, препятствовали созданию даже относительно автономного хозяйственного комплекса. К тому же страна не располагала запасами промышленного сырья мирового класса. Аргентина одна, сама по себе, не могла сформировать внутренний рынок, развернуть промышленный переворот и утвердить капитализм как господствующий способ производства.

Это сказалось на характере и направленности развития капитализма в Аргентине по сравнению с классической моделью. Если в странах Запада развитие капитализма шло на внутренней основе, протекало органично, в однородной социально-экономической среде, то в Аргентине оно определялось закономерностями уже сложившейся мировой капиталистической системы, в которой на протяжении всего XIX в. нарастал разрыв в уровне развития производительных сил в промышленности и сельском хозяйстве. Отставание последнего компенсировалось освоением новых земель, развитием переселенческих колоний.

Природные условия способствовали развитию Аргентины как аграрной страны, основой экономики которой стало животноводство. Наибольшими сельскохозяйственными ресурсами обладал прилегающий к Атлантическому океану степной район — Пампа, где сосредоточены уникальные в мире массивы плодородных земель, в том числе естественные луга с водопоями. Без искусственного орошения здесь можно было выращивать многочисленные культуры умеренного пояса, прежде всего зерновые.

В этих условиях развитие независимой Аргентины пошло по пути переселенческой страны и на основе внешнего рынка, в рамках агро-экспортной модели — экспорт сельхозтоваров в обмен на импорт промтоваров из стран Западной Европы, а местный капитализм принял форму, прежде всего, капитализма аграрного.

Аграрное развитие Аргентины прошло три этапа. На первом — товарного животноводства — главным условием являлось наличие

больших земельных площадей с естественными водопоями. По существу, скот оставался продуктом природы и требовал минимальных затрат для своего содержания. Именно меньшая трудоемкость и большая доходность, по сравнению с земледелием, обусловили его превращение в главную сферу приложения местного — креольского и иностранного капитала в первой половине XIX в.

Наметившаяся еще в колониальный период скотоводческая специализация прибрежного района — Литоралья — получила свое дальнейшее развитие и завершение с появлением саладерос — специализированных промышленных предприятий, где от забитого скота использовались, кроме главного продукта скотоводства — мяса, также шкуры и жир. Инициатива в создании саладерос принадлежала британским предпринимателям, к которым присоединились креольские купцы и землевладельцы. Продукция саладерос экспортировалась: солонина — на рынки Бразилии, Кубы, США для питания негров-рабов; выделанные шкуры, рога, конский волос — в Западную Европу, прежде всего в Англию.

С появлением саладерос связаны бурный рост скотоводческих хозяйств — эстансий, складывание системы латифундий. Производство базировалось на крупной земельной собственности и экстенсивном скотоводстве — разведении крупного рогатого скота на открытых пастбищах. Основной формой производственных отношений стал наемный труд с элементами внеэкономического принуждения. Консолидация скотоводческих латифундий облегчалась отсутствием класса крестьянства. Вместо него в Пампе в колониальный период образовалась своеобразная лаплатская вольница — гаучо — независимые полукочевые охотники на дикий скот, которые были превращены в наемных работников-пеонов эстансий.

Трансформация торгового капитала в промышленный не привела, однако, к складыванию собственно промышленной буржуазии. Креольские купцы наряду с вложением капитала в саладерос скупали уже существовавшие и основывали новые эстансии, сохраняя позиции и в экспортно-импортной торговле в качестве младших партнеров английского капитала. Такая структура местного капитала, отсутствие обособления между его различными формами сохранились и в последующий период в качестве характерной черты аргентинской крупной буржуазии — олигархии. Превратившись в крупную помещичью буржуазию, она оставалась торгово-финансовой, став промышленной, не перестала быть аграрной. Экспортное производство находилось в руках олигархии и иностранного капитала. Последний контролировал реализацию аргентинской продукции на внешнем рынке.

Поскольку капиталистическое производство овладевает в первую очередь таким комплексом земель, которые вследствие особого плодородия и удобного местоположения могут приносить дифференциальную ренту, экономическим центром складывавшегося государства выступил Литораль во главе с единственным океанским портом Буэнос-Айресом. Литораль в наибольшей степени обладал преимуществами в производстве сельскохозяйственной продукции на мировой рынок. Это породило экономический раскол страны на два района — Литораль и внутренний — Интерьор, между которыми на протяжении всего первого столетия независимости нарастал разрыв в уровне развития. Появилась проблема богатых и бедных провинций, провинций «эксплуататоров» и «эксплуатируемых».

Развернувшиеся во второй половине XIX в. индустриализация и урбанизация в западных странах потребовали во все возрастающем количестве сырья для растущей промышленности и продовольствия для быстро увеличивающегося городского населения, что создало предпосылки для изменения структуры аргентинского сельскохозяйственного производства. Саладеро и связанное с ним выращивание крупного рогатого скота были оттеснены на второй план. Этому также способствовала ликвидация плантационного рабства в странах Нового Света.

На втором этапе аграрной эволюции наиболее динамично развивается с середины XIX в. шерстяное овцеводство. Решающее значение здесь имели внешние факторы. Растущая текстильная промышленность в Западной Европе нуждалась во все возрастающем количестве шерсти. Аргентинские эстансьеро, учитывая большой спрос на шерсть на мировом рынке, начали разводить овец.

Новая отрасль развивалась путем привлечения иммигрантов. Первоначальная нехватка рабочих рук обусловила специфические производственные отношения: аренду-апарсерию. Отношения строились на основе контракта между работником, который помимо своей рабочей силы вкладывал в производство часть капитала, и эстансьеро — он вместе с землей предоставлял остальной капитал. Полученная прибыль делилась в соответствии с авансированным капиталом. В Пампе получила развитие мелкая и средняя аграрная буржуазия.

Шерстяное овцеводство оставалось крупнейшей отраслью животноводства до конца XIX в. По количеству овец Аргентина уступала только Австралии; шерсть являлась ее главным экспортным товаром. Однако к 1890 г. аргентинское овцеводство достигло своего максимального развития и конкурировать с более высокой по качеству австралийской шерстью было не в состоянии. Еще раньше исчезла апарсерия. Ей на смену пришли отношения капиталистического найма.

Тем не менее именно на базе овцеводства были созданы предпосылки для дальнейшего развития производительных сил в сельском хозяйстве. Огораживание пастбищ и более интенсивное использование земли открыли путь для развития в Пампе товарного земледелия. Рост земледелия происходил на основе широкого привлечения иммигрантов на необрабатываемые прежде земли. Наряду с иммиграцией важнейшим фактором развития товарного земледелия стало строительство железных дорог.

С наступлением XX в. начался третий этап аграрного развития. Он характеризовался возвращением скотоводства на первое место и его интеграцией с земледелием. Прекращение мясного экспорта из США в Англию стимулировало аргентинский экспорт мяса в эту страну. Изменение конъюнктуры мирового рынка вызвало переворот в аргентинском скотоводстве. Латифундисты переходили от разведения скота в эстансиях на открытых пастбищах к современной системе — после откорма на огороженных пастбищах скот поступал на мясохладобойни-фригорифики. Новая эстансия не препятствовала развитию зернового земледелия, которое экономически включалось в систему животноводческого производства в качестве кормовой базы для скота. Латифундисты сдавали часть земли в аренду земледельцам — чакареро — сроком на 3—4 года. Чакареро сеял зерновые, а в последний год аренды обязан был засеивать поле кормовыми травами. Таким способом создавались прекрасные пастбища. По истечении срока аренды чакареро получал от эстансьеро новый участок земли и все повторялось. Подобная система хозяйствования снимала противостояние земледелия и скотоводства, экономически подчинив первое второму, а чакареро — эстансьеро. Этот достаточно гибкий способ хозяйствования удовлетворял и запросы мирового рынка. При изменении рыночной конъюнктуры латифундисты всегда могли быстро перестроиться: сегодня производить больше зерна, завтра — мяса, и наоборот.

С развитием мясохладобойной промышленности произошла окончательная достройка агроэкспортной модели. Открытие принадлежавших английскому и американскому капиталу фригорификов позволило наладить производство мороженой и охлажденной говядины, которая наряду с мороженой бараниной предназначалась на экспорт. Главным рынком сбыта всех сортов аргентинского мяса являлась Англия, а охлажденной говядины, в силу природно-климатических и географических условий — единственным. Вместе с Австралией Аргентина делила британский рынок мороженой говядины и занимала 2-е место после Новой Зеландии в экспорте мороженой баранины.

Перестройка производственной структуры латифундий и рост мирового спроса на сельскохозяйственную продукцию вызвали увеличе-

ние посевных площадей: с 1895 по 1914 г. в 5 раз. Аргентина прочно заняла лидирующие позиции в мировом экспорте пшеницы, кукурузы, льняного семени. Собранный в Аргентине урожай влиял на уровень мировых цен на зерновые.

Система латифундий породила крайнюю поляризацию в распределении земельной собственности. Латифундии, т. е. хозяйства свыше 1 тыс. га, составляли в 1914 г. менее 1/10 всех хозяйств, но на них приходилось 4/5 всей земельной площади. Господство крупного землевладения закрывало доступ к земле основной массе иммигрантов, и большинство из них проживали в городах. В 1914 г. городское население составляло 4,525 млн человек (57,3 %) против 3,359 млн сельского (42,7 %) при общей численности населения Аргентины 7,885 млн человек.

По структуре производства Аргентина представляла собой страну аграрную, но по структуре занятости — все более городскую. В это время Аргентина получила название «аграрной страны без крестьян». То, что страна жила за счет сельского хозяйства, но преимущественно в городах, объяснялось относительно высоким выходом товарной продукции в Пампе — фонд свободных земель там обеспечивал развитие несельскохозяйственных секторов.

Промышленность являлась дополнением агроэкспортной экономики и концентрировалась также в Литорале, прежде всего в городе-гиганте Буэнос-Айресе. Здесь в 1914 г. проживала 1/5 населения страны. Буэнос-Айрес развивался в первую очередь как крупный порт — центр внешней торговли, связующее звено между аграрной периферией и мировыми центрами капитализма. Ведущую роль в нем играли те социальные слои, которые обеспечивали бесперебойное функционирование агроэкспортной экономики. Ключевые позиции в производственной сфере принадлежали пищевой, обувной, швейной, мебельной, полиграфической промышленности, а также металлообработке, техническому обслуживанию и ремонту, которые ориентировались на удовлетворение растущего спроса городского рынка. Существовавшие крупные фабрики обрабатывающей промышленности топили в океане мелких предприятий и кустарных мастерских. В стране полностью отсутствовала тяжелая и горнорудная промышленность, а действовавшие предприятия работали на привозном английском угле. Ко времени Первой мировой войны Аргентина ввозила более половины промышленных товаров конечного спроса.

Внешний фактор предопределил и особенности железнодорожного строительства, которые отражались на развитии внутреннего рынка. Транспортная сеть способствовала складыванию агроэкспортной экономики и росту металлургической и машиностроительной про-

мышленности в западноевропейских странах, прежде всего в Англии, откуда шли капиталы, необходимое оборудование и материалы для железнодорожного строительства. Поскольку железные дороги предназначались для доставки мяса и зерна к портам, то густой сетью дорог обладал лишь район Пампы, и они скрещивались в Буэнос-Айресе. Строительство осуществляли иностранные компании, получавшие от аргентинского правительства в качестве поощрения земельные участки. К 1914 г. Аргентина имела крупнейшую в Латинской Америке железнодорожную сеть — 35,8 тыс. км.

Складывание и функционирование агроэкспортной экономики стало возможно благодаря притоку в Аргентину иностранного капитала. Он осуществлялся как в форме предоставления займов аргентинскому правительству, так и путем прямых капиталовложений в экономику страны. Главным инвестором была Англия. Британским компаниям принадлежала львиная доля аргентинских железных дорог и предприятий коммунального хозяйства. Лондонские банки были главными аргентинскими кредиторами. Великобритания контролировала внешнюю торговлю страны, являясь крупнейшим поставщиком промышленных товаров и основным потребителем продуктов аргентинского экспорта, перевозка которых велась на английских судах. За Аргентиной тех лет закрепилось название «пятого британского доминиона», «британской неформальной колонии».

Финансовое благополучие страны зависело от валютных поступлений из-за границы. Последние складывались от выручки за экспорт и иностранных займов. Сумма положительного сальдо торгового баланса была явно недостаточной для одновременного погашения долга, процентов по нему, выплаты дивидендов иностранным компаниям и оплаты растущего импорта. Аргентина одна, сама по себе, могла лишь обслуживать внешний долг ценой сокращения импорта. Однако это вело к нарушению функционирования хозяйственной модели, в которой рост сельскохозяйственного экспорта уравнивался увеличением промышленного импорта. Система нуждалась в постоянной финансовой подпитке, необходим был приток новых инвестиций, которые бесперебойно поступали в Аргентину до начала Первой мировой войны.

Избирательная заинтересованность иностранного капитала в вывозе лишь сельскохозяйственных продуктов способствовала превращению Пампы, скорее, в часть внешнего рынка Западной Европы, в анклав, слабо связанный с остальной страной. Вместе с тем сложившаяся ситуация имела условный характер. Пампа занимала площадь, превышающую территорию Франции, здесь компактно проживало

большинство населения и была сосредоточена экономическая деятельность.

Иностранные интересы простирались на все сельское хозяйство. Структура аргентинского экспорта не носила монокультурный характер, а отличалась политоварностью, включала всю номенклатуру продовольственных товаров умеренного пояса. Не было в Аргентине и трудоизбыточного населения в традиционных секторах. Последнее обстоятельство кардинально отличало Аргентину от других периферийных стран.

Менее глубокой была и зависимость Аргентины от мировых центров капитализма. Агроэкспортная экономика страны находилась в собственности олигархии и иностранного капитала. Сфера господства последнего ограничивалась транспортировкой (железные дороги), переработкой (фригорифики) и реализацией сельскохозяйственной продукции. Главное средство производства — земля в Пампе, приносящая дифференциальную ренту, — принадлежало латифундистам. На этом основании аргентинская олигархия обладала большей силой и самостоятельностью перед лицом иностранного капитала, чем господствующие классы в других латиноамериканских государствах. Значительная часть национального дохода оставалась в стране, чего не было в соседних странах. Все это обусловило превращение Аргентины в начале XX в. в наиболее развитое и богатое государство Латинской Америки.

Олигархический режим

Война за независимость положила начало образованию аргентинского государства на буржуазно-либеральных принципах: Аргентина провозглашалась республикой с представительной формой правления и разделением властей.

В первой половине XIX в. в Аргентине шел процесс генезиса национального государства: было заложено направление, по которому в дальнейшем развивался общественно-политический строй. Складывание государственных институтов в стране определялось конкретно-историческим типом капитализма, который восторжествовал с установлением помещичьей диктатуры Х.М. Росаса (1835—1852). С момента зарождения аргентинское государство конституировалось как олигархическое. Власть, экономическое и политическое господство принадлежали олигархии. Аргентинские торговцы, ростовщики, землевладельцы постепенно вовлекались в широкомасштабную торговую-промышленную деятельность. Собственно буржуазный и даже

просто городской элемент и социально-экономически и демографически в Аргентине по сравнению с развитыми капиталистическими странами был представлен крайне слабо.

Поскольку капитализм зародился в аграрной сфере, эстансия стала моделью складывавшегося государства. Отношения между эстансьеро и пеоном больше напоминали феодальные времена — отношения господина и слуги, чем условия свободного капиталистического найма. Патернализм в отношениях, когда эстансьеро в глазах пеона выступал не просто работодателем, но и защитником, покровителем своих «подданных», олицетворял каудильо. На политическом уровне каудильо представлял собой диктатора, предводителя военных сил, не ограниченного никакими формально действующими законами; на социальном — крупного землевладельца, выразителя интересов латифундистов; на этнокультурном — традиционное общество, в котором каудильо сразу, без промежуточных этапов, был вовлечен в орбиту капиталистического развития. Каудильизм, не значившийся ни в каких писаных законах, как социально-политический институт осуществлял власть в аргентинском обществе после завоевания независимости.

Государственно-правовые формы не были буржуазно-либеральными в собственном смысле слова. Для аргентинского государства было характерно не их спонтанное возникновение на основе социально-экономического развития страны, а насаждение на слабо подготовленную спонтанным историческим развитием почву в известной мере лишь внешних атрибутов буржуазно-либеральных порядков, приспособленных к местным потребностям, хотя прообразом для них служила теория и практика западноевропейского либерализма. Политическая структура развитых капиталистических стран рецептировалась господствующим классом Аргентины и наполнялась авторитарным содержанием.

В 1852 г. была свергнута диктатура Х.М. Росаса, и в следующем, 1853 г., Учредительное собрание в г. Санта-Фе приняло Конституцию Аргентины. В ее основу легли идеи борцов с диктатурой — «поколения 37 г.» — Э. Эчеверрии, Х.Б. Альберди, Д.Ф. Сармьенто, Б. Митре и др. Они усматривали источник аргентинских бед — бедность и деспотизм — в социально-экономической и культурной отсталости, которая проистекала из-за малочисленности креольского населения и его неспособности обеспечить стране движение вперед. Будущее Аргентины они связывали с созданием новой нации на основе массовой европейской иммиграции.

Программа заселения Аргентины европейскими иммигрантами и развития ее производительных сил на основе привлечения в страну

иностранный капитал мыслилась составителями Основного закона, и прежде всего его автором Х.Б. Альберди в рамках республики «возможной». Три главных элемента составляли эту республику: высокоцентрализованная федерация, сильная, практически абсолютная власть президента и ограничение народного суверенитета. Политическими правами пользовались немногие — богатое, просвещенное меньшинство. Народные массы были лишены права выбора. Гражданские права признавались за всеми жителями страны.

Для Альберди это не было отрицанием либерально-демократических принципов, а являлось неизбежным компромиссом со «старым порядком». Разрыв с ним, создание «действительной», т. е. либерально-демократической, республики должно было наступить позднее, когда новые население, промышленность и богатство покончат со старой культурой. На переходный период учреждалась республика «возможная». Ее задачей было создание гражданского общества, из которого в будущем появится республика «действительная».

Конституция 1853 г. устанавливала гражданское равенство иммигрантов с местным населением, но в то же время не требовала от них принятия аргентинского гражданства (ст. 20). Объявляя о поддержке правительством католической религии (ст. 2), конституция разрешала свободно отправлять религиозный культ иммигрантам (ст. 20).

Вопрос о территориально-политической организации государства решился в пользу федерации. Господствующее положение федерации в отношениях с провинциями обеспечивалось посредством установления юридического верховенства федерации и предоставлением центральному правительству права интервенции в дела провинций. Институт интервенции, которая не регламентировалась, стал эффективным инструментом контроля провинций со стороны федеральных властей.

Наиболее полно федеративный принцип государственного устройства воплотился в организации высшего законодательного органа — конгресса, состоящего из двух палат: палаты депутатов и сената, являющегося органом представительства провинций. Внепарламентский способ образования и отсутствие парламентской ответственности министров лишал конгресс центральной политической роли в стране.

Центральное место в системе высших государственных органов конституция отводила президенту. В Аргентине учреждалась президентская республика. По конституции президент был главой государства и правительства, главнокомандующим вооруженными силами, обладал значительными полномочиями в области законодательства. В его исключительной компетенции находились вопросы назначения

министров и отстранения их от должности (ст. 86). Стремясь избежать повторения диктатуры, авторы конституции ограничили срок президентства 6 годами без права переизбрания на непосредственно следующий срок (ст. 77), сделав выборы непрямыми, через коллегию выборщиков (ст. 81—85).

Разделение властей основывалось на смешанной структуре, соединявшей элементы президентского правления с системой сдержек и противовесов: двухпалатный конгресс, вето исполнительной власти и импичмент (ст. 45—51). Кроме импичмента, конгресс мог осуществлять контроль над исполнительной властью путем вызова министров (ст. 63)¹.

Авторы конституции отступили от модели «возможной» республики в одном — они не ограничили избирательные права. Основной закон не вводил ни имущественного, ни образовательного цензов для избирателей. Конституция устанавливала, что выборы будут регулироваться национальным законом о выборах.

Завершение национально-государственной организации в 1880 г. привело к реализации на практике заложенной в конституции линии на установление практически неограниченной президентской власти. В этом же году президентом Аргентины стал герой завоевания «пустыни»² генерал Х.А. Рока.

С приходом Роки к власти открылась новая страница аргентинской истории — эпоха олигархического режима. Рока в качестве его творца в течение четверти века, действуя открыто как президент (1880—1886) и (1898—1904) или из-за кулис, вершил судьбы Аргентины. Вместе с Рокой в политику пришли новые люди — «поколение 80 г.» — М. Хуарес Сельман, Э. Вильде, М. Канне и др. Большинство «поколения 37 г.» рассматривали президентскую диктатуру как временное явление. Не случайно Д.Ф. Сармьенто уже в конце 70-х годов призывал осуществить переход к либерально-демократическому режиму и попытался создать первую общенациональную политическую партию. В отличие от них «поколение 80 г.» принимало принципы либеральной экономики, но отвергало политическую демократию. Либералы и прогрессисты, эти деятели не были демократами и не верили в эффективность всеобщего избирательного права. Теоретически легитимность либеральной демократии не подвергалась сомнению, откладывалось лишь ее осуществление на практике до того

¹ Constitución de la Nación Argentina. Buenos Aires, 1956. P. 6—28.

² «Пустыней» назывались находившиеся вне юрисдикции Аргентинского государства территории в Чако, Пампе и Патагонии.

времени, когда к этому будет готово большинство народа. Режим стремился деполитизировать общественную жизнь, заменить политику административным управлением. Его девизом стало изречение Роки «мир и управление».

Политическая система основывалась на недопущении волеизъявления граждан. Формально конституционные процедуры обновления властей строго соблюдались: выборы проводились регулярно, точно в срок и на всех уровнях. В Аргентине, в отличие от многих европейских стран того времени, не было избирательных цензов. Однако их отсутствие не делало выборы демократическими. Существовала система тотального правительственного контроля над избирательными процессами, получившая название «правительство — главный избиратель».

Исполнительная власть контролировала как собственные выборы, так и выборы Национального конгресса и провинциальных legislatures. По существу, выборы заменялись назначением властями соответствующего уровня (президент, губернаторы и ниже) своих преемников. Таким образом, внутри самого господствующего класса отсутствовал механизм передачи власти оппозиции. Это вело к установлению монополии на власть со стороны одной из фракций олигархии, ущемлению интересов других ее групп. Если на социально-классовом уровне олигархия представляла собой крупную буржуазию на агроэкспортном этапе развития капитализма, то на политическом — власть немногих из этой буржуазии. Именно в своем втором, политическом, значении это понятие стало широко использоваться в Аргентине в конце XIX — начале XX в.

В 1880—1890 гг. установившийся в стране политический режим получил название «уникато» и являлся своеобразной формой президентского самодержавия. Президент единолично подбирал угодных ему губернаторов провинций и собственного преемника. Так, президент Рока фактически назначил на президентский пост своего шурина М. Хуареса Сельмана (1886—1890). В 1891—1910 гг. «уникато» трансформировался в «акуэрдо» — соглашение: по-прежнему происходили назначения, а не выборы властей, но в них участвовала умеренная оппозиция, которая на основе закулисных договоренностей кооптировалась в режим путем предоставления должностей и выдвижения кандидатур.

Ядром системы являлась национально-автономистская партия (ПАН). Название не отражало сути организации, которая оставалась конгломератом провинциальных группировок, не объединенных на национальном уровне. Они носили персоналистский характер, будучи клиентелой губернаторов соответствующих провинций. По существу,

ПАН была лигой губернаторов, которую возглавлял президент республики. Тактика ПАН основывалась на договоренности между центральным правительством и региональными элитами: президент должен был защищать власть губернаторов провинций в их сферах влияния, а губернаторы поддерживать президента на его посту.

Избирательная система характеризовалась следующими главными признаками: голосование было добровольным, носило открытый, а не тайный характер; все кандидаты считались избранными, если главный кандидат из списка получал хотя бы на один голос больше (система полного списка). Иммигранты избирательных прав не имели, ими могли пользоваться лишь уроженцы страны, но и для последних они оставались на бумаге. Для голосования необходимо было записаться в избирательный регистр и получить избирательное удостоверение.

Для контроля над выборами власти назначали угодных им членов комиссий по составлению регистров. В избирательные списки не заносились лица, чья лояльность вызывала сомнения. И напротив, сторонники правительства регистрировались одновременно в нескольких местах. В списки для голосования заносились мертвые души, а умершие к моменту выборов из списков не вычеркивались. Отсюда происходит знаменитая фраза той эпохи: «Голосуют даже мертвецы!» Счетные комиссии формировались по жребию из предварительного списка, составленного провинциальными легислатурами, что обеспечивало контроль за их деятельностью. Закон не предусматривал наказания за подкуп, запугивание избирателей и фальсификацию избирательных списков.

Избирательная система дополнялась наличием так называемых «летучих» избирателей, или «ласточек». Они голосовали по несколько раз в одном или нескольких участках. Со временем традиционные формы подлога заменялись торговлей избирательными удостоверениями и прямой покупкой голосов. «Нет более свободного голоса, чем тот, который продается», — еще одна крылатая фраза того времени. Необходимым элементом системы были так называемые электоральные каудильо — посредники между кандидатами и избирателями. Электоральные каудильо действовали во всех избирательных округах как в городе, так и в деревне. В последней они служили для мобилизации пеонов на выборы. Они выкрадывали бюллетени, предлагали зависимые от них голоса тем или иным кандидатам.

В целом по стране лишь немногие потенциальные избиратели принимали участие в выборах. Наибольшая активность наблюдалась в сельской местности, где каудильо могли осуществлять более эффективный контроль над избирателями, чем в крупных городских центрах.

Олигархический режим занимал радикальную социал-дарвинистскую позицию, которая служила интеллектуальным оправданием господствующих порядков. Аргентинский позитивизм подчинял все ценности экономической выгоде. «Моральный кодекс» аргентинского позитивиста был очень прост: «Хорошо все, что полезно для материального прогресса и экономического развития страны». Естественно, что под страной имелась в виду прежде всего олигархия.

Либеральная и космополитическая олигархия отвергала все, что представляло собой испанскую традицию — колониальную и католическую, отождествлявшуюся с обскурантизмом. Ее антиклерикализм проявился в конфликте с церковью, последовавшим после принятия во время президентств Роки и Хуареса Сельмана законов о светском образовании и гражданском браке. Правящий класс смотрел свысока не только на собственный народ, но и на другие латиноамериканские страны, считая Аргентину призванной указать им путь в цивилизацию.

В идейно-политической области позитивизм стал основой формирования либерального консерватизма. Последний соединял элементы либерализма, главным образом через предоставление конституционных гарантий и защиту олигархического государства путем отказа от демократизации политического строя на том основании, что это могло вызвать возврат к анархии. Представители «поколения 80 г.» считали, что политической реформе должно предшествовать изменение обычаев и привычек — реформа менталитета — «деиспанизация», «делатинизация» народа. Они не желали осложнять экономическое развитие страны политической борьбой даже в мирных конституционных формах между различными фракциями внутри самого господствующего класса.

Лозунг Роки «мир и управление» как нельзя лучше выражал суть либерально-консервативной доктрины. Без внутреннего мира Аргентина не могла рассчитывать на приток в страну иностранного капитала и иммиграции. Олигархия шла на национальную организацию под лозунгом: «Революции не котируются на лондонской бирже». Мир означал политическое и социальное спокойствие, был синонимом сохранения статус-кво, устранял угрозу борьбы за власть, которая могла стать опасной для правящего класса. Управление сводилось к реализации на практике идей прогресса и обогащения. Политический консерватизм понимался как деятельность против резких изменений в системе власти, а не как философское отрицание принципов либерализма и прогресса.

Политика либерально-олигархического государства носила двойственный характер. Поскольку само государство окончательно сложилось на этапе перехода от скотоводческой к диверсифицированной аграрной экономике, исторической функцией государственной власти

не могло не стать стимулирование экономических процессов и социальных сил, создававших эту экономику. Социальная же природа государства проявилась в том, что развитие производительных сил оставалось у черты, за которой продолжение этой политики грозило олигархии утратой господствующего положения.

Правящий класс выступал против индустриализации, связывая будущее Аргентины с развитием агроэкспортной экономики. Техническое и специальное образование не пользовалось престижем. Считалось, что среди иммигрантов достаточно ремесленников. Закон о патентах практически не действовал. Изобретения не встречали официальной поддержки. При существовании всеобщего обязательного начального образования (с 6 до 14 лет) дети рабочих посещали лишь 1—2 класса. По мнению элиты, ребенку из рабочей семьи нужна была лишь элементарная грамотность.

Политика экономического либерализма преследовала цель создать условия тесного взаимодействия олигархии с британским капиталом для роста агроэкспортной экономики. Все олигархические правительства следовали принципам свободной торговли. Правда, импортные товары и в Аргентине облагались таможенными пошлинами, но таможенный протекционизм служил не для защиты и развития промышленности, а являлся главным источником государственных доходов. Выращивая хлопок и разводя овец, Аргентина долгое время не имела собственной текстильной промышленности.

В области железнодорожного строительства аргентинские власти предоставили полную свободу действий иностранным инвесторам, которые создали чисто иностранные компании со штаб-квартирой в Западной Европе. Железнодорожные компании закрепили агроэкспортную направленность аргентинской экономики, подчинили сельскохозяйственное производство страны нуждам западноевропейского, манипулируя железнодорожными тарифами. Низкие тарифы стимулировали производство и вывоз в Буэнос-Айрес, а оттуда за границу, необходимого для Запада сырья и продуктов питания. В то же время высокие железнодорожные тарифы душили те отрасли хозяйства, в развитии которых иностранный капитал не был заинтересован.

На протяжении практически всего XIX в., за исключением 1866—1876 и 1883—1885 гг., в Аргентине господствовало бумажно-денежное обращение с постоянно обесценивающимся песо. Инфляция отвечала интересам латифундистов, в чьих руках концентрировалась земельная собственность в Пампе, и являлась средством перераспределения доходов в их пользу. С конца XIX в. рост цен на мировом сельскохозяйственном рынке вызвал подорожание песо. Доходы эстанс-еро в национальной валюте стали падать, а покупательная способ-

ность рабочего росла. Остановить невыгодное для правящего класса подорожание песо был призван специальный закон: в 1899 г. вводилась конвертируемость песо, т. е. свободный обмен на золото на фиксированной основе (1 бумажный песо = 0,44 золотого). Введение золотого стандарта обеспечило стабильность песо, прекратилось его подорожание и иностранным инвесторам была гарантирована пунктуальная выплата по внешнему долгу.

Политика либерализма противоречила национальным интересам страны в области иммиграции и в аграрном вопросе. Правящие круги, широко открыв Аргентину для европейской иммиграции, стремились обеспечить агроэкспортную экономику дешевой рабочей силой. В стране, в отличие от англосаксонских переселенческих стран, отсутствовала общенациональная политика льготного наделения иммигрантов земель с обязательной натурализацией. Олигархии нужны были бесправные иностранцы-арендаторы, а не фермеры-собственники, граждане страны. Это препятствовало развитию свободного предпринимательства в земледелии. Вследствие краткосрочной аренды арендатор не был заинтересован вкладывать средства в развитие хозяйства. Отсутствие сельскохозяйственного кредита вынуждало земледельца прибегать к услугам торгово-ростовщического капитала, тесно связанного с иностранными компаниями, контролировавшими экспорт аргентинского зерна.

Зависимое положение Аргентины в мировой экономике лишало ее самостоятельных действий на мировой арене. Внешнеполитические мероприятия аргентинских правительств, как правило, являлись ответом на угрозы или вмешательство иностранных держав или же касались отношений с сопредельными странами.

Успехи страны в рамках агроэкспортной модели привели к возрастанию ее международной роли, прежде всего в межамериканских делах, где позиция Аргентины отличалась относительной самостоятельностью. Аргентина возглавляла оппозицию США на панамериканских конференциях, выступала инициатором разработки «международного латиноамериканского права», призванного вооружить государства региона средствами международно-правовой защиты от иностранных интервенций и создать арбитражный суд для мирного урегулирования возникавших между ними споров. Крупнейшая акция в этом направлении — «доктрина Кальво — Драго». Ее суть заключалась в том, что «государственный долг не может быть причиной вооруженной интервенции, ни тем более оккупации территории американских государств европейской державой»¹. Частично ее положения в виде «кон-

¹ *Fabela I.* La doctrina Drago. Mexico, 1946. P. 17.

венции Драго — Портера» были одобрены второй Гаагской конференцией в 1907 г.

Известная внешнеполитическая самостоятельность Аргентины имела свои пределы и может быть понята в контексте существовавших противоречий между США и европейскими державами. Правящие круги Аргентины в силу включенности страны в экономическую систему западноевропейских стран ориентировались на эти державы, прежде всего на Англию — конкурента США на мировом рынке продовольственных товаров.

Расколотовое общество

На рубеже XIX—XX вв. Аргентина представляла собой типично переселенческую страну. Выходцы из Италии и Испании и их дети составляли подавляющее большинство жителей. Натурализация иммигрантов происходила медленно, раскол на креолов — коренных жителей и иностранцев-гринго сохранялся на протяжении десятилетий. Во время празднования столетия независимости в 1910 г. в ходу была фраза: «Теперь Аргентина создана, но нужно создать аргентинцев».

Иммигранты были заинтересованы в сохранении прежнего гражданства. По аргентинскому законодательству они имели одинаковые с аргентинскими гражданами права, но в отличие от последних не могли быть призваны в армию. Как иностранные граждане они пользовались дипломатической защитой своих стран. Все эти обстоятельства обусловили низкий процент натурализации иммигрантов. В 1914 г. из 2,358 млн иностранцев, проживавших в стране, лишь 33,2 тыс. приняли аргентинское гражданство.

Люди пересекали океан с мечтой «сделать Америку» — преуспеть в Новом Свете. Вновь прибывший на аргентинскую землю земледелец или квалифицированный, полуквалифицированный рабочий в возрасте 15—64 лет оказывался человеком, лишенным корней. «Победить или вернуться» — вот дилемма, с которой он сталкивался. Испания или Италия была его родиной, но свое будущее он связывал с Аргентиной, землей неисчерпаемых возможностей, где надеялся обрести лучшую жизнь.

Иммигранты составляли большинство владельцев промышленных предприятий, особенно в отраслях, которые требовали относительно высокой квалификации. В 1914 г. им принадлежало 66 % всех предприятий и 64,5 % вложенного капитала. Уроженцы страны практически были вытеснены из торговли. В Буэнос-Айресе 82 % торговых фирм находились в руках иммигрантов. Велика была их доля и

среди собственников городской недвижимости. Среди землевладельцев иммигрантов было немного. Сотни тысяч выходцев из Италии и Испании становились арендаторами или сельскохозяйственными рабочими. Главными земельными собственниками продолжали оставаться эстансьеро — уроженцы страны.

Массовая европейская иммиграция способствовала появлению новых классов и социальных групп: промышленной буржуазии, пролетариата, фермерства, городских средних слоев. Вместе с тем господствующая социально-экономическая структура наложила печать на процесс классообразования. Это касалось всех классов, хотя и в различной степени.

К 1914 г. 2/3 средних слоев составляли выходцы из рабочего класса. Трудящиеся ехали в Аргентину разбогатеть, повысить свой общественный статус. Пребывание в рядах рабочего класса они рассматривали как временное явление. Надежды рабочих были обусловлены уровнем промышленного развития Аргентины. В стране преобладали мелкие полукустарные предприятия, ремесленные мастерские. Успешная работа в них зависела от квалификации работника, его инструментов и небольшого капитала. Всем этим мог располагать приехавший иммигрант или он мог это заработать. Поэтому квалифицированный рабочий стремился скопить денег и открыть собственную мастерскую. Очень часто не подлинное социальное положение, а эти взгляды определяли поведение рабочих. Все это серьезно затушевывало картину классовых отношений в стране.

В период экономического бума в Буэнос-Айресе зарплата квалифицированного и полуквалифицированного рабочего — в 2—3 раза выше, чем у аналогичных категорий в городах Южной Европы, — словно магнит притягивала рабочих из Италии и Испании. Большие заработки уравнивались высокими ценами на продукты питания. В стране — мировом экспортере сельскохозяйственной продукции, хлеб стоил дороже, чем в западноевропейских столицах, а мясо в Буэнос-Айресе часто продавалось дороже, чем этот же продукт на лондонском рынке. Во время кризисов отмечалось резкое падение жизненного уровня трудящихся; массовая безработица приводила к эмиграции из Аргентины. Продолжительность рабочего дня составляла обычно 10—12 часов и условия труда были тяжелыми (антисанитария, отсутствие техники безопасности). Широко использовался труд женщин и детей. Отсутствовало рабочее законодательство.

Важным показателем уровня жизни городского рабочего было жилье. Многие рабочие-иммигранты первоначально селились в коммунальных домах (конвентильо), появление которых в Буэнос-Айресе было связано с притоком иммигрантов. Цены на комнату в конвенти-

ль постоянно росли и стоимость жилья для бедных в 8 раз превышала плату за аналогичное жилье в Париже или Лондоне. Большинство проживали в небольших квартирах, которые мало чем отличались от конвентильо.

Конвентильо и дворцы олицетворяли собой два полюса, на одном жили только что прибывшие бедные иммигранты, на другом — олигархия. Между ними располагалось остальное население. Во время бума 1905—1912 гг. семья квалифицированного рабочего, в которой все, включая детей, работали, могла, откладывая ежемесячно 5—6 золотых песо, в течение 6—10 лет приобрести клочок земли и построить на нем однокомнатный дом.

Во внутренних провинциях, в первую очередь на севере Аргентины, развитие капитализма не сопровождалось наплывом иммигрантов, и центральной фигурой оставался креольский рабочий, а также индеец — представитель небольшого коренного населения на границе с Боливией и Парагваем. На плантациях и сахарных заводах Тукумана, лесоразработках Чако царили докапиталистические формы эксплуатации: побои и колодки, кабальные продовольственные лавки, а также пеонаж — долговое рабство. Периферийное положение внутренних провинций в экономике страны и малочисленность их трудового населения — креолов и индейцев не могли существенно влиять на развитие рабочего движения в стране.

Если на Западе конституирование пролетариата в класс происходило уже в более или менее сложившихся нациях, то в Аргентине он появился раньше, чем закончился процесс национальной консолидации. Превращение пролетариата в активный фактор национальной жизни тормозилось местной спецификой. В 1914 г. из 410 тыс. рабочих 200 тыс. были иммигрантами, т. е. людьми, не включенными в политическую жизнь страны. Часть из них рассматривала свое пребывание в Аргентине как временное явление. Такой характер пролетариата, содействуя известной легкости, с которой массовые отряды рабочих втягивались в экономическую борьбу, в то же время мало обогащал их опытом участия в национальной общественно-политической жизни. По сути дела пролетариат выступал в качестве ее стороннего наблюдателя, а не участника.

Утверждение капитализма в Пампе не вело к ликвидации крестьянства, которого здесь не было. Напротив, острая нехватка рабочих рук в аграрной сфере потребовала массового использования труда иммигрантов. Колонизация, основанная на аренде, не генерировала систему помещичьего господства классического типа, как это имело место на аргентинском севере и в соседних латиноамериканских странах. Аргентина стала тем местом, куда европейские страны сбывали

свое избыточное население, разряжая тем самым внутреннюю социальную напряженность, в том числе и путем поощрения сезонной «ласточковой» иммиграции, когда в Аргентину на время уборки урожая приезжали сельские поденщики, «ласточковые» иммигранты, чтобы затем с накопленной суммой денег возвратиться на родину. Первоначальные ожидания тех, кто остался в стране получить землю, слабели, но не исчезали, стимулируемые надеждами на социальное восхождение.

Агроэкспортный характер экономики обусловил развитие промышленности на основе данной экономики, а не вопреки ей. Развитие многих отраслей промышленности было как бы не нужно. Крупная промышленность почти целиком ограничивалась переработкой сельскохозяйственной продукции, поэтому между промышленниками и аграриями не было крупных разногласий. В созданный в 1887 г. Промышленный союз входили как те, так и другие. По своему влиянию Промышленный союз не мог соперничать с созданным в 1866 г. Сельскохозяйственным обществом — объединением крупных землевладельцев. Промышленный союз выступал за пересмотр таможенной политики в сторону протекционизма и открытия промышленного кредита, но в его рядах не было единства. Входившие в союз торговцы-импортеры ратовали за снижение промышленных пошлин. Предприниматели выступали против забастовочной борьбы трудящихся и признания профсоюзов, ратуя за свободу контракта.

Характерной особенностью социальной структуры Аргентины являлся высокий удельный вес средних городских слоев. Увеличение здесь шло за счет роста числа служащих и интеллигенции. В стране появилось новое поколение — дети иммигрантов, по рождению это были аргентинские граждане, но уже с определенным уровнем образования. Агроэкспортная экономика предоставляла им небольшой выбор: предпринимательство в мелкой промышленности и торговле или карьера в государственном аппарате. Их карьерные устремления не могли не натолкнуться на ограниченные возможности экономической модели, что, в свою очередь, являлось проявлением тормозящего влияния господствующей социально-экономической структуры на развитие производительных сил.

Взятая на вооружение господствующим классом либерально-позитивистская идеология ориентировала на создание системы ценностей и поведения в народе, которая была бы благоприятна происходившим экономическим, технологическим и культурным изменениям, но не затрагивала господства олигархии. Идеи позитивизма оказали сильное влияние на все классы аргентинского общества и в

этом смысле можно говорить об установлении культурной гегемонии правящего класса.

Интеллигенция и средние слои в целом видели в экономическом росте и распространении образования гарантию собственного прогресса. Те же самые причины позволяли рабочим надеяться на исполнение их мечты «сделать Америку». Как стремившийся стать независимым работником или мелким коммерсантом рабочий принимал господствующую социокультурную линию поведения, а как наемный работник он пытался скрыть свое пролетарское положение. Отсюда его равнодушие, нежелание участвовать в политике. Участие в ней означало бы, что он смирился со своим положением, в то время как его стремлением было восхождение по социальной лестнице.

Такая линия поведения как нельзя лучше соответствовала целям олигархии: превратить иммигранта в производительную силу, чтобы он воспринимал Аргентину как источник работы, как новое место жительства, но не как свою новую родину.

Вместе с тем механизм согласия был непрочным как в отношении рабочих, так и средних слоев. По мере роста последних они все более проникались идеями демократии, с которой связывали свое дальнейшее социальное восхождение, и становились в оппозицию к олигархическому режиму — главному препятствию на этом пути.

Господствующая идеология могла укорениться, если сбывались ожидания иммигрантов. В противном случае у многих тысяч иммигрантов, которые превращались в наемных работников, возникала предрасположенность принять идеологию анархизма или социализма. Фактором, который трансформировал эту потенциальную возможность в реальные действия, были условия жизни и труда рабочих, что вело к разрыву с предшествующими ожиданиями, толкали иммигрантов на борьбу с капиталом и объективно ставили их в конфронтацию с олигархией.

Существовали благоприятные условия для быстрого перехода рабочих к классовой борьбе. Особенности развития капитализма в стране обусловили раннюю зрелость классового конфликта. Формирование рабочего класса не повторяло этапов, пройденных пролетариатом в развитых капиталистических странах. Агроэкспортная экономика складывалась как часть мировой капиталистической системы, в ядре которой уже произошла промышленная революция. В Аргентине промышленность не прошла классических этапов развития от простой капиталистической кооперации к крупной механизированной промышленности, а представляла собой сочетание численно преобладавших ремесленных мастерских с крупными фабриками. Но на них работали выходцы из капиталистических, а не колониальных и зависимых

стран, они были знакомы с формами классовой борьбы и пролетарской идеологии. Многие иммигранты имели опыт классовой борьбы у себя на родине, что вело к установлению связи с новыми течениями в рабочем движении европейских стран: социализмом и анархизмом, оказавшими на них идейное влияние. Высокая географическая концентрация пролетариата в стратегических центрах, прежде всего в столице Буэнос-Айресе, придавала рабочему движению огромный резонанс не только в Аргентине, но и в Италии, и Испании, откуда происходила основная масса иммигрантов.

Рабочее движение ограничивалось экономическими требованиями. Тем не менее рабочий класс поддерживал начавшееся движение средних слоев и оппозиционных к режиму групп олигархии, выступавших за демократизацию политической системы.

Становление политических партий

Для олигархического режима первым серьезным испытанием стал кризис 1890—1893 гг. В это время началось широкое движение под лозунгом демократизации и морального обновления общества. В 1891 г. возникла первая политическая партия — Гражданский радикальный союз (ГРС), или радикальная партия. ГРС объединил в своих рядах средние слои и оппозиционные к режиму группы олигархии. Несмотря на поражение предпринятой ГРС попытки революционного выхода из кризиса и установления демократического режима, демократизация политической системы Аргентины оставалась первейшим требованием всей страны. То направление политического развития — республика «возможная», — которое было задано на «старте» агроэкспортной экономики, уже не находило поддержки у широких социальных групп, сложившихся в результате ее развития.

ГРС существенным образом отличался от созданных к этому времени на Западе политических партий, организованных по социально-классовому признаку. Отсюда и различное содержание понятия радикализма в Аргентине и Европе. Там радикальные партии занимали левый фланг уже утвердившейся в этих странах политической демократии, выражая, как правило, интересы мелкой и средней буржуазии. В Аргентине радикальная партия боролась за установление демократии, выражая тем самым общенациональные интересы. Ее радикальность лежала в иной историко-культурной плоскости, нежели в развитых капиталистических странах.

Особенности исторического развития Аргентины, в которой система представительных институтов появилась раньше, чем сложилась соответствующая политическая культура, обусловили двойственный характер ГРС. Перед ним стояли две неразрывно связанные задачи: бороться с правящим режимом на выборах, выдвигая конкретную избирательную платформу, т. е. действовать как политическая партия в собственном смысле этого слова, и выступать как широкое общественно-политическое движение, главной задачей которого являлось внесение демократического сознания в народную массу. В последнем случае речь шла о программе союза вокруг вопросов допартийных, предваряющих собственно политическую борьбу в рамках конституционного строя: народный суверенитет, моральная ответственность в исполнении государственных функций, строгое выполнение национальной конституции.

По окончании кризиса 1890—1893 гг., со стабилизацией олигархического режима И. Иригойен, он встал во главе партии в 1896 г. после смерти основателя ГРС Л. Алема, сделал выбор в пользу общенационального движения. Он отказался от выработки конкретной программы и ограничился требованием соблюдения национальной конституции.

Иригойен считал, что аргентинское общество не достигло того развития, когда ГРС мог действовать как политическая партия. На пути утверждения демократии стоял правящий режим, и, кроме того, большинство народа еще не осознавало необходимости участия в выборах как морального долга. «Когда цирк интересуется аргентинцев больше, чем избрание собственного правительства, мы не должны удивляться беззаконию властей. Для того чтобы устранить его, необходима сильная моральная реакция в людях, что позволит возродить гражданские способности аргентинцев»¹. Иригойен выделял моральную деградацию в качестве главной причины, которая обусловила фальсификацию государственных институтов и беды в других областях общественной жизни. Вычленив, по его мнению, главную и универсальную причину, сформулировав положение о радикализме как этике, Иригойен открыл ряды ГРС для всех граждан, так как моральное исправление нации соответствовало всеобщим интересам. На этом основании лидер радикалов обосновал законное право ГРС на существование как общенационального движения.

Исправление представляло собой, по определению Иригойена, «внесение гражданского сознания» и приобретало национальный характер в той мере, как охватывало все население. Привить чувство

¹ Hipólito Yrigoyen. Pueblo y Gobierno. T. I — XII. Buenos Aires, 1956. T. II. P. 10.

надклассовой общности — нации — путь, который позволял объединить всех аргентинцев для торжества демократии. Национализм радикалов носил демократический характер, служил средством распространения прав и обязанностей «общей гражданской жизни» на все общественные классы и преследовал цель «проложить конец антагонизму между народом и правительством».

Взгляд Иригойена на ГРС как общенациональное движение имел характер гражданской религии. Иригойен видел себя не политическим лидером, а проповедником, представлял свою деятельность как «апостольскую миссию», а «радикализм как освободительную религию», который дал «новую политическую мораль и внушил чувство моральной ответственности за судьбу человека».

Исправление несло в себе и этико-философское содержание. В представлении Иригойена Аргентина в своем историческом развитии прошла два этапа: национального освобождения и национальной организации. Последний был прерван появлением коррумпированного режима, и страна оказалась сбитой с пути. Исправление представляло собой третий этап, возвращение на истинный путь — к принципам, провозглашенным Майской революцией, которые обрели конституционные формы на этапе национальной организации, но были попорчены режимом. Одновременно исправление означало восхождение на новый этап — не только реставрации, но и созидания и реализации всех духовных потенций индивида и общества в их гармоничном сочетании. Исправление не могло осуществиться без революции, которая и делала его реальным.

В системе взглядов Иригойена революция обрела морально-этическое содержание. Он рассматривал ее как состояние духовного восстания против режима. В такой трактовке насилие носило прежде всего моральный характер и являлось частью триады: революция, непримиримость и абсентеизм.

Вся триада имела, по мысли Иригойена, революционный характер и служила цели исправления. Непримиримость как форма решительного неприятия режима воспитывала сознание, что переговоры и соглашение с режимом коррумпируют характеры. Отнимают революционную волю, подвергают эрозии радикализм. Иригойен придавал непримиримости характер догмы, призванной сохранить этическую чистоту радикализма. Абсентеизм воспитывал непокорность и состоял в отказе радикалов участвовать в мошеннических выборах. В течение многих лет отказ от участия в выборах составлял существенную часть стратегии радикалов в их фронтальной оппозиции к режиму. Эти способы политического действия комбинировались в рамках радикальной революции, которая совершалась как путем абсентеизма, так и воору-

женного протеста и преследовала цель морального возрождения нации, восстановления ее институтов и суверенитета.

В иригойенизме понятия «радикализм» и «нация» сливались в единое целое. В представлении Иригойена, «ГРС — это сама родина». Такой взгляд имел под собой основание. Радикализм возник в эпоху массовой европейской иммиграции, когда остро встала проблема интеграции огромной массы людей — детей иммигрантов — в аргентинскую нацию. На новом этапе ее развития интересы этих людей выражал ГРС. Демократия, за которую боролись радикалы, гарантировала включение этих масс в общественную жизнь в качестве полноправных граждан, давала им возможность повысить свой общественный статус. Национализм радикалов был неразрывно связан с демократией и противостоял олигархии. С точки зрения радикалов, идеи политической демократии и морального исправления должны были стать важнейшими элементами национального сознания, их усвоение — свидетельством его обретения.

Хотя Иригойен никогда не сводил революционное действие к «вооруженному протесту», он не отрицал восстание и пошел на него. 4 февраля 1905 г. руководство ГРС предприняло попытку вооруженного свержения режима, в которой приняли участие воинские части и группы сторонников партии. Восстание началось одновременно в столице и главных провинциях страны. Правительство, заранее уведомленное о готовящемся выступлении, приняло энергичные меры. Войска заняли столичный военный арсенал и под угрозой немедленного расстрела на месте вынудили восставших офицеров сдаться. После поражения в столице радикалы сложили оружие. Несмотря на неудачу, ГРС не прекратил борьбу за демократизацию государственного строя.

Следствием кризиса 1890—1893 гг. было более четкое классовое и политическое размежевание в стране. В 1896 г. возникла социалистическая партия (СПА). В ее создании принимали участие как марксисты во главе с Г.А. Лальманом, так и бывшие сторонники ГРС во главе с Х.Б. Хусто. Они порвали с радикалами из-за несогласия с их линией на вооруженную борьбу. Влияние марксизма в наибольшей степени отразилось в документах I съезда социалистов, который проходил в июне 1896 г. В декларации, одобренной съездом, провозглашались классовый характер партии, необходимость освобождения пролетариата от капиталистического ига «путем революции, которая может быть осуществлена силой организованного пролетариата»¹.

¹ Oddone J. Historia del socialismo argentino. T. I — II. Buenos Aires, 1934. T. I. P. 269.

Для Хусто, чьи взгляды легли в основу идеологии и политики социалистической партии, марксизм был не мировоззрением, а лишь одной из форм знания. Отдавая ему должное как экономической теории истории, Хусто (первым перевел «Капитал» К. Маркса на испанский язык) стремился соединить его с другими социологическими концепциями, прежде всего с позитивизмом. Из последнего была позаимствована идея эволюции. Для Хусто путь к социализму — это медленный эволюционный путь. Деятельность социалистической партии заключалась не в борьбе за диктатуру пролетариата и обобществление собственности, а в прогрессивном изменении общественных институтов, которые были бы совместимы с достигнутым уровнем эволюции общественных классов. Тем самым социалисты заявили о себе как о партии демократических реформ, а не революции.

В программных документах СПА Аргентина характеризовалась как капиталистическая страна, но отставая по сравнению с другими переселенческими странами. Причины отсталости социалисты усматривали в господстве латифундизма, олигархическом правлении и «креольской политике» — беспринципной борьбе за власть между различными группировками господствующего класса.

Программа-минимум социалистической партии была нацелена на развитие капитализма в его наиболее демократических формах. Она предусматривала наряду с экономическими требованиями демократизацию общественно-политической системы страны. Партия выступала за всеобщее избирательное право без различия пола; предоставление политических прав иммигрантам и их натурализацию; муниципальную автономию; ликвидацию армии и ее замену милицией; отделение церкви от государств; 8-часовой рабочий день и принятие рабочего законодательства. С этой целью социалисты предлагали провести реформу конституции: отменить ст. 2 об обязательной поддержке государством католической религии и изменить ст. 20 с целью облегчения натурализации иммигрантов путем простого внесения их в списки для голосования.

В экономической области партия выступала за свободу торговли и отвергала протекционизм. Социалисты не подвергали сомнению агроэкспортную модель аргентинской экономики, которая, по их мнению, отвечала интересам национальной экономики, обеспечивая ей внешний рынок. Она была также в интересах трудящихся, давая им возможность покупать промышленные товары по более низким ценам, чем те, по которым они производились бы в стране. Осуждая конкретные проявления хозяйничанья иностранного капитала в стране, лидеры социалистов признавали его как «реальность, способствующую политическому и социальному развитию страны». Аграрная про-

грамма социалистов сводилась к снижению земельной ренты через введение прогрессивного налога на крупную земельную собственность, освобождению от налогообложения мелких землевладельцев, возмещению арендаторам произведенных улучшений, развитию на селе кооперативного движения.

Выполнение рабочих требований мыслилось социалистами через общую демократизацию государства и общества, на пути политической борьбы исключительно в парламентской форме. С момента возникновения партии социалисты считали своей центральной задачей участие в выборах. Путем получения мест в парламенте и местных органах власти они намеревались добиться принятия рабочего законодательства и демократизации политической системы. С этих позиций они подходили к профсоюзному движению и забастовочной борьбе трудящихся. Социалисты утверждали подчиненный характер профсоюзов, рекомендуя их членам голосовать за социалистическую партию. Забастовки рассматривались ими как средство добиться своих целей.

Как же социалистическая партия намеревалась получить представительство в национальном конгрессе, если в стране не было свободных выборов? Социалисты, в отличие от радикалов, не выдвигали в качестве предварительного условия для участия в выборах требование демократизации избирательной системы. С 1896 г. партия принимала участие во всех фальсифицированных выборах, рассматривая избирательный процесс как школу гражданственности, где народу даются понятия о его правах, а сама партия приобретает практические навыки работы с избирателями. Социалисты считали, что, получив таким образом политическое образование, трудящиеся положат конец «креольской политике». В этом заключалось коренное расхождение социалистов с радикалами. Если для радикалов главным препятствием для демократизации был олигархический режим, то для социалистов — «креольская политика». В глазах СПА ее олицетворением была не только олигархия, но и ГРС. СПА неслучайно осудила восстание радикалов в 1905 г. В своем заявлении она квалифицировала ГРС как партию без программы и морали, которая своими действиями затрудняет «политическое возрождение», и трудящиеся, организованные в политическую партию, должны «держаться подальше от этих раздоров, спровоцированных чрезмерной жадностью власти и низменными амбициями»¹. Тем самым социалистическая партия не разделяла взглядов радикалов на решение общенациональной задачи — установление в Аргентине политической демократии.

¹ *Cuneo D. Justo y las luchas sociales en la Argentina. Buenos Aires, 1956. P. 287.*

Классовые конфликты

Политический конфликт дополнялся социальным. Олигархическому режиму угрожали не только радикалы, но и набиравшее силу рабочее движение.

С начала XX в. пролетариат становится все более важным фактором в политической жизни страны. В мае 1901 г. на съезде 35 профсоюзов была создана Рабочая федерация Аргентины (ФОА) при участии анархистов во главе с П. Гори и Э. Маттеи и социалистов, возглавляемых Ф. Кунео и А. Патрони, на основе «полной автономии и независимости от социалистической партии и анархизма».

Однако единый профцентр просуществовал недолго. Анархисты, будучи противниками любой формы государственности, рассматривали политическую деятельность как «игру внутри границ власти». Она была «делом» буржуазии и потому чуждой эксплуатируемым. Анархисты утверждали, что «дело» трудящихся не в изучении чуждого для них «дела» буржуазии, а в развитии собственного — формировании профсоюзов, ведущих рабочих на всеобщую забастовку с целью разрушения государства и экономического освобождения трудящихся. Хотя анархисты и говорили о пролетариате, в действительности они растворяли его в эксплуатируемой массе: от промышленных рабочих до люмпен-пролетариата. Единственными границами в мире они признавали те, которые разделяли бедных и богатых.

Призыв анархистов вести экономическую борьбу нашел отклик на фабриках, в мастерских и в конвентильо Буэнос-Айреса. Он был понятен рабочим-иммигрантам, которые не проявляли интереса к политике, но через профсоюзы противостояли эксплуатации предпринимателей. Анархисты объявляли главными виновниками их положения хозяев и государство. Их лозунг «Ни Бога, ни Родины, ни хозяев» наиболее полно отвечал элементарным требованиям и ожиданиям рабочих.

Таким образом, анархизм превратился в господствующее течение в рабочем движении.

В свою очередь, социалистическая партия почти никогда не выступала в качестве инициатора стачечной борьбы. В лучшем случае она поддерживала забастовки, которые проводили анархисты. На рабочем движении отрицательно сказывались и раздробленность пролетариата по мелким предприятиям, и неоднородность его национального состава.

Период, последовавший за созданием ФОА, был насыщен забастовками. В ноябре 1902 г. забастовали рабочие Центрального рынка Буэнос-Айреса. Они требовали 9-часового рабочего дня, повышения

ежедневной зарплаты и признания хозяевами своего профсоюза. Их поддержали трамвайщики столицы. Вскоре забастовку объявили все профсоюзы Буэнос-Айреса.

В ответ правительство ввело осадное положение. Национальный конгресс принял закон о местожительстве, который предоставлял правительству право высылки из страны «любого иностранца, чье поведение угрожает национальной безопасности или нарушает общественный порядок». Власти закрыли рабочие газеты, сотни активистов были высланы из страны. Рабочие ответили забастовкой, которая продлилась 4 дня и закончилась из-за жестоких преследований.

Всеобщая забастовка продемонстрировала серьезные расхождения между анархистами и социалистами. Поддержав требования рабочих Центрального рынка, исполком СПА высказался против забастовок солидарности.

Профсоюзы, поддерживавшие политику социалистической партии, вышли из ФОА и основали в марте 1903 г. Всеобщий союз трудящихся (УХТ). Новое профобъединение, насчитывавшее 7 тыс. человек, выступило против закона о местожительстве, являвшегося произволом господствующего класса, и обвинила ФОА в том, что она своими авантюристическими действиями способствует этому произволу. УХТ признавал важность забастовочной борьбы, но только при условии тщательной подготовки, которая позволяла рассчитывать на успех. В отличие от анархистов УХТ призывал рабочих «участвовать в политической борьбе, отдавая свои голоса партиям, в программах которых содержатся требования рабочего законодательства».

После выхода социалистов ФОА окончательно перешла на позиции анархизма. В 1905 г. на V съезде она была переименована в ФОРА — Региональную федерацию рабочих Аргентины. Она объединила в своих рядах 33,8 тыс. членов и строила деятельность на принципах анархизма. «Наша федерация, — говорилось в программе, — носит исключительно экономический характер. Она отлична и противоположна всем политическим рабочим партиям. Если последние созданы для завоевания политической власти, то мы — для ее упразднения, создавая на ее месте свободную Федерацию свободных производителей»¹.

Несмотря на раскол, рабочий класс продолжал борьбу за свои права. В последующие годы состоялась серия всеобщих забастовок, которые были жестоко подавлены полицией и войсками.

¹ Santillan D.A. *del.* La FORA: Ideologia y Trayectoria. Buenos Aires, 1971. P. 119—120.

К середине 1900-х годов СПА потеряла влияние в УХТ, что объяснялось увлечением лидеров социалистов избирательной борьбой. Руководство УХТ перешло к синдикалистам, которые требовали от лидеров Социалистической партии «подчинить парламентскую деятельность революционной борьбе». Синдикалистское большинство в УХТ оказалось меньшинством в самой партии, на VII съезде в 1906 г. они были исключены из СПА.

С этого времени УХТ выступал за всеобщую стачку как наиболее эффективное средство борьбы. Сближение позиций ФОРА и УХТ привело в 1907 г. к попытке их объединения. Однако объединительный съезд закончился безрезультатно из-за позиции анархистов, которые стремились навязать профсоюзному движению свои принципы. Тем не менее в забастовочной борьбе оба профцентра выступали единым фронтом.

Все чаще забастовщики наряду с экономическими требованиями заявляли об отмене закона о местожительстве и прекращении правительственных репрессий. Росло число забастовок и численность рабочих, участвующих в них. Кульминацией стачечной борьбы стала всеобщая забастовка, проведенная с 3 по 8 мая 1909 г. («Майская неделя»), которая явилась ответом рабочего класса на политику террора правящего режима. Накануне в очередной раз была расстреляна первомайская демонстрация. Забастовщики, общее количество которых в Буэнос-Айресе составило 220 тыс. человек, требовали освобождения арестованных товарищей и свободы профсоюзной деятельности. Правительство было вынуждено уступить.

Положение в стране вновь обострилось в связи с убийством анархистом С. Радовитским начальника полиции Буэнос-Айреса Х.К. Фалькона, руководившего расстрелом манифестантов и забастовщиков. Правительство ответило новыми репрессиями и принятием закона о защите общества, который не разрешал въезд в страну всех нежелательных для властей лиц и запрещал деятельность анархистских организаций.

Закон о защите общества означал разгром движения анархистов, их влияние в профсоюзах стало падать. В 1909 г. была создана региональная рабочая конфедерация Аргентины — КОРА на основе объединения УХТ и автономных профсоюзов. В 1915 г. КОРА вошла в состав ФОРА. В том же году большинство профсоюзов, входивших в ФОРА, на ее IX съезде отказались от принципов анархистского коммунизма. Не согласные с этим решением анархисты создали собственный профцентр — ФОРА-V, подчеркнув свою преемственность с решениями V конгресса. В последующие годы существовало два профцентра — синдикалистская ФОРА-IX и анархистская ФОРА-V.

Параллельно с рабочим движением в городах чакарерос выступили против произвола латифундистов. В 1912 г. в стране развернулось широкое аграрное движение, получившее название «Клич Алькорта». 20 июня в местечке Алькорта (провинция Санта-Фе) на собрании земледельцев и мелких торговцев обсуждалась необходимость организации аграриев с целью добиться снижения арендной платы и свободной продажи урожая. 25 июня состоялся массовый митинг земледельцев, где было решено объявить забастовку. Арендаторы протестовали против системы землепользования, которая обогащала владельцев земли и связанные с ними иностранные компании. Движение получило поддержку ФОРА и СПА. Под угрозой потери урожая латифундисты были вынуждены пойти на снижение арендной платы. В ходе забастовки была создана Аргентинская аграрная федерация (ААФ), объединявшая мелких и средних аграриев.

Кризис олигархического режима. Закон Саенса Пеньи

Происшедшие в Аргентине к исходу первого века независимости перемены создали новое положение: в то время как общество становилось все более гражданским, политический режим оставался олигархическим. Страной уже нельзя было управлять по-старому. Начался кризис традиционных методов господства олигархии. Царившие в стране порядки критиковали деятели, в недавнем прошлом активные сторонники режима. Незадолго до смерти в 1906 г. бывший президент К. Пеллегрини, выступая в палате депутатов, осудил режим и говорил о необходимости его демократизации. Он ратовал за создание современной политической партии, способной сплотить господствующий класс вокруг программы реформ и обрести массовую поддержку. Таким образом, можно будет править без репрессий и не бояться нового восстания радикалов.

После смерти М. Кинтаны в 1906 г. новый президент Х.Ф. Алькорта, находившийся под влиянием взглядов Пеллегрини, постепенно освобождаясь от сторонников Роки, расчищал путь для прихода к власти на следующий президентский срок Р. Саенса Пеньи — лидера появившегося к тому времени течения модернистов. Модернисты считали необходимым пойти на демократизацию политической системы и интеграцию в нее радикалов. Они выступали против той части господствующего класса во главе с Рокой, которая не желала признать, что в стране появились новые социальные и политические силы, интересы которых необходимо учитывать.

Ставший президентом страны в 1910 г. Р. Саенс Пенья выступил инициатором проведения избирательной реформы. Еще до официального вступления в должность будущий президент провел ряд встреч с Иригойеном, во время которых заверил лидера радикалов в своем намерении обеспечить «свободное и честное исполнение всех прав, записанных в конституции». От имени ГРС Иригойен предложил провести реформу избирательного законодательства на базе военного регистра в качестве основы избирательного списка и введения пропорциональной системы голосования. Президент принял первое предложение и отверг второе на том основании, что конгресс никогда его не примет, а сам он является сторонником двухпартийной системы и неполного списка, с чем согласился Иригойен. Принципиально важным стало обещание Саенса Пеньи, что к будущим выборам исполнительная власть предпримет интервенцию во все провинции с целью обеспечения свободного голосования.

Саенс Пенья предложил радикалам принять участие в проведении реформы и с этой целью разделить ответственность. Конкретно речь шла о предоставлении ГРС двух министерских постов. ГРС отклонил предложение, заявив, что «примет участие в избирательном процессе лишь после осуществления реформы».

Избирательной реформе предшествовало составление списка военнообязанных с обязательной записью всех граждан, достигших 18 лет. Военный регистр стал основой нового избирательного списка. Военному министерству было поручено его напечатать и передать министерству внутренних дел для рассылки федеральным судьям в соответствующие избирательные округа. Тем самым санкционировалась подготовка избирательного регистра, свободного от подлогов и фальсификаций. Создавалась реальная возможность всеобщего участия граждан в выборах.

Эта возможность обрела черты реальности с принятием 10 февраля 1912 г. Национальным конгрессом закона о всеобщем избирательном праве при обязательном и тайном голосовании. Все граждане, достигшие 18 лет, обязаны были принимать участие в выборах. За неучастие без уважительных причин избиратели наказывались денежным штрафом. Закон изъял у местных органов власти права на проведение выборов и подсчет голосов, передав их федеральным судебным органам. Устанавливалось уголовное наказание для государственных служащих за нарушение избирательного закона.

Новое законодательство предусматривало представительство меньшинства в парламенте. Это достигалось посредством неполного списка. Представительство каждого избирательного округа делилось между партиями, получившей большинство голосов и занявшей вто-

рое место, в пропорции 2 : 1. Например, если провинция посылала в конгресс 21 депутата, то 14 мест получала партия большинства, а 7 мест отходило к следующей за ней партии. Такая избирательная система преследовала цель ускорить создание современной политической партии олигархии. Авторы реформы были уверены в том, что она получит большинство, а представительство меньшинства останется за ГРС и, возможно, за СПА.

Для Саенса Пеньи и всего течения модернистов избирательная реформа означала лишь либерализацию режима, но никак не его тотальный демонтаж. Они и мысли не допускали, что радикалы смогут прийти к власти. Неполный список им виделся следующим образом: 2/3 мест консерваторам и 1/3 радикалам. В этой связи интересна реакция Саенса Пеньи на отказ радикалов участвовать в правительстве: «Это большая ошибка Иригойена. Радикалы могли взять власть в результате переворота, но очень трудно, чтобы они это сделали на свободных выборах. ПАН, которая является традицией и исторической силой, господствует без различий по всей стране»¹.

Закон Саенса Пеньи не был последовательным. Хотя он и положил начало установлению в Аргентине демократического режима, однако переход к политической демократии осуществлялся на узкой социальной базе. Его классовая направленность проявилась в том, что иммигранты, из которых состояло большинство рабочего класса и промышленной буржуазии, избирательными правами не пользовались. Аргентинская республика по-прежнему не являлась политической организацией всего гражданского общества.

Новый механизм власти, по мысли его инициатора, должен был функционировать на основе создания массовой консервативной партии, наподобие английских тори, способной победить радикалов на выборах. Попытка создать такую партию была осуществлена уже после смерти Саенса Пеньи в августе 1914 г. В результате переговоров части консерваторов с Лигой Юга, объединившей средних землевладельцев и буржуазию провинции Санта-Фе, возникла Прогрессивно-демократическая партия (ПДС). Ее возглавил Лисандро де Ла Торре, в прошлом видный деятель ГРС, покинувший его из-за разногласий с Иригойеном. Наряду с требованием дальнейшей демократизации общественно-политической жизни страны новая партия добивалась частичной аграрной реформы, защиты национальной промышленности, государственного контроля над экспортом, создания торгового флота.

¹ Luna F. Yrigoyen. Buenos Aires, 1954. P. 187.

ПДС не получила поддержки господствующего класса. В среде консерваторов возобладала боязнь социальных перемен, и они так и не сумели договориться о программе, способной привлечь к ним массового избирателя. Ко времени президентских выборов 1916 г. консерваторы раскололись на ряд региональных групп.

Принятие закона Саенса Пеньи вызвало неоднозначную реакцию в рядах радикальной партии. Иригойен являлся принципиальным противником участия в выборах без предварительного демонтажа репрессивной машины режима на местах. Первоначально руководство ГРС приняло решение об участии в выборах лишь в тех провинциях, где власти обещали гарантировать свободные выборы.

Успех на выборах усилил позиции тех сил в радикализме, которые выступали за отказ от политики абсентеизма и включения ГРС в избирательный процесс. Они получили поддержку от вступивших в радикальную партию многочисленных провинциальных группировок консервативного характера, которым руководство, стремясь укрепить общенациональный характер ГРС, широко открыло двери. Подавляющему большинству новых членов партии были чужды идеи радикализма о национальном возрождении, их привлекала лишь возможность получить власть. Но и многие рядовые члены все меньше поддерживали политику бойкота выборов. Они искренне верили в возможность победы на выборах и без предварительной чистки местных органов власти. Всеобщим желанием было испытать силы радикализма, дать бой режиму на выборах. Иригойен оказался в сложном положении. В конце концов ему пришлось уступить массовым настроениям. ГРС провозгласил «возвращение к избирательной деятельности», перенес борьбу с режимом на избирательное поле.

В результате ни одной из сторон не удалось добиться выполнения своих главных целей: модернистам — превратить ГРС в послушную оппозицию, радикалам — устранить режим в качестве главного условия демократизации общественно-политической жизни. Вместе с тем время работало на радикалов. Со смертью Саенса Пеньи распалось течение модернистов. Олигархический режим уже не мог выдвинуть ни лидеров, ни идей, способных привлечь к нему массового избирателя. Это открыло путь к победе на президентских выборах в 1916 г. И. Иригойену.

ГЛАВА II

НА РАСПУТЬЕ: АРГЕНТИНА В ПОИСКАХ ПУТЕЙ РАЗВИТИЯ 1917—1945

Аргентина и Первая мировая война

Когда 12 октября 1916 г. И. Иригойен вступил в должность президента, в мире третий год шла война. Предыдущее правительство В. де ла Пласы, сменившего на президентском посту умершего Р. Саенса Пенью, с началом военного конфликта в Европе объявило о нейтралитете Аргентины. До 1917 г. нейтралитет страны являлся продолжением старой политики: ориентация на державы Антанты, которые не требовали вступления Аргентины в войну, будучи заинтересованными в бесперебойной поставке оттуда продовольствия. Такая политика не встречала противодействия и со стороны США, пока последние оставались нейтральными.

С вступлением США в войну большинство латиноамериканских стран последовало их примеру. Американское правительство не рассчитывало на активное участие стран региона в военных действиях, а добивалось их безусловного следования в фарватере своей политики. Позиция США встретила противодействие Аргентины.

Правительство Иригойена не только сохранило нейтралитет, но и постаралось придать ему активный и принципиальный характер. Во внешней политике Иригойен руководствовался теми же демократическими идеалами, что и при проведении внутренней. Выбор политического курса на нейтралитет сочетался с активной защитой суверенных прав страны, противодействием попыткам великих держав их нарушить.

В основе нейтралитета лежал принцип неприсоединения ни к одной из воюющих группировок держав. Иригойен оставлял за Аргентиной право самостоятельно судить о любом вопросе и принимать меры, соответствующие ее интересам. Это проявилось в отказе от любой вассализации в отношении к кому бы то ни было, в стремлении выступать как самостоятельная политическая сила на мировой арене.

«Отсоединение» от политики великих держав явилось логическим следствием непримиримости, перенесением на международную арену принципа несотрудничества с олигархическим режимом. Внутри страны радикалы боролись за соблюдение конституции, на международной арене — за соблюдение принципов международного права. Иригойен придавал этому особенно важное значение, поскольку традиционных атрибутов международного влияния — военной или индустриальной мощи — у Аргентины не было. Повысить удельный вес страны в мировой политике можно было через внешнеполитическую деятельность, основывающуюся на моральных принципах. В условиях войны это означало защиту принципов международного права.

Проблема неучастия Аргентины в мировой войне не исчерпывалась лишь политико-юридической стороной. По глубокому убеждению Иригойена, мировая война противоречила национальным интересам Аргентины, и его политика преследовала цель не позволить втянуть страну в военный конфликт.

В 1917—1918 гг. Аргентина раскололась на два лагеря: сторонников и противников вступления в мировую войну. Сторонники нейтралитета опасались, что отказ от него превратит Аргентину в вассала великих держав. Единственное средство избежать этого — остаться в стороне от конфликта. Они не видели принципиальной разницы между политикой Германии и держав Антанты и считали, что в основе развернувшейся борьбы в Европе лежат экономические причины и речь идет о борьбе за мировое господство.

Разделявшие позицию вступления в войну, их было большинство в Национальном конгрессе, в целом в правящих кругах и среди интеллигенции также не отрицали империалистических целей конфликта, но приписывали их исключительно Германии. Они рассматривали войну как борьбу сил демократии и цивилизации, отождествляя их с державами Антанты и США, абсолютизм, милитаризм и остатки феодализма, в их глазах, олицетворяла Германия. Сторонники вступления в войну считали, что она имеет освободительный характер, призвана покончить с германским милитаризмом и дать свободу немецкому народу. Аргентина же в силу экономических и духовных связей с державами Антанты и США должна быть на их стороне.

Независимая позиция Аргентины вызывала раздражение в среде союзников. Дело не ограничилось пропагандистской кампанией.

В июне 1917 г. произошел дипломатический инцидент. Американская эскадра под командованием адмирала В. Капертона несла охрану коммуникаций союзников в Южной Атлантике и имела право захода в порты Бразилии и Уругвая. Такой же привилегии США решили добиться и от Аргентины, хотя последняя, в отличие от Бразилии и Уруг-

вая, оставалась нейтральной страной. Сообщая о визите кораблей, посол Ф. Стимсон заявил министру иностранных дел О. Пуэйрредону, что корабли, «безусловно», войдут в Буэнос-Айрес. Инициатива отправить эскадру исходила от военно-морского министерства, которое полагало, что визит военных кораблей заставит Аргентину отказаться от нейтралитета.

Американский демарш имел прямо противоположный результат. Иригойен потребовал убрать «безусловно», предупредив американского посла, что в противном случае не разрешит заход кораблей на таких условиях. Серьезность намерений аргентинского правительства заставила государственный департамент изменить первоначальную формулировку, США обратились за разрешением на визит вежливости.

Вслед за американскими кораблями Буэнос-Айрес посетил английский военный корабль «Глазго». Оба визита преследовали цель оказать давление на аргентинское правительство. Тем же руководствовался и британский посол Р. Тауэр. В его интервью аргентинской газете «Ла Насьон» прозвучала угроза оказать торговое давление на Аргентину. Тауэр открыто поддержал аргентинских конгрессменов, высказывавшихся за разрыв с Германией. Заявление посла явилось открытым вмешательством во внутренние дела Аргентины, и ему пришлось извиняться в ноте, направленной в аргентинский МИД.

Острый дипломатический конфликт возник с Германией, он грозил положить конец аргентинскому нейтралитету. Конфликт был связан с потоплением в апреле и июне 1917 г. германскими подводными лодками торговых судов под аргентинским флагом «Монте Протехидо» и «Торо» и публикацией телеграмм немецкого посла в Буэнос-Айресе графа К. Луксбурга, открыто враждебных Аргентине.

В связи с потоплением судов аргентинское правительство потребовало от Германии извинений и возмещения убытков, а также признания свободы морей для аргентинского судоходства. В ответной ноте Германия выразила сожаление в связи с происшедшим инцидентом и согласилась отсалютовать аргентинскому флагу, но настаивала, ссылаясь на Лондонскую конвенцию 1909 г. о правилах морской войны, что действовала в соответствии с международным правом, поскольку находившиеся на борту судов товары, согласно этой конвенции, являлись военной контрабандой. Аргентинское правительство не приняло немецких объяснений и в новой ноте заявило, что «природные продукты страны не могут рассматриваться военной контрабандой» и потребовало признания этого немецкой стороной. Германское правительство приняло все требования Аргентины. Ожидавшийся в дипломатических кругах разрыв с Германией не состоялся. Прави-

тельство Иригойена одержало полную дипломатическую победу над Германией, добившись от нее уступок, которые та не сделала другим нейтральным странам.

В сентябре произошло новое нарушение аргентинского суверенитета. Государственный департамент США, не получив предварительного согласия аргентинского правительства, не уведомив его заранее, напечатал три телеграммы Луксбурга, перехваченные англичанами и переданные США. Две из них содержали рекомендации посла «топить без следа аргентинские суда», третья — нелицезнующую характеристику в адрес аргентинского министра иностранных дел Пуэйрредона.

В Аргентине общественная реакция на телеграммы Луксбурга была бурной. В Буэнос-Айресе состоялись антигерманские демонстрации, вылившиеся в погромы немецких фирм. Действия аргентинского правительства были суровыми в отношении Луксбурга, но не ставили под вопрос отношения с Германией. Не дав Берлину возможности отозвать посла, Пуэйрредон вручил ему паспорт.

Нежелание Иригойена использовать поведение Луксбурга для разрыва отношений с Германией не удовлетворило законодателей. 24 сентября 1917 г. аргентинский конгресс подавляющим большинством голосов принял резолюцию, «чтобы в создавшихся обстоятельствах исполнительная власть прервала дипломатические отношения с правительством Германской империи»¹.

Решение конгресса не имело обязательной силы для исполнительной власти, поскольку по конституции президент осуществлял внешние сношения. Иригойен не прислушался к рекомендации конгресса и, получив от германского правительства извинения и дезавуирование высказываний Луксбурга, счел инцидент исчерпанным. Расчет государственного секретаря США Р. Лансинга, на то что обнародование телеграмм Луксбурга приведет Аргентину к войне с Германией, не оправдался. Точку в споре сторонников и противников нейтралитета поставил аргентинский народ: на выборах в конгресс в 1918 г. большинство избирателей проголосовало за ГРС.

Рассматривая независимый подход к международным делам, как наилучшее средство соблюсти интересы Аргентины, Иригойен придавал первостепенное значение развитию отношений со странами Латинской Америки. Его внешнеполитическая концепция не исчерпывалась развитием дружественных отношений с латиноамериканскими странами, стремлением сделать Латинскую Америку континентом мира и сотрудничества, а преследовала более широкие цели. «Амери-

¹ Argentina. Congreso nacional. Cámara de senadores. 1917. Buenos Aires, 1917. T. III. P. 1912.

канское кредо» Иригойена заключалось «в поддержании, сохранении суверенитета наций, в их объединении в организацию в концерте стран мира».

Еще в начале 1917 г. аргентинское правительство выступило с инициативой проведения международной конференции стран Латинской Америки без участия США «для обсуждения общих проблем настоящего и будущего». Идея созыва подобной конференции отражала объективную реальность: в мире существовала группа государств, объединенных как общими цивилизационными узами, так и одинаковым, зависимым, положением в системе мирового хозяйства. Национально-государственные интересы этих стран слабо учитывались, поскольку Панамериканский союз — формально созданный как объединение государств Западного полушария — фактически являлся орудием политики США. И спустя 100 лет после завоевания независимости латиноамериканские государства так и не стали полноправными субъектами мировой политики.

Мировая война наглядно показала, что в одиночку отстаивать международные политические и экономические интересы отдельные латиноамериканские страны не могли. Голос любой из них на мировой арене был слишком слаб. Необходимо было установить прочные связи, объединить силы и скоординировать политику стран континента. Такой подход способствовал укреплению международного положения каждой из них, обеспечивал их равноправие на мировой арене и безопасность, как неперемennые условия для независимого развития.

Иригойен, пожалуй, как никто из тогдашних государственных деятелей Латинской Америки, хорошо это понимал. Дважды в течение 1917 г. президент Аргентины пытался созвать конгресс нейтральных стран Латинской Америки в Буэнос-Айресе и выработать общую позицию государств континента в отношении мировой войны. По мнению Иригойена, перед лицом мирового конфликта латиноамериканские страны должны сохранить нейтралитет. Для его сохранения необходимо было объединение усилий всех латиноамериканских стран.

В первом приглашении, направленном 8 мая латиноамериканским правительствам, целью конгресса указывалось достижение взаимопонимания, выработка общей позиции в отношении войны и установление связей между странами для укрепления их международного положения. В повторном приглашении от 28 октября, когда некоторые латиноамериканские страны уже объявили войну Германии, подчеркивалось, что вместо того, чтобы по отдельности дать себя втянуть в войну, необходимо коллективное выступление всех стран по вопросам войны и мира.

Аргентина призывала остальные латиноамериканские страны последовать ее примеру: выйти на путь самостоятельной внешнеполитической деятельности, «отсоединиться» от политики великих держав и, объединившись, «создать новую силу» на мировой арене. Общая континентальная политика компенсировала бы политическую слабость и экономическую зависимость каждой страны в отдельности, позволила бы принять активное участие в решении международных проблем.

Иригойен был убежден, что в противном случае на будущей мирной конференции, которая определит судьбы мира на десятилетия, со странами континента обойдутся так же, «как обходятся на африканских рынках, не принимая во внимание наши интересы»¹. «Внешнелитическое освобождение» латиноамериканских стран мыслилось, прежде всего, от США. По этому поводу Иригойен сказал колумбийскому послу: «Недопустимо и нетерпимо, чтобы из-за того, что Соединенные Штаты приняли определенную линию поведения в настоящей войне, другие республики, устраивает ли их это или нет, должны присоединиться к ним. И еще менее допустимо, чтобы для достижения этого единодушия использовались принудительные меры, прежде всего экономические»².

Вместе с тем Иригойен был далек от того, чтобы занимать позицию тотального противостояния США. Он добивался лишь признания со стороны США, что латиноамериканские страны «достигли совершеннолетия» и могли сами решать, присоединяться им или нет к американской политике.

Паниспаноамериканизм Иригойена, как стали называть политику аргентинского президента, вступил в явное противоречие с панамериканизмом США. Под давлением последних конгресс не состоялся.

По окончании войны Аргентина заняла самостоятельную позицию в вопросе послевоенного устройства. Первоначально аргентинское правительство поддержало предложение президента США В. Вильсона о создании Лиги наций. Аргентина была приглашена вступить в нее и направила свою делегацию во главе с Пуэйрредоном на открытие I сессии Ассамблеи в Женеве в ноябре 1920 г. Аргентинское правительство не было согласно с уставом Лиги наций, являвшимся интегральной частью Версальского мирного договора, и стремилось придать новой международной организации независимый от него характер.

¹ Hipólito Yrigoyen. Pueblo y Gobierno. T. VIII. P. 34.

² Ibid. P. 33.

Позиция Иригойена в отношении Лиги наций исходила из идеи демократизации международных отношений — равенства всех государств, которые свободно и на равных правах должны действовать в международной организации, предназначенной для сохранения мира на Земле. В противном случае Лига наций останется олигархической структурой на службе интересов победителей.

Инструкция президента делегации сводилась к следующему: Аргентина не считает себя связанной с уставом Лиги наций, принятом на мирной конференции, и предлагает внести в него коренные изменения, направленные на придание организации универсального характера. Для того чтобы Лига наций действительно стала сообществом наций, необходимо, чтобы в ней были представлены все государства на основе суверенного равенства. Аргентинское предложение не являлось простой поправкой, а касалось самой сути новой организации, поскольку в принятом уставе этот принцип даже не упоминался.

Иригойен считал необходимым на собрании в Женеве вернуться к обсуждению устава на основе аргентинского предложения: допустить в Лигу наций все государства на равных правах. Пока организация не приобретет универсальный и равный для всех государств характер, аргентинское правительство рассматривает Женевскую встречу как учредительный конгресс, чьим результатом, в случае принятия аргентинского предложения, будет рождение Лиги наций, а вместе с ней и ассамблеи. Поскольку аргентинское предложение не является поправкой к уставу, а представляет собой требование, предваряющее составление любых статей устава, оно должно быть поставлено в качестве предварительного вопроса, от решения которого будет зависеть участие Аргентины в Женевской конференции. В случае отклонения аргентинского предложения делегация, не принимая участия в обсуждении других вопросов, должна покинуть ассамблею.

I сессия Ассамблеи Лиги наций открылась в Женеве 15 ноября 1920 г. Идя навстречу желанию Пуэйрредона, как можно скорее озвучить позицию страны, главе аргентинской делегации уже 17 ноября было предоставлено слово для выступления на пленарном заседании.

Выступление Пуэйрредона касалось основ создания и функционирования международной организации. В нем нашли отражение идеи Иригойена о целях и задачах Лиги наций, ее структуре. Обосновывая идею универсальности Лиги, Пуэйрредон подчеркнул, что ее сила — во включении максимального количества стран. Все суверенные государства, признанные международным сообществом, должны стать ее членами, а неучастие тех или иных стран может быть лишь результатом их добровольного решения. Недопущение ряда государств породит серьезные антагонизмы, превратит Лигу в «несправедливый

союз, образованный для окончания войны, а не в могучую организацию для упрочения мира».

С целью придания демократического характера организации Пуэйрредон предложил избирать членов совета Ассамблеи в соответствии с принципом равенства всех государств, чтобы с течением времени все государства — члены Лиги могли быть представлены в совете, поскольку в своей нынешней форме организация совета «не согласуется с демократическим порядком, который мы должны установить в международной области». Таким образом, великие державы лишились своего привилегированного положения в совете Лиги, ликвидировалась олигархическая структура организации.

Аргентинские предложения не были приняты, и делегация по настоянию Иригойена покинула конференцию. По существу, аргентинский президент дал понять, что не принимает новый мировой порядок, установленный победителями в Первой мировой войне. Не разделял он и их отношения к Советской России. Аргентина не приняла участия в блокаде, хотя приглашение к этому со стороны союзников аргентинское правительство получило. Когда же после гражданской войны в Советской России разразился голод, Иригойен внес в конгресс законопроект о помощи русскому народу путем предоставления беспроцентного кредита в 5 млн песо.

Начало системного кризиса

В 1920—1930-е годы Аргентина продолжала оставаться наиболее развитой и богатой страной Латинской Америки.

Первая мировая война, мировой экономический кризис 1929—1933 гг. и последовавшая за ним депрессия, а также начавшаяся Вторая мировая война оказали значительное влияние на аргентинскую экономику. Ранее сложившаяся модель хозяйственного развития могла успешно функционировать при наличии благоприятных условий обмена аргентинской традиционной продукции на промышленные изделия стран Западной Европы. Потрясения в мировой экономике вызвали нарушение традиционных торговых связей с европейскими странами, что повлекло за собой серьезные перебои в снабжении страны необходимыми средствами производства и промышленными товарами. Сокращение внешнего рынка сопровождалось развитием рынка внутреннего, ростом национальной буржуазии и пролетариата.

Сдвиги в социально-экономическом развитии Аргентины впервые наметились в годы Первой мировой войны, прежде всего в промышленности. За годы войны (1914—1918) выросла продукция пищевой,

текстильной, цементной отраслей, простой химии. Увеличилась добыча нефти, открытой в 1907 г. в Комодоро-Ривадавии. Именно в военные годы началась переориентация аргентинской экономики на внутренний рынок.

Благоприятная конъюнктура военных и первых послевоенных лет способствовала обогащению как землевладельцев, так и широких слоев торговой, промышленной и сельской буржуазии. Аргентина относительно быстро преодолела последствия мирового экономического кризиса 1921—1922 гг., затронувшего в основном животноводство.

С наступлением периода стабилизации страна вернулась к прежней хозяйственной модели. Усилилось проникновение капитала в земледелие через применение машин. На полях появились зерноуборочные комбайны и тракторы, широко использовались сеялки, жатки. Увеличилась как стоимость сельскохозяйственной техники в целом, так и на один га обрабатываемой площади.

Рост производственных фондов в деревне, являясь важным показателем развития капитализма, не был по преимуществу результатом национального промышленного развития. Местная промышленность была представлена ремонтными и сборочными предприятиями. Многие товары потребительского назначения — ткани и текстильные изделия — по-прежнему поступали из-за границы.

Хорошими темпами развивалась нефтяная промышленность. В 1926 г. вступил в строй первый в стране нефтеперерабатывающий завод в Ла-Плате. Местное производство более чем наполовину удовлетворяло национальные потребности в нефти. Главную роль в этом сыграло создание в 1922 г. государственной нефтяной компании «Ясимьентос петролиферос фискалес» (ЯПФ), на которую приходилось 60 % добываемой в стране нефти. Остальные 40 % нефтедобычи контролировали американские и английские нефтяные компании: «Стандард ойл оф Нью Джерси», «Ройял датч-Шелл», «Англоперсиан».

Аргентина продолжала оставаться крупнейшим в мире поставщиком говядины, кукурузы, ячменя, льна; занимала 2-е место в мировом экспорте пшеницы, ржи, шерсти; 3-е — в экспорте баранины.

К 1929 г. размер национального дохода на душу населения достиг 700 долл. против 1,8 тыс. в США, 1,3 тыс. в Канаде и 1 тыс. в Австралии. Однако за этими средними цифрами скрывались кричащие противоречия в уровне развития отдельных районов. Душевой доход в Буэнос-Айресе в десятки раз превышал аналогичный показатель в северо-западных провинциях, где все еще сохранялись докапиталистические формы производства.

К концу 20-х годов в Аргентине было заметно снижение экономического роста, что свидетельствовало о кризисе прежней хозяйственной модели. К этому времени перестал действовать важнейший для страны фактор — наличие свободных земель в Пампе. Прямые иностранные капиталовложения в 1914—1931 гг. выросли всего лишь на 15 % и составили 15 % всех произведенных в 1929 г. частных капиталовложений. В результате сокращения среднегодового роста аргентинского экспорта страна переместилась с 8-го места в мировой торговле, которое она занимала в 1913 г., на 11-е в 1929 г. Несмотря на неблагоприятные тенденции, экономическое положение Аргентины могло оставаться удовлетворительным до тех пор, пока в промышленно развитых странах наблюдался устойчивый спрос на сельскохозяйственную продукцию. Начавшийся в 1929 г. мировой экономический кризис развеял эти надежды.

В годы кризиса цены на мировом рынке на сельскохозяйственную продукцию снизились почти наполовину. Аргентина же располагала оставшимися от предшествующего периода солидными финансовыми ресурсами, что позволило ее правительству, в отличие от других стран Латинской Америки, осуществлять в годы кризиса платежи по внешним займам, а с 1934 г. начать репатриацию займов.

Результаты национальных переписей 1914 и 1947 гг. свидетельствуют о реальных масштабах урбанизации. Население возросло в 2 раза — с 7,885 млн до 15,897 млн человек. Рост городского населения значительно опережал прирост сельского. Удельный вес жителей Буэнос-Айреса увеличился с 25,8 % в 1914 г. до 29,1 % в 1947 г. После мирового экономического кризиса 1929 — 1933 гг. почти прекратилась иммиграция в Аргентину. В структуре самодеятельного населения преобладали уроженцы страны: в 1914 г. — 52,5 %, в 1947 г. — 78,2 %.

Усилилось значение факторов внутреннего характера в развитии страны. С 1914 по 1947 г. количество промышленных предприятий выросло более чем в 2 раза; почти утроилась численность промышленных рабочих, достигнув 938, 3 тыс. человек, и более чем в 8 раз возросла стоимость произведенной промышленной продукции. Промышленность стала ключевой отраслью, определяющей состояние национального рынка. Страна вступила в полосу импортозамещающей индустриализации.

Наметившиеся изменения в отраслевой и территориальной структуре сельского хозяйства вели к ослаблению экспортной направленности сельского производства и развитию отраслей и районов, ориентированных на внутренний рынок. Тем не менее накануне Второй мировой войны доля Аргентины в мировом экспорте сельскохозяйствен-

ных товаров составляла: льняного семени — 70 %, кукурузы — 64, мяса — 39,7, пшеницы — 20 %.

Для социально-экономических процессов в Аргентине в рассматриваемый период было характерно увеличение доли наемного труда в экономически активном населении за счет пролетаризации как определенных категорий фермеров-чакарерос, так и части городских средних слоев. В 1947 г. экономически активное население Аргентины достигло 6,73 млн человек, из которых наемные работники составляли 4,59 млн человек, или 68,1 % всего занятого населения. По этому показателю Аргентина не отличалась от развитых капиталистических стран того времени.

Распределение занятого населения по экономическим отраслям было следующее: сельское хозяйство — 30,0 %; промышленность — 24,4; транспорт, торговля, электро- и газоснабжение — 20,0; услуги и финансы — 20,5 %. Армии наемных рабочих противостояли латифундисты, сельская, торговая и промышленная буржуазия. Импортотамещающая индустриализация и связанные с ней социально-экономические перемены привели к существенным сдвигам в расстановке классовых сил в стране. В социально-классовой структуре Аргентины на первый план выдвинулись промышленный пролетариат и буржуазия. И все же сельское хозяйство оставалось важной отраслью народного хозяйства.

Наметившийся экономический застой Аргентины явился следствием господствующей социально-экономической структуры. Монополия крупной частной собственности на землю и господство иностранного капитала в ряде ключевых отраслей аргентинской экономики не могли обеспечить интенсификацию капиталистического накопления, создать емкий рынок для развивающейся промышленности и прочную сырьевую базу.

Наличие системы латифундий породило крайнюю поляризацию в распределении земельной собственности и широкое распространение различных форм аренды. В 1947 г. аренда охватывала 53 % общего числа хозяйств и земельной площади. Хозяйства менее 25 га составляли 34,3 % всех хозяйств, но на них приходилось только 0,87 % земли. На хозяйства свыше 5 тыс. га (1,2 % хозяйств) — 41,3 % земли.

В межвоенный период структура иностранных капиталовложений в Аргентине не изменилась. Главным инвестором оставалась Великобритания — 60 % всех капиталовложений (в основном в железные дороги и городское хозяйство). На 2-е место вышли США — 15,6 %. Объектом инвестиций выступало, главным образом, аграрно-сырьевое хозяйство, призванное обслуживать потребности внешнего рынка. В 1940 г. 50 % иностранных капиталов приходилось на железные

дороги, 27 — на предприятия коммунального хозяйства, 12 — на промышленность, включая мясохладобойную, 14 % — на торговлю, финансы, сельское хозяйство. Внешний долг страны в 1940 г. достиг 1752 млн песо.

В 30—40-е годы обозначилось основное противоречие социально-экономического развития Аргентины — углублявшийся конфликт между потребностями развития капитализма и господствовавшей социально-экономической системой, характеризовавшейся засильем латифундизма в сельском хозяйстве и контролем со стороны иностранного капитала экономики страны в целом. Однако этот конфликт смягчался благоприятной для Аргентины конъюнктурой военных и первых послевоенных лет. Поэтому в полной мере он проявился позднее, в 50-е годы.

Радикалы у власти. Военный переворот 1930 г.

Закон Саенса Пеньи о всеобщем избирательном праве и избрание в 1916 г. лидера радикалов И. Иригойена президентом страны положили начало либерально-демократическому режиму в Аргентине. Резко увеличился электорат: если в 1910 г. в голосовании участвовали 9 % всего населения, или 20 % урожденных аргентинцев, то в 1916 г. их число увеличилось соответственно до 30 и 64 %, а в 1928 г. — до 41 и 77 %.

В отличие от радикалов ни социалисты, ни прогрессивные демократы так и не стали общенациональными партиями, и в этом состояла особенность партийно-политической системы Аргентины. Влияние социалистов ограничивалось федеральной столицей, где они выступали серьезными соперниками радикалов в борьбе за голоса рабочих, урожденных аргентинцев. Прогрессивные демократы пользовались массовой поддержкой в провинции Санта-Фе, особенно в южной и центральной ее частях — исторических центрах фермерской колонизации. Несмотря на региональный характер этих партий, и социалисты, и прогрессивные демократы были представлены в палатах Национального конгресса и имели там свои депутатские фракции. Согласно закону Саенса Пеньи, на основе так называемого неполного листа представительство в парламенте определялось партиями, занявшими 1-е и 2-е места в соответствующей провинции или в Буэнос-Айресе в пропорции 2 : 1.

Отсутствие второй общенациональной партии позволило ГРС под лозунгами «обновления моральных ценностей нации» и «основательной перестройки ее материальной и духовной жизни» объединить в

широком общенациональном движении представителей практических всех классов и социальных групп — от либеральных помещиков до рабочих. ГРС опирался на разветвленные партийные организации, созданные в каждой провинции, во всех крупных и многих небольших городах. Если состав национального и провинциальных комитетов формировался на основе кооптации, то в местных комитетах ежегодно проводились прямые выборы, на которых избирались президент и многочисленные функционеры. Как правило, партийными руководителями на местах становились врачи или юристы, что позволяло поддерживать контакты с представителями различных социальных слоев.

В руководстве ГРС общепризнанным авторитетом пользовался Иполито Иригойен — непримиримый борец против засилья олигархии. Он занял президентское кресло после многолетней борьбы за демократизацию политического строя Аргентины. В истории страны первой половины XX в. не было политического деятеля столь любимого и в то же время столь ненавистного, как он. В отличие от основателя ГРС Л. Алама Иригойен не был народным трибуном и редко выступал публично. Его сильной стороной было умение согласовывать противоречивые интересы в рамках многоклассового радикального движения. Популярности радикалов способствовал также скромный образ жизни Иригойена. Он был более богатым человеком в начале своей политической карьеры, чем в бытность лидером ГРС. Власть на посту президента Иригойен не использовал для личного обогащения. Свое президентское жалованье он жертвовал в пользу неимущих. Широко известным стало его заявление в послании конгрессу: «Демократия состоит не только в гарантии политической свободы, одновременно она содержит возможность для всех достигнуть хотя бы минимума счастья»¹.

Иригойен был не только политическим лидером ГРС, но также и главным идеологом аргентинского радикализма. Краеугольным камнем его социально-политических воззрений являлась идея классового сотрудничества. Роль регулятора он возлагал на государство, надеясь путем постепенных реформ в рамках действующей конституции избежать резкого обострения классовых противоречий. Он стремился к объединению всех классов и социальных групп в едином радикальном движении, которое рассматривал не как политическую силу, а как «саму родину». Себя Иригойен видел поборником интересов нации в целом. «Я больше всего желаю, — писал лидер радикалов, — работать со всеми моими соотечественниками во имя величия родины, не служа ни одной партии, потому что мои интересы не противоположны

¹ Hipólito Yrigoyen. Pueblo y Gobierno. T. IV. P. 260.

ни одному человеку. Моими страстными желаниями являются желания нации, и ей я посвятил всю свою жизнь»¹.

Идеи Иригойена нашли практическое воплощение в деятельности первого правительства радикалов (1916—1922). Требование «исправления» лидер радикалов распространял не только на политическую, но и на социально-экономическую и культурную сферы. Предложенная им программа реформ касалась социально-экономической структуры; общественных отношений, прежде всего между трудом и капиталом; системы образования как части национальной культуры и основывалась на солидарности, согласовании интересов различных социальных групп и классов и на новой концепции роли государства.

Иригойен критически оценивал результаты участия иностранного капитала в экономической жизни страны, который, по его словам, «не решил наших жизненных проблем в той степени, в какой это требует нация». Президента беспокоило отсутствие в обществе «понятие националистического интереса». Задачу своего правительства он видел в его поддержании и распространении.

Радикалы не ставили под вопрос агроэкспортную модель. Как и другие политические партии, они полагали, что сельское хозяйство еще долго останется основой экономики страны. Вместе с тем они констатировали его слабое развитие, как и всей национальной экономики, которая в условиях частной инициативы не достигла современного уровня. Выход виделся в активном участии государства в экономической жизни. По существу речь шла о пересмотре основополагающего принципа экономического либерализма — «государство наилучший администратор», которому следовали все олигархические правительства.

Иригойен понимал всю важность аграрного вопроса и прямо связывал дальнейший прогресс страны с его успешным решением. Целью политики «исправления» в аграрной сфере стало возвращение государству незаконно отчужденной общественной земли и ее перераспределение в интересах национального экономического развития. Для Иригойена «общественная земля не была товаром, предметом коммерциализации», а представляла собой «элемент работы», являлась «объектом труда, инструментом прогресса и фактором цивилизации».

Правительственная политика ограничивалась пресечением дальнейшей концентрации земельной собственности, освоением новых земель и кредитной помощью фермерским хозяйствам, насаждение которых рассматривалось главной целью. В 1916—1922 гг. были

¹ *Yrigoyen H. Mi vida y mi doctrina.* Buenos Aires, 1984. P. 138, 93.

разработаны законопроекты о колонизации государственных земель, создании кооперативов, сельскохозяйственного банка. Принятый конгрессом закон о сельскохозяйственной аренде увеличил срок действия арендных договоров до 4—5 лет. Аграрная политика радикалов преследовала цель мирного решения противоречий между чакарерос и эстансiero, что отвечало главной установке радикализма на сотрудничество, а не борьбу классов.

В экономической политике радикалы отходили от принципов либерализма. Они взяли курс на вмешательство государства в сферу экономики и торговли. В целях ослабления иностранного контроля над аргентинской внешней торговлей исполнительная власть внесла в конгресс законопроект о создании национального торгового флота. Правительство старалось расширить сеть государственных железных дорог и ограничить злоупотребления английских железнодорожных компаний. Были аннулированы железнодорожные концессии, срок которых уже истек, и пересмотрены размеры капиталов действующих частных компаний. Иригойен наложил вето на утвержденный конгрессом законопроект об организации смешанной железнодорожной компании, справедливо полагая, что решение конгрессменов приведет к поглощению государственных железных дорог иностранным капиталом. Президент считал, что «богатства земли, так же как и минеральные недра республики не могут, не должны быть объектом ничьей другой эксплуатации, как только самой нации»¹. В годы первого президентства Иригойена радикалы еще не выдвигали требование национализации нефти. Вместе с тем правительство добивалось расширения государственного участия в нефтедобыче и создания в 1922 г. ЯПФ — первой за пределами Советской России нефтяной государственной компании — во главе с генералом Э. Москони. И в то же время радикалы не являлись сторонниками промышленного протекционизма и не выдвигали целенаправленной программы индустриализации страны.

Наиболее полно реформаторское содержание деятельности Иригойена на посту президента раскрылось в рабочей политике правительства радикалов. До прихода радикалов к власти в стране практически отсутствовало рабочее законодательство. В среде правящего класса господствовала индивидуалистическая доктрина классического либерализма, провозглашавшая невмешательство государства в отношения между трудом и капиталом. Верховный суд выступал про-

¹ Historia argentina contemporánea. 1862—1930. Vol. I—IV. Buenos Aires, 1963. Vol. I. Sec. II.

тив попыток регулирования условий труда, как противоречащих конституции и вводящих «государственный коммунизм».

По убеждению Иригойена, политическая демократия должна быть дополнена социальной справедливостью. В основе его рабочей политики лежал принцип «всеобщего блага» и она преследовала цель, чтобы «под аргентинским небом не было ни одного обездоленного». Иригойен видел смысл своей политики в установлении равновесия «между двумя великими силами, всегда находящимися в борьбе: капиталом и трудом». Взаимоотношения между ними призвано регулировать специальное законодательство, которое не должно ущемлять интересов ни одной из сторон. В задачу государственной власти входило наблюдение за правильным и взаимным выполнением обязанностей и прав тех и других. Свой идеал социального устройства Иригойен выразил в следующих словах: «И таким образом, капиталист смог бы подсчитать свои доходы с большей уверенностью, и рабочий, в свою очередь, имел бы гарантию, что будут использованы его труд и продукт его труда и обе сущности — капитал и труд — в гармоничном сотрудничестве своих сил способствовали бы созданию всеобщего благосостояния»¹.

Выступая за социальные реформы, за внедрение государственных регулирующих начал в отношения между трудом и капиталом, Иригойен стремился направить разрешение классовых конфликтов в мирное русло, внушить рабочим, что «не обязательно прибегать к насилию, чтобы достигнуть большей справедливости».

Администрация Иригойена добивалась расширения социальных прав путем принятия ряда законопроектов, которые улучшили бы условия жизни и труда рабочих, в определенной мере оградили их от произвола хозяев. Важнейшие из них: о 8-часовом рабочем дне и 48-часовой рабочей неделе, минимуме заработной платы, выплате пенсий и пособий по инвалидности некоторым категориям работников. Кабинет Иригойена разработал законопроект о коллективных трудовых договорах и Кодекс законов о труде, где было сведено воедино все рабочее законодательство. И хотя конгресс не одобрил большинство законопроектов, правительство в своей рабочей политике исходило из фактического признания профсоюзов и права трудящихся на забастовку.

Правительственное участие в урегулировании трудовых конфликтов диктовалось желанием приостановить нарастание рабочего движения, направить его в русло, подвластное государственному контролю. С этой целью администрация представила на рассмотрение кон-

¹ Hipólito Yrigoyen. Pueblo y Gobierno. T. IV. P. 233.

гресса законопроект о примирении и арбитраже, который предусматривал мирное улаживание трудовых споров при участии правительственных чиновников. Радикалы использовали факты вмешательства министров и самого президента в забастовки для пропаганды заботы главы государства о трудящихся, его сочувствия эксплуатируемым массам и беспристрастности государственной власти.

После консерваторов радикалам досталось тяжелое наследие в области образования. В период олигархического режима был осуществлен ряд мер по развитию просвещения: введено обязательное начальное образование, открыты средние учебные заведения — коллежио — во всех провинциях, университет в Ла-Плате. В то же время консервативные правительства поставили процесс обучения под жесткий административный контроль. Учебные программы ориентировали учащихся на усвоение знаний вне связи с национальными традициями и потребностями развития страны. По существу учебные заведения не являлись проводниками национальной культуры, что тормозило включение в аргентинскую нацию массы иммигрантов, препятствовало складыванию национального сознания.

Такое положение вызывало серьезную озабоченность у части аргентинской интеллигенции. Ее новое поколение в лице Р. Рохаса, М. Гальвеса, Л. Лугонеса провозгласило необходимость «одухотворения национального сознания». Эти идеи были созвучны взглядам Иригойена, который подходил к образованию как части национальной культуры. Во всеобщем просвещении народа он видел залог существования в Аргентине демократической республики, которая не могла возникнуть вне национальных традиций. Иригойен был убежден, что идеалы демократии, гражданской доблести должны органично соединиться, слиться с любовью к родине, патриотизмом. Националистическая ориентация образования призвана была выполнить эту задачу: из космополитической массы вчерашних иммигрантов сформировать аргентинских граждан, патриотов своей новой родины.

Первостепенное значение Иригойен придавал начальной школе, которая должна не только ликвидировать неграмотность, но и заложить в сознание ребенка понятия гражданственности и патриотизма. В мае 1919 г. правительство издало декрет, призванный «восславить историческое достояние нации». Декрет обязывал учителей проводить уроки, посвященные знаменательным датам страны, чтобы дети знали историю своей родины. Правительство стремилось поднять общественный статус учителя, который соответствовал «возложенной на него высокой миссии», создать ему достойные условия существования, обеспечив материальное благополучие.

В 1918 г. президент Иригойен внес в конгресс законопроект о народном образовании, призванный модернизировать прежнее законодательство. Проект характеризовался комплексным подходом и охватывал все ступени образования: от начального до высшего.

Несмотря на непринятие конгрессом законопроекта, правительство радикалов добилось заметных успехов в развитии народного образования. За годы президентства Иригойена выросло количество школ и учащихся в них. Доля неграмотных среди детей школьного возраста сократилась с 20 до 4 %.

Правительство активно поддержало начавшееся в 1918 г. движение за университетскую реформу, вмешавшись в забастовку на стороне студентов университета Кордовы. Университеты получили новые уставы, где гарантировалась их автономия. В 1919 и в 1921 г. открылись новые университеты в Санта-Фе и Тукумане в дополнение к существовавшим в Буэнос-Айресе, Ла-Плате и Кордове.

Политика Иригойена вызвала ожесточенное сопротивление консерваторов. Завоевав исполнительную власть, радикалы оставались в меньшинстве в конгрессе. Власть в большинстве провинций также находилась в руках консервативных политических группировок. Для смещения консерваторов Иригойен широко пользовался конституционным правом «интервенции», что позволило радикалам оттеснить консерваторов от власти в ряде провинций. В 1918 г. ГРС получил большинство в палате депутатов. Однако сенат так и остался под контролем консерваторов, что позволило им блокировать многие начинания правительства.

В Аргентине в 1917—1921 гг. был отчетливо заметен рост рядов пролетариата. Наиболее многочисленными его отрядами являлись железнодорожники, строители, рабочие пищевой, текстильной, деревообрабатывающей промышленности. Увеличение численности рабочего класса, повышение его удельного веса в социально-экономической жизни создали объективные предпосылки для роста политического сознания и активности пролетариата, его организованности. Однако их реализация зависела как от деятельности самих рабочих организаций, так и от политики правящих кругов в рабочем вопросе.

Наличие различных течений в рабочем классе затрудняло его объединение. В профсоюзах попеременно господствовали анархисты, синдикалисты, социал-реформисты. Влияние возникшей в 1918 г. коммунистической партии Аргентины (до 1920 г. называлась интернационально-социалистической партией) стало заметным в профсоюзном движении лишь с середины 30-х годов.

Важный рубеж в развитии рабочего движения — подъем забастовочной борьбы пролетариата в 1917—1921 гг. совпал по времени с

Октябрьской революцией. События в России оказали большое идейное влияние и на передовых аргентинских рабочих. Если в 1917 г. состоялось 138 забастовок, в которых участвовало 136 062 человека, то в 1919 г. число забастовок возросло до 367, а количество участников — до 308 967. В основе стачечной борьбы лежали экономические причины, прежде всего чрезвычайная дороговизна потребительских товаров в годы войны.

Иригойен с пониманием отнесся ко многим забастовкам, прежде всего к забастовкам железнодорожников. Правительство поддержало их требования о повышении заработной платы и улучшении условий труда, выдвинутые в ходе забастовок в конце 1917 — начале 1918 г. Забастовки на железных дорогах грозили парализовать экспортную торговлю и принести большие убытки железнодорожным компаниям.

Реакция иностранного капитала была быстрой и однозначной. Уже в ноябре 1917 г. в Лондоне на общем собрании акционеров британских железных дорог в Аргентине прозвучали предостережения в адрес аргентинского правительства. Британское правительство, разделяя опасения железнодорожных компаний, пригрозило расторгнуть соглашение о закупке аргентинского урожая и объявить бойкот аргентинских портов, если забастовки не будут прекращены. После этого министерство внутренних дел Аргентины специальным декретом запретило любые забастовки на железнодорожном транспорте.

Угроза новых выступлений трудящихся вынудила олигархию создать Национальную ассоциацию труда, которая в значительной мере способствовала развязыванию репрессий в дни «трагической недели» в столице в январе 1919 г.

1919 год стал рекордным по числу стачек. Кульминацией борьбы рабочих за свои жизненные права стала всеобщая забастовка пролетариата Буэнос-Айреса в январе 1919 г., вошедшая в историю страны под названием «трагическая неделя». В ответ на забастовку рабочих завода «Васена» предприниматели прибегли к помощи штрейкбрехеров. 7 января в столкновение рабочих со штрейкбрехерами вмешалась полиция и обстреляла забастовщиков: 4 рабочих были убиты и 30 ранены. В ночь на 8 января в столице стихийно начались забастовки солидарности с рабочими завода «Васены», переросшие на следующий день во всеобщую забастовку пролетариата Буэнос-Айреса. После того как в полдень 9 января к забастовке присоединились торговцы и служащие, деловая жизнь в столице замерла.

В тот же день состоялись похороны жертв 7 января, во время которых полиция открыла огонь по безоружным рабочим. Траурный митинг на кладбище превратился в массовую бойню. Погибли 50 рабочих. В целях защиты от возможных нападений рабочие захватили ряд

оружейных магазинов, обезоружили нескольких офицеров полиции. Вблизи «Васены» появились баррикады.

Несмотря на поддержку всеобщей забастовки профцентрами аргентинских трудящихся — анархистской ФОРА-V и синдикалистской ФОРА-IX, а также социалистической и интернационально-социалистической партиями, единства среди забастовщиков не было. ФОРА-V стремилась превратить всеобщую забастовку 9 января, которую она называла «народным восстанием против полицейского насилия», в «революционную забастовку» — пролог социальной революции. Но догматизм и сектантство ФОРА-V изолировали анархистов от основной массы рабочих, не готовых идти на революционное свержение капитализма. Бастовавшие желали улучшить свое материальное положение в рамках существующего строя.

В свою очередь синдикалистское большинство в руководстве ФОРА-IX и социалистическая партия не использовали всеобщую забастовку для завоевания широких социальных и политических прав рабочего класса. Не выработала альтернативы узкому экономизму синдикалистов и интернационально-социалистическая партия. В итоге во главе выступления не оказалось руководителей, способных направить его по правильному пути, и забастовка вылилась в мощный, но неорганизованный протест.

10 января 1919 г. всеобщая забастовка охватила рабочих всей страны. Однако в ней не приняли участия земледельцы, и рабочее движение оказалось изолированным от основной массы сельскохозяйственных трудящихся. Созданная в дни забастовки правая политическая организация «Патриотическая лига», объединившая широкие имущие слои, устраивала погромы в рабочих кварталах иммигрантов из Восточной Европы, обвиненных в симпатиях к русской революции. На белый террор анархисты откликнулись вооруженной борьбой с войсками и полицией. Но отсутствие массовой рабочей поддержки обрело эти действия на быстрое поражение.

Продолжение забастовки ставило под вопрос само существование правительства радикалов. Президент Иригойен лично добился от «Васены» принятия требований бастующих, после чего ФОРА-IX при поддержке социалистической и интернационально-социалистической партий объявила о прекращении забастовки с 11 января. Победа досталась дорогой ценой: по сведениям газеты социалистов «Ла Вангвардия», во время трагической недели были убиты 600 и ранены 2 тыс. рабочих.

В 1920—1921 гг. стачечная борьба охватила широкие массы сельскохозяйственных рабочих в северных и южных районах страны, где господствовали земельные магнаты и иностранные компании, —

на лесоразработках в Чако, на чайных плантациях в Мисьонес, в овцеводческих эстансиях в Патагонии. Трудящиеся боролись против существующего здесь полурабского режима жизни и труда. Они требовали выдачи зарплаты в национальной валюте, а не в болах, регламентированного рабочего дня и воскресного отдыха, недельного отпуска, отмены штрафов, признания права организовываться в профсоюзы. Забастовки сельскохозяйственных рабочих вылились в настоящие восстания: бастующие захватывали магазины, бойни, поместья. На их подавление были брошены регулярные войска. Жестокой расправе подверглись пеоны в овцеводческих районах Патагонии в 1921 г. Здесь батраков нередко заставляли рыть себе могилы и закапывали их живьем. Были расстреляны 1,5 тыс. пеонов. С разгромом забастовочного движения прекратили существование первые профсоюзы сельскохозяйственных рабочих.

Большую роль в подавлении стачечного движения сыграла «Патриотическая лига». Вплоть до спада забастовочной борьбы в конце 1921 г. она оставалась могущественной политической силой в стране, препятствуя Иригойену добиваться мирного решения трудовых конфликтов и заставляя правительство прибегать к репрессиям, как, например, во время забастовки батраков в Патагонии.

Вынужденное изменение поведения Иригойена объяснялось также противодействием его рабочей политике внутри самой радикальной партии. Возможность раскола ГРС из-за отношения к рабочему классу верно подметил британский посол, который в докладе своему правительству писал: «Кажется более чем вероятным, что президент должен был осознать, наблюдая определенные признаки недовольства среди своих сторонников, что, пока он не изменит свою политику, ему грозит потеря поддержки со стороны умеренных радикалов не только в столице, но и повсюду в стране в обмен на проблематичную поддержку профсоюзов»¹.

Уступкой правому крылу ГРС стало и выдвижение Иригойеном на президентских выборах 1922 г. кандидатуры М.Т. де Альвеара. Пользуясь поддержкой всей радикальной партии, Альвеар одержал убедительную победу над разобщенной оппозицией, продолжив открытый Иригойеном список президентов-радикалов. Новый президент, выходец из семьи латифундистов провинции Буэнос-Айрес, стоял в свое время у истоков создания ГРС, затем в течение многих лет жил за границей, являясь в годы президентства Иригойена послом во Франции.

¹ *Rock D. Politics in Argentina, 1890 — 1930: The Rise and Fall of Radicalism. L., 1975. P. 213—214.*

Деятельность правительства Альвеара (1922—1928), чей демократизм ограничивался формальным соблюдением прав и свобод, записанных в конституции, пришлось на период экономической стабилизации. В стране в основном соблюдались демократические свободы и легально действовали общественно-политические организации самой различной ориентации.

Поначалу Альвеар, казалось, следовал курсу Иригойена, но вскоре стал отходить от него. Новое правительство свернуло начатое Иригойеном строительство государственных железных дорог во внутренних провинциях, призванных сыграть важную роль в развитии внутреннего рынка и в переориентации аргентинской внешней торговли на латиноамериканские страны. Принятие закона о сельскохозяйственных кооперативах не сопровождалось созданием широкого дешевого кредита для фермерских хозяйств. Расширялась деятельность иностранных нефтяных компаний, особенно после открытия новых месторождений нефти в провинции Сальта.

Благоприятная экономическая конъюнктура 20-х годов привела к спаду рабочего движения, резкому сокращению членов профсоюзов, усилению синдикализма в профсоюзном движении. Синдикалисты стремились ограничить рабочее движение рамками борьбы за повседневные требования. Они отрицали необходимость участия профсоюзов в политической борьбе.

Крупнейшее выступление рабочих в эти годы было вызвано принятием в 1923 г. аргентинским конгрессом закона о пенсионном обеспечении. Согласно этому документу пенсионный фонд должен был формироваться из отчислений от заработной платы рабочих и служащих и находиться под контролем правительства. В результате серии забастовок в 1924—1926 гг., в том числе всеобщих, конгресс в 1926 г. аннулировал закон.

В условиях господства синдикализма в рабочем движении социалистическая партия еще в 1918 г. на своем съезде в Авельянеде приняла резолюцию о независимости профессиональных союзов от партии. Однако эта резолюция не означала полного разрыва социалистов с профсоюзным движением. В 1919 г. была создана Социалистическая комиссия профсоюзной информации (КСИТ), целью которой являлось «объединение действий членов социалистической партии в профсоюзном движении». В 1926 г. она создала собственный профцентр — Конфедерацию аргентинских рабочих (КОА).

К этому времени господствующее положение в профсоюзном движении страны занимало синдикалистское Объединение профсоюзов Аргентины — УСА, образованное в 1922 г. после роспуска ФОРА-IX. В УСА не вошли железнодорожные профсоюзы «Братство» и «Же-

лезнодорожный союз». Они и стали основой профцентра социалистов.

В отличие от синдикалистов и социалистов коммунисты, за исключением короткого периода в начале 20-х годов, не пользовались влиянием в профсоюзном движении. Вместе с тем именно компартия выдвинула требования коренных антиимпериалистических и аграрных преобразований в стране.

Разнородный социальный состав ГРС постоянно порождал столкновение интересов и политических позиций различных фракций и групп внутри него. Приход к власти Альвеара и удаление иригойенистов из правительства создали благоприятную для правых радикалов возможность бросить открытый вызов реформаторству Иригойена. В сентябре 1924 г. единый прежде ГРС раскололся на ГРС персоналистов-сторонников Иригойена и ГРС антиперсоналистов.

Президент Альвеар первоначально солидаризировался с антиперсоналистами, но затем занял компромиссную позицию, желая воссоздать единый ГРС. Поэтому он не оказал поддержки единому фронту антиперсоналистов и консерваторов на президентских выборах 1928 г. Победа досталась Иригойену, который, выражая общенациональные требования, выступил с призывом национализировать нефть.

Во второе президентство (1928—1930) И. Иригойен продолжил политику реформ. Борьба за национализацию нефти, государственную монополию на ее разработку и сбыт придала правительственному курсу ярко выраженную националистическую окраску. Но радикалы не выработали цельной концепции в этом направлении. Последовательную политику в вопросе нефти не сопровождали требования национализации железных дорог и мясохладобойной промышленности — важнейших отраслей аргентинской экономики, находившихся в иностранной собственности. Однако успешное проведение в жизнь нефтяной политики Иригойена открыло бы перед Аргентиной перспективу самостоятельного экономического развития и выхода за рамки агроэкспортной экономики, которая к концу 20-х годов вступила в полосу кризиса.

Дальнейший прогресс страны требовал дополнить традиционные отрасли экономики, базирующиеся на сельском хозяйстве, новыми, основанными на переработке местного промышленного сырья. Открытие нефти в Патагонии и Сальте создавало необходимые для этого условия, учитывая возрастающую роль этого полезного ископаемого в мировой экономике и отсутствие в стране значительных запасов каменного угля.

В конце 20-х годов для национализации нефтедобычи сложились и благоприятные политические условия. Уже в 1929 г., не дожидаясь одобрения нефтяного законодательства конгрессом, ЯПФ взяла в свои руки контроль над внутренним рынком нефтепродуктов, установив единые для всей страны низкие цены на бензин и керосин. Предупреждая возможный нефтяной бойкот со стороны международных монополий, аргентинское правительство начало переговоры с акционерным обществом «Южамторг» о закупке по твердым ценам советской нефти в обмен на аргентинскую сельскохозяйственную продукцию. Правительство постаралось извлечь уроки из собственного печального опыта 1917—1919 гг., когда единый фронт олигархии и империализма сорвал многие прогрессивные начинания радикалов. Для успеха имелись серьезные основания. Нефть не занимала важного места в системе интересов могущественного в стране британского капитала и тесно связанной с ним олигархии, чьи интересы преимущественно сосредоточивались в Пампе. Среди частных нефтяных компаний лидировал американский капитал, что только усиливало традиционное англо-американское соперничество. В стране сложилась любопытная ситуация: национализация нефти затрагивала прежде всего интересы американского капитала, но у аграрных магнатов возникли серьезные торговые противоречия с американцами, поскольку США закрыли доступ аргентинскому мясу на американский рынок.

Используя эту ситуацию, Иригойен постарался выказать себя не только защитником национального суверенитета, но и поборником интересов господствующих классов. Правительство активно поддерживало выдвинутый аргентинским сельскохозяйственным обществом лозунг «Покупай у тех, кто покупает у нас». В ходе визита в Аргентину осенью 1929 г. британской торговой миссии во главе с лордом Д'Аберноном было заключено выгодное для Англии торговое соглашение. В целях ликвидации дисбаланса в англо-аргентинской торговле Аргентина взяла обязательство в обмен на экспорт своей сельскохозяйственной продукции увеличить закупки на британском рынке оборудования для строящихся аргентинских государственных железных дорог и нефтяной промышленности.

Казалось, что радикалам удалось разьединить своих потенциальных противников и обеспечить благоприятные политические и социально-экономические условия для национализации нефти. Хотя консервативная оппозиция и продолжала контролировать сенат, но «интервенции» центрального правительства в провинциях Сан-Хуан, Мендоса, Корриентес и Санта-Фе — главных центрах антииригойенистской оппозиции — сулили ГРС большинство в сенате, поскольку национальных сенаторов избирали провинциальные legislatures.

Все изменилось в самом конце 1929 г. с первыми потрясениями, вызванными мировым экономическим кризисом. Кризис привел к ухудшению жизненного уровня широких слоев населения, что сразу сказалось на популярности ГРС среди избирателей. Мартовские выборы 1930 г. явились предупреждением для радикалов, которые впервые утратили большинство в столице, потерпев поражение от независимой социалистической партии — отколовшейся от социалистов правой группировки во главе с А. де Томазо и Ф. Пинедо.

Антикризисные меры правительства — отмена конвертируемости песо, инфляционная политика — серьезно затронули интересы господствующих классов. 25 августа Сельскохозяйственное общество, Промышленный союз и Торговая биржа в совместном меморандуме потребовали от правительства сократить государственные расходы, восстановить конвертируемый песо и положить конец его обесцениению. Несколько ранее консерваторы, антиперсоналисты и независимые социалисты в совместном манифесте обвинили правительство в бездейственности на фоне экономического кризиса в результате обесценения валюты.

К этому времени в армии образовались две оппозиционные группировки — так называемые либералы во главе с генералом А. Хусто и правые националисты во главе с генералом Х.Ф. Урибуру. В свержении правительства радикалов в сентябре 1930 г. участвовала незначительная часть военных, не более 1,5 тыс. кадетов и солдат регулярной армии. Во главе с Урибуру они беспрепятственно заняли Буэнос-Айрес, добившись отставки сначала вице-президента, а затем и Иригойена. По словам участника переворота капитана Х.Д. Перона, успех движения казался чудом. Но у этого «чуда» имелось вполне рациональное объяснение: к моменту переворота радикализм охватил глубокий кризис, вызванный крахом политики «классовой гармонии» и «национальной солидарности».

«Позорное десятилетие»

Период 1930—1943 гг. вошел в аргентинскую историю как «позорное десятилетие». Формально в стране не была отменена конституция, а консервативные силы не располагали массовой поддержкой избирателей и не могли рассчитывать на победу в случае свободных выборов, поэтому обычной практикой политической жизни стала фальсификация выборов.

Антидемократические порядки, воцарившиеся в политике и напомиавшие положение до принятия закона Саенса Пеньи и прихода ра-

дикалов к власти, резко контрастировали с теми изменениями, которые во второй половине 30-х — начале 40-х годов произошли в экономике. В результате импортозамещающей индустриализации в аргентинском обществе наметились кардинальные сдвиги.

Экономический курс консервативных правительств складывался постепенно, в ходе борьбы различных группировок внутри господствующего класса и представлял в конечном счете компромисс между могущественной фракцией землевладельческой олигархии и крупной буржуазией, группировавшейся вокруг Промышленного союза. Продолжительность и глубина воздействия мирового кризиса на агроэкспортную экономику заставили аргентинские правящие круги искать новые пути по преодолению кризиса. Однако это произошло не сразу.

Генерал Х.Ф. Урибуру (1930—1932), возглавивший после переворота временное военно-гражданское правительство, пытался преодолеть последствия кризиса традиционными методами. Сложившаяся ситуация воспринималась как временная, после чего ожидалось естественное возвращение Аргентиной своих прежних позиций на мировом рынке. Экономическая стратегия не была выработана — правительство Урибуру и не ставило перед собой такой задачи.

Правительственные усилия сосредоточивались в политической области. Сразу же после переворота в стране было введено осадное положение, распущен Национальный конгресс и смещены губернаторы почти всех провинций, за исключением Сан-Луиса и Энтре-Риоса, где власть принадлежала антииригойенистской оппозиции. В планы Урибуру входила замена конституционного строя корпоративной системой по типу итальянского фашистского государства. При министерстве внутренних дел был образован специальный отдел по борьбе с коммунизмом, созданный русским офицером-белоэмигрантом Воронцовым. Сторонники диктатора создали «Гражданский легион» — военизированную террористическую организацию, куда наряду с представителями «золотой молодежи» и деклассированными элементами вступали профессиональные военные. Но в отличие от «Патриотической лиги» «Гражданский легион» не пользовался массовой поддержкой имущих классов, которые не отказались от принципов парламентаризма.

Широкие мелкобуржуазные слои вновь связывали свои интересы с радикальной партией Иригойена, о чем свидетельствовали состоявшиеся в августе 1931 г. выборы губернатора провинции Буэнос-Айрес. Задуманные как проявление поддержки курса Урибуру, выборы продемонстрировали его поражение. И в среде олигархии планы Урибуру по созданию корпоративного государства не встречали понимания. Интересы олигархии в армии выражала фракция генерала

А. Хусто — бывшего военного министра в правительстве Альвеара. Политическая линия Хусто состояла в сохранении видимости представительной демократии при фактической ликвидации ее главного элемента — свободных выборов. После недолгой борьбы Урибуру был вынужден отказаться от своих планов и назначить на ноябрь 1931 г. президентские выборы. Проходившие в условиях открытого террора, подлога и недопущения кандидатов от крупнейшей оппозиционной партии ГРС, они принесли победу Хусто. В феврале 1932 г. он вступил в должность президента.

Коалиция политических сил, поддерживавшая правительство Хусто и известная как «Конкордансия», состояла из трех партий. Среди них национально-демократическая партия, объединившая в 1931 г. стоявшие у власти до 1916 г. различные консервативные группировки. Ее члены, за редким исключением, никогда не были демократами, а слабость позиций партии во многих районах страны не позволяла говорить о ее общенациональном характере. Партнерами консерваторов по правительственной коалиции являлись независимая социалистическая партия и радикалы-антиперсоналисты. По своему влиянию на избирателей антиперсоналисты были наиболее значительной силой, и именно их представители А. Хусто и его преемник Р. Ортис в качестве президентов управляли страной в 30-е годы.

Традиционным путем по преодолению кризиса первоначально пошло и правительство А. Хусто, преследуя цель сбалансировать бюджет и пунктуально выплачивать внутренний и внешний государственный долг. Выражая интересы консерваторов, правительство предприняло чрезвычайные меры по спасению экспорта аргентинского мяса в Англию. Соглашение с Великобританией, известное как пакт Рокка-Ренсимен и заключенное в мае 1933 г., было крайне невыгодно для Аргентины. Договор установил стабильную в 65 % от уровня 1929 г. квоту на ввоз в Англию охлажденного мяса, квоту на экспорт зерновых и содержал обещание Англии предоставить Аргентине символический заем для уплаты внешнего долга. В обмен Аргентина обещала сохранить 85 % мясной квоты за англо-американскими мясохладобойнями. Остальные 15 % квоты, хотя и оставались за Аргентиной, должны были экспортироваться на английских судах и через британских посредников. В качестве платы за допуск аргентинского мяса на английский рынок Аргентина предоставила Англии льготы в области торговли, финансов и промышленности: 350 наименований британских товаров освобождались от таможенных пошлин; на остальные товары пошлины снижались до уровня 1930 г.; выручка от продажи мяса должна была идти на выплату внешнего долга; гарантировалось благоприятное отношение к британским предприятиям.

Пакт Рока-Ренсимен вызвал бурю возмущения в Аргентине. В конгрессе против ратификации договора выступили социалисты и прогрессивные демократы. Открыто осудил соглашение с Англией и Промышленный союз. Его главный идеолог, ведущий аргентинский экономист А. Бунхе считал, что меры правительства Хусто приведут к дальнейшему росту безработицы, падению капиталовложений и сокращению внутреннего потребления, больно ударят по национальной промышленности. По его мнению, выход из кризиса лежал в ограничении импорта. «Импортировать в страну товары, которые Аргентина может или могла бы сама производить, означает... — писал Бунхе, — кормить рабочих других стран, отнимая хлеб у наших собственных»¹.

Промышленный союз развернул широкую кампанию за принятие протекционистского законодательства. Критикуя пакт Рока-Ренсимен, промышленная буржуазия апеллировала к долгосрочным интересам землевладельческой олигархии, доказывая, что защита отечественной промышленности обеспечит экономический рост страны на путях импортозамещающей индустриализации, что, в свою очередь, обеспечит внутренний рынок для излишков сельскохозяйственной продукции, не находивших сбыта на мировом рынке, ликвидирует дефицит платежного баланса и остановит падение доходов самих земледельцев.

К концу 1933 г. бесперспективность экономической политики осознали и правящие круги. В условиях продолжавшейся депрессии пакт Рока-Ренсимен и аналогичные ему двусторонние соглашения с другими странами о квотах для аргентинского мяса и зерна в лучшем случае могли лишь приостановить дальнейшее сокращение аргентинского экспорта, но ни в коей мере не восстановить прежние внешне-торговые позиции Аргентины и ликвидировать дефицит торгового и платежного баланса. Не отказываясь от защиты оставшейся части экспорта, правительство Хусто принимает план Промышленного союза и берет курс на импортозамещающую индустриализацию. Со стороны олигархии это была вынужденная мера, которая диктовалась необходимостью защитить доходы латифундистов, сбалансировать бюджет и продолжить выплату внешнего долга. Свидетельством перемены экономического курса стало назначение министром финансов Ф. Пинедо, который был не только лидером независимой социалистической партии, но и адвокатом английских железнодорожных компаний.

План Пинедо предусматривал увеличение пошлин на импортируемые потребительские товары (в случаях, не ограниченных двусторон-

¹ *Bunge A. Una nueva Argentina. Buenos Aires, 1940. P. 266—268.*

ними соглашениями, наподобие пакта Рока-Ренсимен) при свободном импорте средств производства, создание множественности валютных курсов и девальвацию песо.

В течение многих десятилетий таможенные тарифы были главным источником правительственных доходов. С началом политики импортозамещающей индустриализации они превратились в главный ограничитель импорта, а доходная часть бюджета стала пополняться за счет введения подоходного налога, впервые предложенного Иригойе-ном в 1918 г., но отвергнутого тогда консервативным большинством конгресса.

Пинедо реформировал введенную при Урибуру систему валютного контроля. Первоначально она предусматривала покупку правительством валюты у экспортеров и ее последующую продажу на аукционе. Реформа 1933 г. ограничивала круг покупателей валюты, введя систему разрешений и обязав остальных покупать валюту на параллельном рынке по цене на 20 % выше правительственного курса.

Множественность валютных курсов позволила правительству не только регулировать объем и содержание импорта, но и аккумулировать значительные финансовые ресурсы, направив их на поддержку хозяйств латифундистов и иностранных монополий. В главных отраслях сельского хозяйства были созданы «регулирующие хунты» по мясу, зерну, вину, йерба-мате, с помощью которых поддерживался высокий уровень цен на внутреннем рынке.

Сердцевиной экономических реформ Пинедо стало создание в 1934 г. Центрального банка. Под руководством видного экономиста Р. Пребиша банк контролировал кредит и стимулировал спрос, регулируя находящуюся в обращении денежную массу. Гибкая финансовая система дала правительству мощный рычаг воздействия на происходившие в стране экономические процессы в интересах господствующего класса.

В русле политики тесных отношений с иностранным капиталом консервативные правительства в 30-е годы решали и нефтяную проблему: правящий блок отказался от идеи государственной нефтяной монополии. В основу нефтяной политики был положен принцип равножелательного отношения и к ЯПФ, и к иностранным нефтяным монополиям. Закон 1932 г. предоставил компаниям право беспошлинного ввоза в страну нефтяного оборудования, но обязал их отчислять 10 % прибыли в казну. В 1935 г. аналогичный налог взимали с иностранных компаний. Через год президент Хусто ликвидировал конфликт между ЯПФ и ее конкурентами по вопросу цен на нефть, установив соответствующие квоты на ее продажу на внутреннем рынке. В

результате ЯПФ уступила большую часть национального рынка нефтяным монополиям.

В годы кризиса иностранные мясохладобойни переложили убытки от падающих цен на аргентинских поставщиков мяса, образовав мясной пул. Результатом деятельности пула явилось резкое сокращение цены на скот в живом весе, но сохранение фригорификами высоких прибылей на вложенный капитал. Пакт Рока-Ренсимен формально попытался прервать монополию пула, оставив за Аргентиной 15-процентную квоту. Однако на практике эта уступка оказалась бессмысленной, поскольку страна не располагала собственными предприятиями по производству охлажденного мяса.

Правительственный курс на уступки иностранному капиталу критиковали все оппозиционные партии. Радикалы разоблачали льготы, предоставленные валютной реформой Пинедо английским железнодорожным компаниям. Социалисты выступили против образования английской транспортной монополии в федеральной столице, поглотившей кооперативы водителей такси. Критика экономической политики правительства Хусто не сопровождалась, однако, выработкой альтернативного курса в экономической области. Так, например, явным анахронизмом в 30-е годы звучал призыв лидеров социалистов вернуться к свободе торговли.

Стратегия всех оппозиционных партий исчерпывалась борьбой за восстановление политической демократии, прежде всего свободных выборов. У социалистов это сочеталось с принятием правил политической игры, предложенной олигархией. Социалистическая партия принимала участие во всех фальсифицированных выборах, нередко блокируясь с прогрессивно-демократической партией, но не ища союза с новым поколением радикалов. Борясь за голоса средних городских слоев, социалисты практически не вели работу среди нового пролетариата, рожденного импортозамещающей индустриализацией, и широких масс сельскохозяйственных трудящихся, лишенных всякой социальной защиты. Тем не менее социалистическая фракция в конгрессе выступила инициатором прогрессивных законопроектов: о разводе, предоставлении женщинам политических прав, сокращении военного бюджета и ассигнований на церковь. В ходе парламентских запросов социалисты разоблачали подлоги на выборах, нарушение демократических свобод. Однако руководство социалистической партии вплоть до конца 30-х годов оставалось в плену политики, выработанной еще в начале века, и не учитывало в своей деятельности новых социально-экономических реалий.

Мировой экономический кризис 1929—1933 гг. застал аргентинское рабочее движение расколотым. Подавляющая часть трудящихся

оставалась неорганизованной. Засилье в рабочих организациях синдикалистов обусловило пассивность рабочего класса перед лицом наступления консервативных сил, приведших к военному перевороту 1930 г. Трудящиеся не оказали сопротивления мятежникам, не выступили в защиту конституционного правительства. Растущая безработица, наступление предпринимателей на их жизненный уровень и подавление профсоюзных свобод стали обычным явлением.

Кризис и переворот 1930 г. усилили тенденцию к объединению профсоюзного движения. Через три недели после переворота была создана Всеобщая конфедерация труда (ВКТ), куда вошли УСА и КОА. Руководили новым профцентром синдикалисты, что объяснялось их растущим влиянием в крупнейшем профсоюзе страны «Железнодорожный союз». Кроме железнодорожников, в ВКТ вошли более мелкие профсоюзы транспортников, работников торговли и ряда отраслей промышленности, объединявшие рабочих Большого Буэнос-Айреса и городов побережья. Синдикалисты избегали участия в политической борьбе. В программе-минимум, принятой ВКТ в августе 1931 г., содержались чисто экономические требования: 8-часовой рабочий день в дневное время и 6-часовой в ночное; 5-дневная рабочая неделя; ежегодные оплачиваемые отпуска.

В условиях открытого подавления демократических свобод и почти постоянного осадного положения синдикалистское руководство ВКТ, группировавшееся вокруг лидера профсоюза «Железнодорожный союз» Трамонта, утверждало, что «аргентинское профсоюзное движение развивается свободно и нормально... союзы с нерабочими организациями являются неуместными и ненужными для ВКТ, которая сегодня более, чем когда-либо, должна стоять на соответствующей ей экономической почве и никогда не покидать ее»¹.

Развернутая Промышленным союзом кампании за принятие промышленного протекционизма не встречала понимания ВКТ. Она продолжала ратовать за свободную торговлю, считая единственным путем решения стоявших перед Аргентиной сложных экономических проблем «максимально свободное международное перемещение людей и товаров», рассматривая протекционистские тарифы не более как «искусственные меры, призванные поддерживать классовые привилегии».

Политика синдикалистских лидеров ВКТ все более расходилась с коренными интересами рабочего класса и не отвечала новой социально-экономической обстановке, складывавшейся с началом импортозамещающей индустриализации. Трамонта и его сторонники посте-

¹ *Tamarisin D. Argentine labor movement. 1930—1945. N. Y., 1985. P. 92.*

ленно теряли массовую поддержку в ВКТ, в первую очередь в профсоюзе «Железнодорожный союз», к руководству которым в 1934 г. пришли сочувствующие социалистам деятели во главе с Х. Доменичем.

Конфликт между социалистами и синдикалистами возник по поводу участия профсоюзов в политической борьбе. Бойкот радикалами выборов в 1932—1934 гг. дал возможность социалистам значительно увеличить представительство в Национальном конгрессе. Социалистическая партия постаралась воспользоваться ситуацией для укрепления своих позиций в профсоюзном движении. На съезде партии в 1934 г. социалисты признали ошибочным продолжение прежней политики нейтралитета в отношении профсоюзов и призвали рабочих поддерживать кандидатов своей партии на выборах профсоюзных руководителей. Вместе с тем начавшийся в середине 30-х годов подъем рабочего движения способствовал радикализации самой соцпартии, укреплению в ней профсоюзного крыла во главе с П. Лейросом.

Социалистов поддержала часть синдикалистов во главе с Х. Доменичем. В отличие от ортодоксальных синдикалистов группа Доменича не отвергала союза с политическими партиями, прежде всего с социалистами, но ограничивала этот союз борьбой за чисто экономические требования.

Позитивные процессы, наметившиеся в развитии рабочего и профсоюзного движения страны, нашли отражение и в деятельности компартии Аргентины в середине 30-х годов. Активное участие коммунистов в забастовочной борьбе пролетариата, а также решения VII конгресса Коминтерна способствовали изживанию сектантства и догматизма в рядах партии. КПА отказалась от лозунга рабоче-крестьянской революции и советской власти в Аргентине, от требований борьбы с социалистами внутри рабочего движения и отрицания необходимости единства всех демократических сил, которых она придерживалась в конце 20-х — начале 30-х годов. Компартия призвала все левые профсоюзы вступить в ВКТ и внутри основного профцентра бороться за создание единого рабочего фронта. В такой обстановке наиболее крупные в составе ВКТ организации — «Железнодорожный союз», «Братство», Конфедерация работников торговли, Союз трамвайщиков, Союз муниципальных рабочих и Ассоциация работников госучреждений — 12 декабря 1935 г. приняли решение распустить Центральный конфедеральный комитет ВКТ и заняли помещение его секретариата. Новое руководство во главе с Доменичем устранило препятствия для вступления в ВКТ профсоюзов, находившихся под руководством коммунистов, что способствовало превращению ВКТ в мощный профцентр, призванный объединить аргентинский пролетариат.

Главная оппозиционная партия — радикальная — слабо учитывала интересы новых социальных сил, выросших в годы импортозамещающей индустриализации: национальной промышленной буржуазии и индустриального пролетариата. Все усилия радикалов сосредоточивались на борьбе за свободные выборы. После того как кандидатов ГРС не допустили к участию в президентских выборах 1931 г., радикалы вернулись к старому лозунгу «непримиримость» в отношении олигархических правительств. На практике «непримиримость» вылилась в бойкот фальсифицированных выборов. Новое руководство ГРС во главе с вернувшимся в партию Альвеаром, который после смерти в 1933 г. Иригойена стал ее официальным лидером, постаралось воспрепятствовать превращению ГРС в центр борьбы за свержение псевдodemократического режима Хусто. Альвеар стремился достичь взаимопонимания с Хусто. Уже в начале 1935 г. руководство ГРС отказалось от позиции «непримиримости», и радикальная партия вернулась к участию в выборах.

Для возвращения радикалов к власти руководство ГРС не исключало использование рабочего движения, подъем которого наметился в середине 30-х годов. На выборах в марте 1936 г. оппозиционные партии получили относительное большинство в палате депутатов и создали парламентский блок под названием «Народный фронт», который, однако, вскоре распался.

Перед лицом реальной перспективы объединения всех оппозиционных сил, пользующихся к тому же массовой поддержкой организованного в профсоюзы рабочего движения, правящий блок обещал радикальной партии провести свободные выборы. На выборах президента страны в 1937 г. ГРС выступил самостоятельно, надеясь одержать победу на свободно проводимых всеобщих выборах. Но, как и предшествующие, они не были свободными. Победу на выборах одержали кандидаты «Конкордансии» — антиперсоналист Р. Ортис стал президентом страны, а консерватор Р. Кастильо — вице-президентом.

Ортис отказался от антидемократического курса во внутренней политике. Он заявил о намерении покончить с мошенничеством на выборах и достичь взаимопонимания с радикалами. Используя право «интервенции» в провинции, Ортис сместил профашистски настроенного губернатора провинции Буэнос-Айрес М. Фреско. К недовольствию вице-президента Кастильо аналогичные меры были приняты и в родной провинции последнего Катамарка. Правительство Ортиса не допустило беззаконий на выборах в провинциях Энтре-Риос, Кордова, Тукуман и на выборах в палату депутатов Национального конгресса, где победу одержали радикалы. Но наметившаяся тенден-

ция к демократизации общественно-политической жизни страны не была закреплена. В связи с болезнью президента Ортиса в 1940 г. власть перешла к вице-президенту Кастильо — крайнему консерватору. В это время нацистская Германия захватила почти всю Западную Европу.

Аргентина и Вторая мировая война

В 1933 г. Аргентина вернулась в Лигу наций. Принимала активное участие в урегулировании военного конфликта между Боливией и Парагваем — Чакская война, за что министр иностранных дел Аргентины К. Сааведра Ламас получил Нобелевскую премию мира. Страна являлась бесспорным лидером Латинской Америки. На панамериканских конференциях 1933, 1936 и 1938 гг. аргентинская делегация противодействовала стремлению США укрепить панамериканскую систему.

С началом Второй мировой войны Аргентина, как и другие американские государства, объявила о своем нейтралитете. Но симпатии общественного мнения были на стороне союзников. По заключению германского дипломата: «В общем настроение в Аргентине... антигерманское... но страна останется нейтральной... вследствие материальных соображений»¹. Правительство Ортиса в апреле 1940 г. осудило германское вторжение в Данию и Норвегию, а в мае — в Бельгию и Голландию, заявив, что не признает захваты этих стран нацистской Германией. Внутри страны Ортис пытался ограничить деятельность прогерманских элементов, но одновременно не поддержал меры союзников по торговой блокаде Германии.

На панамериканской консультативной конференции в Панаме в сентябре 1939 г., созванной для создания общего «фронта нейтралитета» Американского континента, выявились аргентино-американские разногласия. Аргентина предложила американским странам включить в декларацию о нейтралитете требование о неограниченном праве торговли с воюющими государствами продуктами питания и сырьем, не используемым в военных целях. Ее правительство намеревалось продолжить торговлю с Германией. США выступали за полное закрытие доступа Германии и ее союзников к сырьевым ресурсам Латинской Америки. Предложение Аргентины об исключении продуктов питания для гражданских лиц из списков контрабанды в конечном счете приняли. Аргентина стремилась добиться и само-

¹ Цит. по: Янчук И.И. Политика США в Латинской Америке. М., 1975. С. 20.

стоятельности каждого государства в определении норм своего нейтралитета и выступила против участия в военных и политических соглашениях.

В основе сопротивления Аргентины американской политике лежали экономические причины. США не желали идти на какие-либо серьезные уступки Аргентине, главным образом на расширение доступа на американский рынок мяса и зерна. Свою роль сыграла и Англия. Она препятствовала аргентино-американскому сближению, угрожая сократить свои закупки в Аргентине, если последняя будет импортировать из других стран промышленные товары, которые ей может продавать Англия. Аргентина в этот период, имея некоторую свободу маневра, могла сопротивляться и Соединенным Штатам не удалось заключить с ней торговый договор на своих условиях.

Дальнейшее развитие аргентино-американские противоречия получили на консультативной конференции министров иностранных дел американских стран в Гаване в июле 1940 г. Аргентина выступила против США в отношении европейских колоний в Западном полушарии — установления над ними опеки. В проекте резолюции говорилось, что наиболее демократическим решением вопроса о колониальных владениях было бы не установление «опеки», а создание на их территории независимых государств, которым позволят решать их собственную судьбу самостоятельно, а не путем применения силы или так называемого права завоевания. Позиция Аргентины отражала скрытое сопротивление Соединенным Штатам Англии, которая не желала непрошенной опеки над ее колониями. В ходе же переговоров англичане прекратили противодействовать планам опеки и согласились на создание баз США на территории английских владений в Западном полушарии. Англо-американские противоречия в отношении колоний были частично урегулированы, и Аргентина, действовавшая в некоторой степени под влиянием Англии, приняла предложения США.

На Гаванской конференции была принята конвенция о временном управлении колониями и владениями европейских держав в Америке и Гаванский акт, в основном повторявший конвенцию. Аргентина настаивала на том, что подпись под конвенцией не ограничивает свободы действий правительства, так как эта конвенция приобретет законную силу и обязательность лишь при одобрении парламентом страны.

Гаванская конференция отразила переход США от нейтралитета к открытой антигерманской борьбе. Создание военного блока американских государств во главе с США, направленного против нацистской Германии, встретило неприятие со стороны Аргентины. Она категорически отказалась обсуждать даже предварительные принципы

военного сотрудничества, не желая связывать себя какими-либо обязательствами. Внутренний политический кризис, выразившийся в борьбе между сторонниками вступления в войну и президентом Касильо, склонным к нейтралитету, обострение торговых отношений между США и Аргентиной и победы Гитлера в Европе были непосредственными причинами подобной позиции. Германия со своей стороны также оказывала влияние на Аргентину. В аргентинских правящих кругах ожидали победы Германии и не желали терять рынки в Европе.

В противоположность военному союзу всех стран Западного полушария Аргентина выдвинула идею регионального союза южноамериканских государств под своим руководством. Этот блок преследовал бы не столько задачи обороны, сколько сохранение нейтралитета в войне. Гегемонистские устремления Аргентины вызвали резкое противодействие и США, и стран Латинской Америки. Правда, под влиянием протестов со стороны Аргентины США отказались в тот момент от строительства базы в эстуарии Ла-Платы. Но Соединенным Штатам удалось расстроить намеченный Аргентиной региональный военный блок.

Недостаток промышленных товаров, вызванный прекращением европейского экспорта, побуждал латиноамериканские страны развивать собственную промышленность. Встал вопрос о расширении внутрिलाдиноамериканской торговли путем создания таможенного союза, стоявшего вне Панамериканского союза и контроля США. Активность в этом направлении проявила Аргентина.

В феврале 1941 г. Аргентина созвала конференцию стран бассейна Ла-Платы. Таможенный союз предусматривал введение преференциального режима торговли в этой группе стран (Аргентина, Чили, Бразилия, Перу, Парагвай, Боливия), содействие торговле между странами-участниками и т. п. США заявили немедленный протест против режима преференций. Англия неодобрительно отнеслась к идее таможенного союза. Германия, после колебаний, пришла к выводу, что создание таможенного союза стран Южной Америки вызовет их разногласие с США и усилит ее собственные позиции.

Соглашения, подписанные на конференции стран бассейна Ла-Платы, ввиду давления США и Англии, а также торгового соперничества между Аргентиной и Бразилией, не были ратифицированы. Политика Аргентины стала рассматриваться как движение против США, что предопределило провал идеи таможенного союза.

Президент Касильо поддерживал доброжелательные отношения с Германией. В беседе с немецким послом в марте 1941 г. он обещал принять меры против антигерманской пропаганды в аргентинских газетах и подчеркнул свое искреннее желание сохранять дружественные

отношения и свою твердую решимость соблюдать нейтралитет. Министр иностранных дел Аргентины Э. Руис Гиньясу в июле озвучил мысль, что «все в Европе готово к новому порядку под германским руководством» и предложил свои услуги в качестве посредника в переговорах о мире между Германией и Англией.

Тем временем США продолжали политику по созданию военного союза американских государств. Важным шагом в этом направлении стало распространение закона о ленд-лизе на страны Латинской Америки. Переговоры по этому вопросу с Аргентиной не дали никаких результатов.

США после вступления в войну предложили созвать в Рио-де-Жанейро новое консультативное совещание министров иностранных дел в январе 1942 г. Американская дипломатия предполагала принятие совместного с латиноамериканскими странами заявления о разрыве дипломатических отношений с державами «оси». Такая позиция облегчила бы борьбу с подрывной деятельностью нацистов и повысила роль Западного полушария в международных отношениях, засвидетельствовав, что латиноамериканские республики связали свою судьбу с Объединенными Нациями.

Аргентина придерживалась следующей линии: страна не порвет отношений с державами «оси» из-за отсутствия военно-морских оборонительных сооружений, в остальном же будет следовать за США, включая экономические и политические меры, такие, как прекращение пропаганды и подрывных действий фашистов, обеспечение США стратегическим сырьем и обслуживание американских военно-морских судов в портах Аргентины.

По прибытии в Рио-де-Жанейро Э. Руис Гиньясу заявил, что конференция имеет лишь консультативные права, и ее решения могут носить лишь характер рекомендаций; только конгресс имеет право объявить войну, поэтому аргентинская делегация не одобрит никакой резолюции, которая может привести к войне.

Категорический отказ принять резолюцию о разрыве со странами «оси» вынудил США пойти на уступки Аргентине. В принятой резолюции американским республикам рекомендовалось «разорвать дипломатические отношения с Японией, Германией и Италией». Ссылаясь на рекомендательный характер резолюции, Аргентина, в отличие от остальных стран Латинской Америки, осталась вне рядов антигитлеровской коалиции.

Что же стояло за постоянным противодействием Аргентины внешнеполитическому курсу США и ее нежеланием вступить в войну? Аргентинский нейтралитет определялся целым рядом факторов как внешнего, так и внутреннего характера. Прежде всего, это антиаме-

риканская направленность политики правящей группировки Аргентины во главе с Р. Кастильо и Э. Руисом Гиньясу, в основе которой лежали экономические причины: традиционная конкуренция аргентинских и американских товаров, нежелание США открыть свой рынок для аргентинского зерна и мяса. Правящие круги Аргентины верили в победу гитлеровской Германии и не хотели терять выгодные рынки. Их позицию четко выразил Э. Руис Гиньясу, считавший, что «США являются большей и ближайшей угрозой для Аргентины, чем Германия»¹. Взгляды олигархии на нейтралитет разделяла выросшая за годы импортозамещающей индустриализации промышленная буржуазия. Она видела в нейтралитете возможность освобождения экономики страны от подчинения иностранному капиталу.

Значительное влияние на формирование внешнеполитического курса Аргентины оказывало соперничество Англии и США. В стране «туманного альбиона» понимали, что вступление Аргентины в войну и ее военный союз с США угрожало английским позициям на аргентинской земле. В свою очередь, играя на противоречиях США и Англии, Аргентина могла извлечь максимальные экономические выгоды, рассчитывая на благоприятный торговый баланс и развитие национальной промышленности. Последнее обстоятельство вышло на первый план после военного переворота 4 июня 1943 г.

И в Аргентине, и за рубежом первоначально многие рассматривали переворот как начало демократизации политической жизни страны и изменения позиций в сторону антигитлеровской коалиции. Поэтому США, Англия и латиноамериканские страны признали военное правительство.

Надежды на изменение внешней политики Аргентины связывались с наличием в военном правительстве умеренного крыла. Лидеры умеренных — президент П. Рамирес и министр иностранных дел С. Сторни рассчитывали на поддержку своей политики со стороны США. Однако последние потребовали от Аргентины в качестве предварительного условия разорвать отношения с Германией и Японией. США преследовали цель ослабить влияние националистов, но вместо этого подорвали позиции умеренных, которые в результате политического кризиса в октябре 1943 г. лишились реального влияния в правительстве. С этого момента отношения между Аргентиной и США носили открыто враждебный характер. США применили экономические санкции против Аргентины. Крупнейшие аргентинские банки (Банко де ла Насон и Банко де ла провинсия Буэнос-Айрес) были внесены в «черный список», а их счета блокированы. Ужесточались ограниче-

¹ Rennie J.F. The Argentine Republic. N. Y., 1945. P. 290.

ния на вывоз промышленного оборудования в Аргентину. Эти меры вызвали немедленную реакцию в Аргентине. В ноябре 1943 г. министр иностранных дел Аргентины Хильберт заявил, что внешняя политика его страны будет определяться позицией строгого нейтралитета. Это решение фактически позволяло фашистской Германии вести шпионскую и подрывную работу с территории Аргентины против латиноамериканских стран и США.

Для нажима на Аргентину США воспользовались происшедшим в Боливии в декабре 1943 г. военным переворотом, в подготовке которого они обвинили аргентинских военных. В то же самое время английская разведка арестовала в Тринидаде некоего О. Хельмута, отправленного аргентинским правительством в Испанию для переговоров с представителями фашистской Германии о покупке вооружения для аргентинской армии. Предполагалось, что это оружие будет использовано, если соседние страны будут настаивать на отказе Аргентины от нейтралитета.

США резко увеличили поставки вооружения в Уругвай, Чили и Перу. В январе 1944 г. в порты Уругвая и Чили были посланы военные суда США. Госдепартамент США подготовил проект заявления, в котором говорилось, что Аргентина не выполнила своих обязательств, стала после июньского переворота 1943 г. убежищем для нацистских агентов. Члены нового правительства обвинялись в содействии свержению правительств, верных антигитлеровской коалиции. Когда известие об этом дошло до аргентинского правительства, оно в январе 1944 г. официально разорвало дипломатические отношения с Германией и Японией. Этот шаг вызвал в феврале 1944 г. новый правительственный кризис. Рамирес, не имея поддержки в армии, передал власть Э. Фаррелю. Вице-президентом, военным министром и министром труда в новом правительстве стал Х.Д. Перон, который фактически направлял действия Фарреля.

Нажим США на Аргентину усиливал антиамериканскую направленность политики правительства Фарреля — Перона. Вводилась цензура на американские фильмы, запрещалась деятельность американских информационных агентств, имели место валютно-финансовые ограничения по отношению к США. Перон как министр труда неоднократно добивался выполнения требований бастовавших рабочих мясохладобоев, принадлежавших американским компаниям. Отдельные предприятия американских предпринимателей были национализированы.

Как прямой вызов США расценили программную речь Перона в июне 1944 г., где он открыто критиковал иностранный капитал, настаивал на создании тяжелой промышленности, ратовал за проведе-

ние активной внешней политики, направленной на достижение собственных национальных интересов. Американский посол, а вслед за ним послы Англии и латиноамериканских стран были отозваны из Буэнос-Айреса. Одной из основных причин давления США на Аргентину стало опасение за будущее иностранных инвестиций в случае сохранения у власти националистической группировки военных.

Серия экономических и политических санкций против Аргентины — отказ в экспорте вооружения для аргентинской армии, железнодорожных составов и автомобилей, нефтяного оборудования, нефти; замораживание аргентинских фондов; запрет американским торговым судам заходить в порты Аргентины — не принесли особого успеха. Сокращение американского экспорта в Аргентину компенсировалось за счет увеличения ввоза промышленных товаров из Канады, латиноамериканских стран. Эти страны не желали прекращать взаимовыгодные экономические отношения с Аргентиной.

США не удалось добиться присоединения Англии к экономическому бойкоту Аргентины. У. Черчилль в телеграмме Ф. Рузвельту, сославшись на то, что без аргентинского мяса невозможны запланированные военные операции и обеспечение продовольствием английского населения, отказался поддерживать США. Политика их давления на Аргентину зашла в тупик.

Близившееся окончание Второй мировой войны и связанные с этим проблемы глобальной стратегии обусловили изменение тактического курса США в отношении Аргентины в сторону смягчения напряженности в двусторонних отношениях. На Чапультепекскую конференцию по проблемам войны и мира (21 февраля — 8 марта 1945 г., Мехико) было решено пригласить только страны, участвовавшие в войне против фашистских государств. Аргентина осталась в стороне, так как она не вела войну с Германией и Японией. На самой конференции американская делегация выступила за признание Аргентины.

В резолюции по аргентинскому вопросу в сдержанных выражениях осуждался отказ Аргентины предпринять шаги, позволившие бы ей участвовать в межамериканской конференции по проблемам войны и мира. Было заявлено, что Аргентина — составная и неотъемлемая часть союза американских республик и выражалась надежда, что она присоединится к решению конференции. Аргентине рекомендовалось выполнить решения конференции с тем, чтобы в качестве страны, подписавшей заключительный акт, стать членом Объединенных Наций.

По окончании конференции Ф. Рузвельт поддержал членство Аргентины в будущей Организации Объединенных Наций (ООН), если она выполнит условия, принятые в Мехико, и объявит войну Японии и Германии.

27 марта 1945 г. Аргентина объявила войну Японии и Германии, конфисковала немецкие активы в стране и некоторые немецкие компании. 9 апреля США признали правительство Фарреля — Перона. В целях укрепления политического блока американских государств, созданного на конференции в Мехико, делегация США в Сан-Франциско в апреле 1945 г. поддержала допуск Аргентины в ООН. В результате голосования 30 апреля Аргентина была допущена в члены-учредители ООН. Одновременно были приглашены на конференцию советские республики — Украина и Белоруссия.

Но это было временное перемирие. В июне 1945 г. вновь возобладала линия экономического и политического давления на Аргентину. Объяснение было простым — основные противоречия между Аргентиной и США продолжали существовать. И в политической области (создание южноамериканского блока) и в экономической (курс на сравнительно независимое развитие собственной промышленности) Аргентина выступала против США.

С началом Второй мировой войны усилился процесс превращения организованного рабочего движения в ведущую силу антиимпериалистического и демократического движения. Несмотря на противодействие группы Доменича, стремившегося удержать ВКТ на позициях невмешательства в партийно-политическую борьбу, II съезд ВКТ в декабре 1942 г. высказался в поддержку создания Демократического союза, за отмену осадного положения в стране, разрыв отношений с державами «оси» и за всемерную защиту и развитие национальной промышленности, как главный путь борьбы с безработицей и дороговизной.

Устранение Доменича от руководства ВКТ привело в марте 1943 г. к расколу единого профцентра на ВКТ-1 во главе с Доменичем и ВКТ-2 во главе с социалистами, при участии коммунистов.

Вторая мировая война снова отрезала Аргентину от ее традиционных рынков, поставив перед страной вопрос о необходимости ускорить развитие импортозамещающей индустриализации. С этой целью министр финансов Пинедо предложил проект дальнейшего развития аргентинской экономики. Широкая программа, известная как план Пинедо, содержала меры по стимулированию экспорта традиционной сельскохозяйственной продукции и дальнейшей замене импорта промышленных товаров, включая предоставление промышленности на льготных условиях долгосрочных кредитов и экспорт аргентинских промышленных изделий в соседние страны Латинской Америки. Льготное кредитование промышленности не должно было ущемить, по мысли Пинедо, интересы землевладельческой олигархии, поскольку большая часть кредитов предназначалась для государственного фи-

нансирования сельскохозяйственного экспорта. Не предлагал Пинедо и плана всеобъемлющей индустриализации, который включал бы развитие собственной топливно-энергетической базы и производство средств производства. Речь шла лишь о дальнейшем наращивании производства предметов потребления. Но план не был принят конгрессом. Это вызвало отставку Пинедо и переход части сил, составлявших прежде правительственный блок, в оппозицию к правительству Кастильо. Характерно, что палата депутатов Национального конгресса, где большинство имели радикалы, отказалась даже обсуждать план Пинедо.

План Пинедо не имел будущего. Являясь альтернативой подлинной индустриализации страны, он мог быть осуществлен только при условии дальнейшего наращивания традиционного аргентинского экспорта, но как раз в преддверии 40-х годов наметилась тенденция к снижению удельного веса Аргентины в мировой торговле. Не могла быть использована в полной мере и благоприятная для Аргентины конъюнктура военных лет, поскольку внешняя торговля страны замыкалась на Великобритании, которая в период войны прекратила экспорт в Аргентину промышленных товаров, заморозив одновременно в лондонских банках накопленные Аргентиной крупные суммы от продажи мяса. Ошибочным оказался расчет Пинедо и на США, которые, по мнению части господствующего класса, должны были заменить Англию в качестве главного торгового партнера Аргентины. Как и прежде, США отказались открыть свой рынок для основных товаров аргентинского экспорта — зерна и мяса. Таким образом, страна теряла перспективу дальнейшего экономического развития в рамках традиционной агроэкспортной модели.

Было очевидно, что политика консервативных правительств приведет Аргентину в тупик. Националистические настроения охватили традиционно правые, антикоммунистические и проклерикальные круги. Именно на эти круги и была рассчитана усилившаяся с началом войны нацистская пропаганда — Аргентине обещали торговые привилегии с победой «третьего рейха». В отличие от правонационалистических сил, ориентировавшихся на фашистские государства, лагерь либерально-демократических партий проводил антифашистскую политику, организовав в 1940 г. «Аксьон Архентина», которая выступила в поддержку стран антигитлеровской коалиции. За борьбой сторонников и противников держав «оси» скрывались вопросы дальнейшего развития Аргентины.

Недовольные политикой Альвеара молодые радикалы еще в 1935 г. создали организацию «Сила радикальной ориентации молодой Аргентины» (ФОРХА), провозгласившую необходимость покончить с

угнетением Аргентины со стороны Англии и США. Но, несмотря на появление обновленческого крыла в радикализме, политику ГРС по-прежнему определяли сторонники Альвеара. И олигархия попыталась использовать начавшиеся в 1942 г. переговоры о создании Демократического союза — коалиции радикалов, социалистов, коммунистов и прогрессивных демократов на предстоявших в 1943 г. президентских выборах — в своих интересах, навязав в качестве кандидата генерала Хусто. Но в 1942 г. умер Альвеар, а в начале 1943 г. и Хусто. Радикальную и прогрессивно-демократическую партии раздирала острая фракционная борьба, в них отсутствовало понимание необходимости выработки принципиально нового политического курса, который бы учитывал интересы социальных сил, выросших в ходе импортозамещающей индустриализации, — национальной промышленной буржуазии и рабочего класса.

Глубокий кризис охватил и правительственный лагерь. После развала «Конкордансии» правительство Кастильо представляло собой группу реакционеров из внутренних провинций. По мере падения авторитета в гражданских кругах правительство все более зависело от поддержки вооруженных сил.

Вместе с тем осадное положение, введенное правительством в конце 1941 г., и сопутствовавшие ему репрессии, отмена конституционных гарантий, преследование прогрессивных организаций и прессы, рост дороговизны и спекуляция, тяжелое экономическое положение трудящихся города и деревни вели к распространению всеобщего недовольства. В этих условиях единственной реальной силой в стране оставалась армия, где к этому времени возобладали националистические настроения.

Военный переворот 1943 г. Возникновение перонистского движения

4 июня 1943 г. армия свергла правительство Кастильо и взяла власть в стране в свои руки. Военное правительство во главе с генералами А. Раусоном, а затем П. Рамиресом распустило Национальный конгресс и провинциальные власти. Президентские выборы были отложены на неопределенный срок.

Решающую роль в подготовке и проведении военного переворота сыграла Группа объединенных офицеров (ГОУ), которая придерживалась открыто националистической ориентации. Националисты выступали за сохранение отношений с державами «оси», видя в этом противовес растущему американскому давлению на Аргентину.

Военное правительство учредило на правах министерства Секретариат труда и социального обеспечения, который возглавил мало кому известный тогда в стране полковник Хуан Доминго Перон. Инициатива создания секретариата принадлежала самому Перону и стала началом его рабочей политики. Выходец из семьи итальянских иммигрантов, Перон выбрал типичную для многих представителей средних слоев военную карьеру. Первый политический опыт он приобрел в 1930 г., когда в качестве связного между фракциями Х.Ф. Урибуру и А. Хусто принял активное участие в военном перевороте. Служебная командировка в Европу в 1939—1941 гг. позволила ему изучить опыт фашистских стран в решении социально-экономических и политических вопросов.

Перон рассматривал промышленный подъем 30—40-х годов в качестве основы будущей державной мощи Аргентины и ее гегемонии в Южной Америке на путях создания корпоративного государства и достижения страной экономической независимости.

Как лидер ГОУ Перон сыграл важную роль в свержении Кастильо и в дальнейшем укреплении позиций националистов. Находясь в тени и оставаясь всего лишь полковником, он добился назначения Э. Фарреля сначала военным министром, затем вице-президентом и, наконец, президентом Аргентины в феврале 1944 г. Сам Перон, оставаясь главой Секретариата труда и социального обеспечения, наследовал ему в качестве военного министра и вице-президента Аргентины.

В условиях благоприятной экономической конъюнктуры, вызванной военной обстановкой, Перон добился проведения военным режимом активной социальной политики. Помимо сочувствия обездоленным массам и желания улучшить их положение, это объяснялось и политическими соображениями. Перон рассматривал рабочий класс и профсоюзы как стеновой хребет общенационального движения, целью которого было создание сильной и независимой Аргентины. В 1944—1945 гг. была повышена заработная плата, улучшены условия труда, введено пенсионное обеспечение для многих категорий рабочих, прежде всего объединенных в профсоюзы.

В рабочей политике Перон искусно использовал существовавшие в профсоюзном движении идейно-политические разногласия, раскол единого прежде ВКТ на ВКТ-1 и ВКТ-2. Деятельность ВКТ-2, где сильным влиянием пользовались коммунисты, была запрещена на всей территории страны. Одновременно Перон и его сторонники добились соглашения с лидерами ВКТ-1, которые начали сотрудничать с правительством и облегчили, таким образом, установление государственного контроля над профсоюзным движением.

Перон не скрывал классовой направленности своей политики. Выступая в торговой бирже Буэнос-Айреса в августе 1944 г., он заявил: «Господа капиталисты! Не пугайтесь моего профсоюзного движения. Капитализм никогда не был так прочен, как сегодня. Я хочу организовать рабочих в государственном масштабе с тем, чтобы ими руководило государство, чтобы оно давало им направление. Таким способом в рядах рабочих будут нейтрализованы идеологические и революционные течения, которые могли бы явиться угрозой для нашего капиталистического общества в послевоенный период»¹.

Промышленный союз относился к рабочей политике Перона с подозрением и враждебностью. Предприниматели не отрицали желательности «социальной гармонии», но критиковали государственное вмешательство в отношения между трудом и капиталом. Допуская необходимость ограниченного пенсионного законодательства, помощи безработным, возмещения при несчастных случаях на производстве, Промышленный союз решительно противился регулированию заработной платы и цен и обязательному арбитражу.

Антидемократическая внутренняя политика вызвала развитие оппозиционного движения, которое усилилось с окончанием Второй мировой войны. В обстановке подъема демократического движения военное правительство было вынуждено восстановить политические свободы, разрешить деятельность политических партий и общественных организаций и, наконец, пожертвовать самим Пероном.

9 октября 1945 г. войска столичного гарнизона во главе с генералом Х. Авалосом арестовали Перона. Все члены правительства, за исключением президента Фарреля и двух министров, ушли в отставку. В стране возникло безвластие, поскольку радикалы, социалисты и прогрессивные демократы никак не могли договориться о разделе министерских портфелей.

Однако в стране назревал не только кризис верхов, но и готовность низов к выступлению. Свержение Перона рабочие массы восприняли как угрозу своим социальным завоеваниям и поднялись на его защиту. Стихийно по всей стране начались рабочие забастовки и подготовка ВКТ всеобщей политической забастовки. 17 октября 1945 г. более 200 тыс. рабочих заняли центр Буэнос-Айреса, требуя освобождения Перона и восстановления его у власти. В тот же день военные мятежники капитулировали, генерал Авалос ушел в отставку, а Перон был освобожден. Фаррель назначил на февраль 1946 г. всеобщие выборы. 18 октября 1945 г. состоялась всеобщая забастовка в поддержку Перона.

¹ Цит. по: Очерки истории Аргентины. М., 1961. С. 419.

Объявив о выдвижении своей кандидатуры на президентский пост, Перон не ограничился поддержкой созданной в ноябре 1945 г. лабористской (рабочей) партии, а привлек на свою сторону часть радикалов — «Хунту обновления» ГРС и националистов — «Освободительный альянс». Перонистскому блоку противостоял Демократический союз — объединение ГРС, ПДС, СПА, КПА.

США активно стремились помешать победе Перона. Но рассчитанная на это публикация «Синей книги» о связях ГОУ и Перона с фашистскими странами лишь способствовала сплочению всех националистов. 24 февраля 1946 г. Перон под лозунгом «Брадэн¹ или Перон» одержал победу на выборах, собрав 54 % голосов. Перонисты получили также большинство мест в Национальном конгрессе и провинциальных органах власти.

¹ С. Брадэн — посол США в Аргентине.

ГЛАВА III

ПЕРОНИСТСКАЯ АРГЕНТИНА 1946—1955

С победой Х.Д. Перона на выборах 1946 г. открылась новая страница аргентинской истории. Казалось, что перспективы обещанной Пероном «Новой Аргентины», основанной на социальной справедливости, политическом суверенитете и экономической независимости, близки к осуществлению. Однако менее чем через десять лет, в сентябре 1955 г. Перон был свергнут в результате военного переворота. Что же произошло, в чем причины подъема и падения перонизма? При диаметрально противоположных ответах на эти вопросы историки согласны в том, что новые узлы аргентинской истории, развязывать которые аргентинцам пришлось всю вторую половину XX в., были завязаны именно в этот период.

Хустисиалистское государство

Перон пришел к власти при поддержке многоклассовой коалиции, в которой ведущую роль играли социальные силы, выросшие в период импортозамещающей индустриализации — национальная промышленная буржуазия и рабочий класс. Монополия олигархии на государственную власть была ликвидирована. На смену либерально-олигархическому государству пришло национал-реформистское, или хустисиалистское¹.

Создание хустисиалистского государства началось с организации перонистской партии. В отличие от господствовавших прежде политических партий, чьей главной целью была защита интересов различных социальных групп в рамках многопартийной системы, Перон стремился создать «государство юридически организованной нации» с единой партией и централизованным партийным и государственным руководством. Перонисты никогда не рассматривали свою организацию как политическую партию, выражавшую интересы определенно-

¹ От исп. *justicia* — справедливость.

го класса, а утверждали общенациональный характер своего движения. Перон резко отрицательно отнесся к возникшей после событий 17 октября 1945 г. лабористской партии на базе профсоюзов как самостоятельной рабочей партии. В мае 1946 г. он распустил свою избирательную коалицию — лабористскую партию, «Хунту обновления» ГРС и «Освободительный альянс», включив их членов в Единую партию национальной революции. На учредительном съезде в декабре 1947 г. она была переименована в перонистскую.

Съезд принял устав и программу, в которой перонистская партия определялась как «национальное революционное движение, направляемое доктриной генерала Хуана Перона». По уставу руководящие органы партии — Национальный съезд и Высший совет — подчинялись ему как «верховному лидеру партии и государства». Перон мог отменять любые решения, принятые партией, пересматривать кандидатуры, обновлять руководящие органы и ставить на рассмотрение партийного съезда или плебисцита любой вопрос, который считал нужным. В руководстве преобладали представители радикалов, консерваторов, военных и клерикальных кругов. Председателем партии стал адмирал А. Тейсайре. Перонистская партия так и не стала действенной партийной организацией, оставаясь передаточным механизмом между лидером и низовыми организациями.

В 1949 г. была создана женская перонистская партия. Этому предшествовала кампания за право голоса для женщин, развернутая женой президента Эвой Перон в печати и на радио. Местные организации женской партии носили характер домовых комитетов, в которых домашние хозяйки приобщались к перонистской доктрине.

Важнейшей частью перонистского движения стали профсоюзы, объединенные в ВКТ. Демократическая структура профсоюзов была заменена централизованной — руководители всех звеньев, за исключением низшего, назначались в министерстве труда. Профсоюзы строились по территориально-производственному признаку во главе с исполкомом соответствующей федерации. Профсоюзные взносы удерживались из зарплаты предпринимателями, через отраслевую федерацию передавались центральному руководству ВКТ, которое выдавало определенный процент нижестоящим организациям. Все отраслевые федерации приняли в своем уставе в качестве преамбулы идеологическую платформу ВКТ, заявляя тем самым о принадлежности к перонистской партии.

Аргентинские профсоюзы приобрели характер государственного института. Единство отраслевых федераций достигалось благодаря их признанию государством. Социальное законодательство и заключение коллективных договоров обеспечивали поголовное участие трудя-

щихся в профсоюзах. В эти годы рост числа членов профсоюзов полностью соответствовал росту числа трудящихся.

Новая профбюрократия, отобранная и назначенная в министерстве труда, обязанная своими постами Перону, а не профсоюзной массе, стала звеном госаппарата, которое управляло рабочим классом. По меткому выражению одного рабочего лидера, она представляла «не рабочий класс перед правительством, а, наоборот, правительство перед рабочим классом».

По аналогичной с ВКТ схеме были созданы организация предпринимателей — Всеобщая экономическая конфедерация (ВЭК), вместо распущенного Пероном Промышленного союза; Всеобщая конфедерация профессий (ВКП) и Всеобщая университетская конфедерация (ВУК), объединившие средние слои и интеллигенцию.

В соответствии с перонистской доктриной «вождь, руководящие кадры и организованная масса» являлись тремя опорами хустисиалистского государства. Они образовали своего рода пирамиду, основанием которой служили ВКТ, ВЭК, ВКП, ВУК. Перонистская партия была призвана связывать массовые организации с президентом, который являлся одновременно главой государства и лидером движения, венчая, таким образом, политическую надстройку хустисиалистского государства.

Такая система позволяла перонистам контролировать практически все слои населения. Для мобилизации народных масс широко использовался лозунг о «народном суверенитете», под которым трудящиеся участвовали в различных мероприятиях, в первую очередь 17 октября, объявленного днем верности лидеру, и 1 Мая — празднике труда. На проводившихся на Майской площади в Буэнос-Айресе народных ассамблеях принимались программные документы перонизма и назывались официальные кандидаты предстоящих выборов.

В основе идеологии перонизма лежала теория «третьего пути» развития. В мире, разделенном на две социальные системы, Перон провозгласил третий путь между индивидуализмом капитализма и коллективизмом социализма, т. е. развитие Аргентины не капиталистической и социалистической, а национальной: «Как политическая доктрина хустисиализм уравнивает право индивида с правом общества. Как социальная доктрина хустисиализм устанавливает социальную справедливость, которая дает личности право на общественную деятельность. Как экономическая доктрина хустисиализм создает социальную экономику, ставя капитализм на службу благосостоянию общества»¹, — говорил Перон.

¹ *Peron J.D.* La fuerza es el derecho de las bestias. Santiago de Chile, 1956. P. 24.

На практике организация «единого национального общества» означала государственный патернализм во имя классового мира и государственное регулирование экономики. «Национальное сотрудничество», «единство нации», подчинение «частных интересов интересам нации» противопоставлялись классовой борьбе. «Нужно поддерживать и стимулировать дух профсоюзных организаций, сотрудничающих с перонистским государством в деле справедливости и повышения престижа нации, ставя это выше идеологической и политической борьбы»¹, — гласила доктрина перонизма.

Главная роль в перонистской доктрине отводилась государству, которому придавался надклассовый характер. Выступая посредником между трудом и капиталом, оно должно было создать справедливое общество, свободное от анархии капитализма и централизации социализма, освободить человека от эксплуатации как государством, так и другим человеком. Националистическое государство объявлялось «важнейшей составной частью всеобъемлющего понятия нации». Классово недифференцированный народ отождествлялся с националистическим государством. Все несогласные с перонизмом, выступавшие жертвами заблуждений и нуждавшиеся в перевоспитании или сознательно служившие антинациональным интересам, рассматривались как враги народа.

Противопоставление: хустисиалисты — антихустисиалисты, народ — антинарод раскалывало общество по националистическому признаку, затушевывая его деление на классы. «Хустисиализм в своей сущности является народным. Любая политическая группировка антинародна и поэтому не принадлежит к хустисиализму»², — провозглашал Перон.

Исходя из этих посылов, перонистская администрация взяла курс на ограничение деятельности политической оппозиции и неперонистской прессы. Принятые в 1946—1951 гг. законы лишали оппозицию свободы слова и возможности создавать предвыборные блоки, давали президенту право объявлять осадное положение в мирное время, объявляли уголовным преступлением «неуважение правительственного лица». Перонистское правительство отобрало или скупило у либеральной оппозиции все радиостанции и органы печати, за исключением газеты «Ла Насьон». Число депутатов ГРС — единственной оппозиционной партии в конгрессе — сократилось с 44 в конце 40-х до 14 в начале 50-х годов.

¹ Doctrina peronista Buenos Aires, 1948. P. 278.

² Peron J.D. La fuerza es el derecho de las bestias. Santiago de Chile, 1956. P. 23.

Большую роль в мобилизации народных масс в поддержку перонистского режима и их воспитании в духе хустисиализма играла Эва Дуарте Перон. Ее брак с Пероном символизировал союз военного и «безрубашечницы» — представительницы народных низов. Внебрачная дочь сельского фермера и кухарки превратилась в первую даму республики. Она выступала как партийный функционер, деятель профсоюзов, лидер перонистской женской партии, совершала поездки по странам Европы с дипломатическими поручениями.

По существу, два харизматических лидера составляли единую команду и действовали по принципу «Перон управляет, Эва представляет». Перон брал на себя обязанности по руководству государством, Эва занималась общественными делами, осуществляя контроль за деятельностью министерства труда, ВКТ, перонистской женской партии и созданного ею «Фонда Эвы Перон». Фонд финансировался за счет государства и добровольно-принудительных взносов профсоюзов, предпринимателей, а также отчислений от доходов национальных лотерей. Средства Фонда шли на строительство дешевого жилья, больниц, школ, детских садов, раздачу единовременных пособий бедным семьям.

Эва регулярно встречалась с многочисленными делегациями рабочих, которые обращались к ней за помощью: заставить предпринимателей исполнить рабочий закон, улучшить условия труда на какой-либо фабрике и т. п. Она выслушивала просьбы, отправляла их в соответствующие учреждения и, действуя от имени Перона, добивалась положительных результатов. Эва превратилась в Эвиту — любимицу «безрубашечников». Так ее стали называть перонистские массы. Деятельность Эвиты не отделила их от Перона. Наоборот, она укрепляла эту связь, будучи его женой и действуя от его имени.

Выступая как публичный оратор и ежедневно работая с перонистскими массами, Эвита заняла выдающееся место в перонистском движении. Эвита постоянно подчеркивала превосходство Перона и никогда не использовала слово лидер в отношении себя. «Он лидер, я лишь тень его высшего присутствия»¹. Но как «тень Перона» она имела многочисленные титулы: «знаменосец угнетенных масс, или знаменосец трудящихся»; «надежда и страж революции», «щит Перона», «полномочный представитель», но предпочитала «мост любви между Пероном и народом». Эти титулы не были простыми риторическими выдумками, созданными перонистской пропагандой или ею самой. Они являлись адекватными той роли, которую Эвита играла в перонистском движении.

¹ *Peron E. La razon de mi vida. Buenos Aires, 1951. P. 114.*

Обычно в своей речи Эвита поднимала три темы: Перон, «безрубашечники» и она сама как связующее звено между ними. При обращении к «безрубашечникам» она разговаривала с ними, как если бы она была Пероном, но сохраняя определенную дистанцию от него. Затем могла изменить направление речи и сама обратиться к Перону, называя его мой генерал, как если бы была частью публики. Эвита могла в выступлении как бы отделить себя от Перона и «безрубашечников», чтобы показать, что она простая женщина, которая любит как Перона, так и «безрубашечников», и посвятила себя работе во имя их счастья. Постоянно повторяя, что главной целью хустисиализма является ликвидация борьбы классов и ее замена их сотрудничеством, Эвита вместе с тем определяла свое место подле трудящихся, а не их хозяев. Ее призывы к единству, дисциплине, вере в Перона создавали атмосферу, где критика и дискуссия были исключены. Эвита создавала культ вождя.

С культом Перона креп и культ Эвиты. Ее миссия сводилась к тому, чтобы беззаветно любить других, «сжигать свою жизнь во имя других». Уже при жизни перонисты называли ее символом социальной справедливости — хустисиализма.

В условиях быстрого роста внутреннего и отчасти внешнего рынков предприниматели старались избежать классовых конфликтов и шли навстречу требованиям рабочих. В период экономического подъема 1946—1948 гг. рабочий класс добился реальных уступок: поголовная синдикализация всех трудящихся, коллективные договоры в каждой отрасли, общенациональная система социального обеспечения для всех категорий рабочих, оплачиваемые отпуска, замораживание квартирной платы и цен на предметы первой необходимости. Реальная зарплата выросла на 33 %, а учитывая разные льготы — на 70 %. Последние распространялись не только на рабочих, но и на всех малоимущих, принимая во внимание замораживание арендной платы, низкую стоимость жилья и помощь «Фонда Эвы Перон». Главный выигрыш получили малооплачиваемые слои. Если зарплата квалифицированного рабочего выросла на 27 %, то неквалифицированного — на 39 %. Рабочий класс в целом выиграл за счет средних слоев, так как доля рабочих в национальном доходе выросла с 40 до 50 %. Некоторые группы буржуазии, в частности рантье, потеряли в доходах.

Практически исчезла безработица. Рабочие не могли быть уволены без уважительной причины, которую в суде было трудно доказать. Ни один рабочий не мог лишиться работы за свою профсоюзную деятельность. Внутри предприятий власть хозяев была ограничена профсоюзными комиссиями, с которыми они должны были согласовывать

все изменения на производстве, включая изменение квалификации рабочего, перевод его на другой разряд.

Происшедшие в стране изменения призвана была узаконить принятая в 1949 г. конституция. От своей предшественницы — либеральной Конституции 1853 г. — новый Основной закон отличался социальной направленностью. Отныне собственность имела социальные обязательства (ст. 38), а трудящиеся — социальные права (ст. 37, п. 2 — 10). Естественные богатства провозглашались «неотъемлемой и неотчуждаемой собственностью Нации» (ст. 40).

Конституционная реформа 1949 г. завершила создание хустисиалистского государства. Содержащееся в ней положение о переизбрании президента (ст. 78) призвано было увековечить перонистский режим¹.

На пути к экономической независимости

Решение основных проблем страны перонисты видели на путях достижения экономической независимости. 9 июля 1947 г., в годовщину независимости Аргентины, была принята Декларация экономической независимости, призванная дополнить политическую независимость экономической. Тема экономической независимости заняла центральное место в перонистской доктрине, в пятилетних планах правительства. «Будущее страны в ее индустриализации, иначе мы останемся колониальной страной», — заявил Перон².

Мировая хозяйственная конъюнктура и экономическое положение Аргентины благоприятствовали ее осуществлению. В результате роста цен на сельскохозяйственные товары Аргентина накопила к концу войны 1,6 млрд долл. Из страны-должника она превратилась в страну-кредитора, кредитуя, главным образом, закупку своих товаров. Перон, настроенный оптимистически, убедительно говорил о процветании страны. В это время получила хождение фраза: «Бог-аргентинец», которую позже Эва Перон дополнила словами: «И поэтому он послал нам Перона».

Правительство Перона первым в истории Аргентины провозгласило политику индустриализации: первый пятилетний план (1947—1951) ориентировал на таможенную защиту национальной промышленности и ее льготное кредитование.

¹ Constitución de la Nación Argentina. Buenos Aires, 1973. P. 300—302, 306, 312.

² Doctrina peronista. P. 175.

Помимо мер косвенного регулирования, государство развивало госсектор. В его структуру наряду с государственной нефтяной компанией ЯПФ, «Гас дель Эстадо» и морским торговым флотом вошли выкупленные у Англии и Франции железные дороги, телефонная сеть, речной флот, большинство водопроводных и электрических станций, авиационная компания и конгломерат экспроприированных немецких предприятий, объединенных в Национальную дирекцию государственных промышленных предприятий (ДИНИЕ). Был создан и военно-промышленный комплекс «Фабрикасьонес милитарес».

Национализация основных рычагов валютно-финансовой системы способствовала проведению активной экономической политики. Введение монополии внешней торговли обеспечивало финансовую базу индустриализации. Созданный в 1946 г. Аргентинский институт развития и обмена (ИАПИ) имел монопольное право покупать сельскохозяйственную продукцию у производителей и перепродавать ее на внешнем рынке. Покупая по максимально низким и продавая по максимально высоким ценам, ИАПИ стал важным инструментом перекачивания доходов из аграрного сектора в промышленность. Полученные таким образом средства шли на импорт промышленного оборудования и расширение инфраструктуры.

Проводя политику финансирования промышленности за счет сельского хозяйства, правительство, несмотря на обещанную Пероном в период избирательной кампании аграрную реформу, не пошло на раздел латифундий и передачу земли тем, кто ее обрабатывает. Ограничились вмешательством в арендные отношения в пользу арендатора. Снижением арендной платы и увеличением сроков аренды государство преследовало цель постепенно превратить арендаторов в собственников и содействовать созданию семейных хозяйств. Этому же должны были способствовать колонизация государственных земель и развитие кооперативного движения.

«Статут пеона» уравнивал права батраков и рабочих. Перонисты много внимания уделяли их организации, стремясь подчинить государственному контролю. Под руководством ВКТ были созданы местные организации батраков, объединенные в провинциальные центры.

Промышленная политика стартовала с развития легкой промышленности. Принятые перонистами меры обеспечили насыщение внутреннего рынка «антиимпортными» и другими товарами легкой промышленности. Сторонником ее развития считался «экономический диктатор» М. Миранда, отвечавший в правительстве за финансово-промышленный блок; с его именем была связана экономическая политика первых лет режима. Армейские круги не разделяли такого мнения и выступали за развитие тяжелой промышленности, на основе

которой страна могла наращивать военный потенциал. В 1949 г. Миранда был вынужден уйти в отставку.

Акцент на развитие тяжелой промышленности был сделан при разработке второго пятилетнего плана (1953—1957). Характеризуя его на съезде промышленников в мае 1953 г. как «план национальной индустриализации», Перон заявил: «Мы хотим иметь хотя бы небольшую тяжелую промышленность. Отказ от тяжелой промышленности означал бы отказ от промышленности вообще»¹.

Началось развитие промышленного машиностроения. Его продукция — первые машины для легкой промышленности, автомашины, тракторы с импортными двигателями, простейшее оборудование для энергосети — выросла с 1938 по 1955 г. на 300 %, а ее доля в промышленной продукции с 3,7 до 6,1 %, причем 40 % этого прироста приходилось на ремонт и замену деталей.

В Аргентине по существу не было своей металлургии. В 1951 г. из 1,2 млн т железа и стали, потреблявшихся в стране, более 1 млн т импортировалось. С открытием месторождений железной руды в Сьерра-де-Сапла на северо-западе и угля в Рио-Турбио в Патагонии началось строительство в 1947 г. металлургического комбината в Сан-Николасе, в провинции Буэнос-Айрес и еще нескольких металлургических заводов. Производство проката увеличилось с 162 тыс. т в 1948 г. до 676 тыс. т в 1955 г. Таким образом, были заложены основы национальной металлургической промышленности.

Индустриализация Аргентины требовала значительного расширения энергетической базы. Почти половина потреблявшейся энергии приходилась на импортируемые виды топлива: уголь и нефть. В 1945 г. в энергетическом балансе гидроэнергия составляла 0,4 %; нефть и нефтепродукты — 48; дрова и древесный уголь — 28 %; остальное приходилось на уголь. Аргентина ввозила больше половины потреблявшейся в стране нефти. Узость национальной энергетической базы не только сдерживала экономическое развитие страны, прежде всего промышленный рост, но и ложилась тяжелым бременем на платежный баланс, поскольку импорт топлива поглощал значительную долю валютных поступлений.

Правительство разработало «Национальный план электрификации (1947—1961)», предусматривавший доведение мощностей гидроэлектростанций до 1 400 000 кВт, вместо существовавших 45 000 кВт. Если в 1896—1946 гг. в Аргентине были построены 29 гидроэлектростанций мощностью 40 728 кВт, то за 10 лет правления Перона — 37 общей мощностью 293 700 кВт и еще 9 станций мощностью

¹ Congreso general la industria. Buenos Aires, 1953. P. XXIII—XXIV.

167 000 кВт находились в стадии строительства. В 1944—1955 гг. выработка гидроэнергии выросла на 49 %.

По первому пятилетнему плану добыча нефти должна была увеличиться на 40 %, по второму — еще на 71 %. Планы предусматривали строительство нефтепроводов и газопроводов, нефтеперерабатывающих заводов, увеличение нефтеналивного флота. В 1946—1955 гг. добыча нефти возросла с 2,976 до 4,365 млн т.

Интенсивная эксплуатация газовых месторождений началась с введения в строй в 1949 г. газопровода Комодоро Ривадавия — Буэнос-Айрес протяженностью 1600 км. Добыча природного газа увеличилась с 563 млн м³ в 1946 г. до 932 млн м³ в 1953 г. Увеличение добычи угля с 9,2 тыс. т в 1943 г. до 113 тыс. т в 1955 г. позволило сократить его импорт и уменьшить удельный вес угля в энергобалансе до 20 %.

Промышленное развитие Аргентины в период перонистского правления привело к положительным сдвигам в экономике страны. В 1954 г. на долю промышленности приходилось 22,1 % ВВП против 17 % на сельское хозяйство. Изменилась структура промышленного производства — вместо текстильной и пищевой преобладали машиностроительные отрасли. Некоторые успехи были достигнуты в расширении топливно-энергетической базы. Наметились тенденции к ликвидации неравномерного размещения промышленности по различным районам страны: сократилось число промышленных предприятий в столице и в провинции Буэнос-Айрес и возросло их число во внутренних районах.

Однако многие проблемы остались нерешенными. Темпы развития тяжелой промышленности оставляли желать лучшего. Внутренние потребности в средствах производства не были удовлетворены. Сохранялась зависимость ряда отраслей промышленности от импорта сырья. Не была решена и энергетическая проблема: нефть по-прежнему занимала доминирующее положение в энергобалансе страны, и ее удельный вес увеличивался. Рост потребления нефти покрывался за счет импорта. В то же время доля промышленности в потреблении нефтепродуктов уменьшилась, так как быстрее всего росло их непродовольственное потребление.

Говоря об итогах индустриального развития Аргентины в этот период, следует учитывать трудности, с которыми пришлось столкнуться перонистам: однобокая и зависимая экономика, узость внутреннего рынка, недостаток некоторых важнейших видов сырья, слабая инженерно-техническая база. Не последнюю роль играла и политика США, которые не были заинтересованы в независимом индустриальном развитии Аргентины.

«Третья позиция»

Провозглашенная Пероном «третья позиция» в международных делах — не примыкать ни к СССР, ни к США, а в случае мирового конфликта находиться в западном лагере — означала попытку укрепить свои внешнеполитические позиции, лавируя между двумя социальными системами. «Третья позиция» открывала возможность для сближения с государствами различных общественно-политических систем — как с социалистическими, стоящими на антиимпериалистических позициях, так и с правоавторитарными режимами. Аргентина поддерживала самые дружественные отношения с франкистской Испанией, заключив с ней ряд торговых и финансовых соглашений. После Второй мировой войны в Аргентине нашли убежище многие нацистские преступники.

В 1946 г. были установлены советско-аргентинские дипломатические отношения. Перонистское правительство развивало торговые связи с восточноевропейскими странами. С началом холодной войны Аргентина, в отличие от ряда других латиноамериканских стран, не пошла на разрыв отношений с СССР. В 1953 г. правительства Аргентины и СССР заключили торговое соглашение. Соглашение предусматривало поставку нефтепродуктов, угля, стали, машинного оборудования в обмен на аргентинские сельскохозяйственные товары. Этим шагом перонистское руководство стремилось ослабить зависимость от западных стран, найти новые рынки для аргентинской продукции.

На этом фоне созданная усилиями США Межамериканская конференция «для поддержания континентального мира и безопасности», которая состоялась в августе 1947 г. в Рио-де-Жанейро, превратилась в арену столкновения интересов США и Аргентины. Аргентинская делегация во главе с министром иностранных дел Х.А. Брамуглиа при обсуждении представленного США проекта межамериканского договора о взаимопомощи выступила с целой серией поправок, преследовавших цель воспрепятствовать американской гегемонии в Западном полушарии.

Аргентинская делегация отстаивала принципы единогласия при действии договора, что давало ей фактически право вето. Не получив поддержки других делегаций, Аргентина была вынуждена согласиться с принципом двух третей. Против аргентинского предложения исключить из договора конфликты между американскими государствами, ограничив его действие лишь внеконтинентальной агрессией, решительно выступили США. Американская сторона заявила, что «агрессия внутриконтинентальная представляет большую угрозу, чем вне-

континентальная». При обсуждении вопроса о том, какому органу принадлежит право определять факт наличия агрессии, Аргентина, вопреки мнению США предоставить его консультативному совещанию министров иностранных дел американских государств, настаивала на том, что этот вопрос относится к компетенции Совета Безопасности ООН.

Несмотря на то что аргентинские предложения были отклонены, Аргентина подписала «Договор Рио-де-Жанейро», но откладывала год за годом его ратификацию. Он был ратифицирован конгрессом Аргентины лишь в 1950 г., с началом войны в Корее.

Американская континентальная политика не встретила понимания со стороны Аргентины и на IX Межамериканской конференции в Боготе в 1948 г. при обсуждении устава Организации американских государств — ОАГ. Аргентина внесла предложение, чтобы «деятельность совета ОАГ не носила политического характера», но под давлением США оно было отклонено. Аргентинская делегация настояла на том, чтобы Межамериканский совет обороны (МСО) не входил в Совет ОАГ в качестве специального его органа, как это предлагалось по проекту. Как и в случае с «Договором Рио-де-Жанейро», Аргентина подписала устав ОАГ, но он был ратифицирован только после свержения Перона в 1956 г.

Аргентина заняла самостоятельную позицию и на X конференции ОАГ в Каракасе в 1954 г. Главной задачей форума стало принятие по настоянию США антикоммунистической резолюции «Декларация солидарности для защиты политической целостности американских государств против вмешательства международного коммунизма». Документ рассматривал приход левых сил к власти в любой американской стране как угрозу континентальной безопасности и основание для приведения в действие военного пакта — «Договора Рио-де-Жанейро». Аргентина придерживалась того взгляда, что угроза коммунизма не может оправдать отказ от принципа самоопределения государств и невмешательства в их внутренние дела, и может быть устранена не военными, а социально-экономическими мерами: улучшением условий жизни народа. При голосовании Аргентина и Мексика воздержались. Гватемала, против которой и была направлена резолюция, голосовала против.

Аргентина активно действовала в направлении объединения латиноамериканских государств. Еще в конце 1946 г. было заключено соглашение с Чили об экономическом и финансовом сотрудничестве и таможенном союзе. Состоявшиеся в последующие два года встречи Перона с президентами Бразилии, Боливии, Парагвая и Уругвая имели целью расширения экономических и политических связей между

Аргентиной и соседними странами. Усилия аргентинской дипломатии принесли определенные результаты. В феврале 1953 г. был заключен «Пакт Сантьяго», предусматривавший более тесное экономическое и политическое сотрудничество между Аргентиной и Чили. В августе 1953 г. к пакту присоединился Парагвай, в октябре — Эквадор. В конце 1954 г. пакт подписала Боливия.

Расширяя и укрепляя связи с латиноамериканскими странами, Аргентина стремилась распространить на них свой хустисиалистский опыт. Для этого при аргентинских посольствах была учреждена должность рабочих атташе. Эта деятельность увенчалась созданием в 1952 г. профцентра АТЛАС — Объединения латиноамериканских трудящихся синдикатов.

Самостоятельная внешнеэкономическая политика Аргентины проявлялась в ее выступлениях против отмены множественности валютных курсов, двусторонних торговых и финансовых соглашений, лицензий и ограничительных таможенных тарифов. В период перонистского режима Аргентина так и не вступила в МВФ и МБР. Имея в виду правительство Перона, известный чилийский левый деятель Карнеро Чека писал: «До 1953 г. ни одно правительство в Латинской Америке не вело такой открытой, прямой, проводившейся без всяких дипломатических уверток пропаганды против монополистической и милитаристской политики Соединенных Штатов и против империализма»¹.

Кризис и падение Перона

Наметившийся в стране экономический подъем сменился депрессией. Она была вызвана многими причинами, в том числе международного характера. На фоне официальной нормализации аргентино-американских отношений в 1947 г. США осуществляли скрытый экономический бойкот Аргентины. Американцы преследовали цель, сформулированную государственным департаментом в 1945 г.: «Экспорт капитального оборудования должен поддерживаться на настоящем минимуме. Существенным является не допустить развития аргентинской тяжелой промышленности»². В октябре 1947 г. США ввели лицензии на экспорт в Аргентину стали, двигателей, оборудования

¹ Карнеро Чека Х. Очерки о странах Латинской Америки. М., 1960. С. 56.

² Papers Relating to the Foreign Relations of the United States 1945. Washington, 1969. Vol. 9. P. 527

для нефтяной и угольной промышленности, необходимых стране для выполнения первого пятилетнего плана.

Аргентина была исключена из плана Маршалла, затем последовало ее вытеснение с европейских рынков. США, продавая государствам Латинской Америки промышленные товары по низким ценам или в кредит, торпедировали аргентинское предложение об экономическом союзе южноамериканских стран. В результате резко сократился аргентинский экспорт текстиля и обуви: в 1949 г. его стоимость упала до трети от уровня 1946 г. Движение Аргентины на пути к индустриальному развитию поневоле ограничивалось внутренним рынком.

К концу 1940-х годов процесс замещения импорта в отраслях, производящих предметы потребления, в основном был завершен. Для развития базовых отраслей промышленности стране требовались капитальное оборудование и соответствующие технологии. Основной же источник валютных поступлений — агроэкспортный сектор, которому отводилась роль главного финансиста промышленного развития, обнаружил свою неспособность служить движущей силой индустриализации.

Общее ухудшение экспортно-импортных цен на мировом рынке привело к падению цен на товары традиционного аргентинского экспорта. В 1948—1950 гг. на каждую единицу импорта экспорт должен был увеличиваться на 30 %, чего страна не смогла сделать.

В Пампе сокращение капиталовложений в сельскохозяйственную технику как в целом, так и в расчете на одного занятого и на один гектар обрабатываемой площади обусловило застой в производстве сельскохозяйственной продукции. Наметившийся экономический упадок в аграрном секторе Пампы не компенсировала диверсификация производства за ее пределами, в основном за счет роста посевов технических культур, ориентированных на внутренний рынок.

Падение мировых цен на сельскохозяйственную продукцию имело совершенно различные последствия для сельского хозяйства Аргентины, по сравнению с США. Здесь низкие цены стимулировали технический прогресс в фермерских хозяйствах. Дальнейшая механизация стала главным источником поддержания средней нормы прибыли, близкой к аналогичным показателям в других секторах экономики США. В Аргентине уменьшение земельной ренты латифундистов привело не к интенсификации сельскохозяйственного производства, а к переориентации латифундий на животноводческое производство на естественных пастбищах. Небольшой выход продукции на единицу площади компенсировался огромными земельными угодьями и уникальными по своему плодородию почвами Пампы. Это позволяло латифундистам рентабельно вести традиционное экстенсивно-скотовод-

ческое хозяйство, но обрекало сельское хозяйство и всю экономику страны на хроническое отставание.

Латифундисты пошли по пути невозобновления арендных договоров, отказывались от сдачи земли арендаторам, превращая ее в естественные пастбища. В Пампе произошла своеобразная чистка земли от сельскохозяйственных производителей. Около 70 тыс. арендаторов и медьерос¹ (58 %) покинули хозяйства и не были заменены ни рабочими, ни машинами.

В результате перонистской политики наметившийся на рубеже 30—40-х годов аграрный кризис углубился. С конца 30-х и до середины 50-х годов из производства было изъято около 4,5 млн га земли. Пашня под пшеницей сократилась на 30 %, под кукурузой — на 50 %, под льняным семенем — на 75 %. Прекращение аренды разрушало сложившуюся ротационную систему ведения хозяйства, что вело к истощению естественных пастбищ и сокращению производства мяса. Соответственно аргентинская доля в мировой торговле мясом упала с 45 до 19 %, пшеницы с 19 до 9 %, льняного семени с 68 до 44 % и шерсти с 12 до 10 %.

Стагнация и упадок аргентинского экспорта привели к острой нехватке иностранной валюты. С 1949 г. Аргентина вступила в полосу хронического кризиса платежного баланса. Это в свою очередь вызвало сокращение импорта и замедление процесса индустриализации. Кризис во внешней торговле и в сельском хозяйстве вел к уменьшению промышленного производства, занятости и доходов.

В 1947 г. стоимость жизни выросла на 12,2 %, в 1948 г. — на 13 %, а в 1949 г. — на 32,7 %. В 1949—1953 гг. реальная зарплата сократилась на 20 %. Если в 1946—1948 гг. уровень жизни вырос, то после 1948 г. рабочая семья должна была ограничиться необходимым, 53 % зарплаты уходило на питание, по сравнению с 47 % в благополучные годы. Однако сохранявшийся контроль за арендой и низкая квартплата обеспечивали аргентинским трудящимся наиболее выгодное положение, чем то, которое имели рабочие других латиноамериканских стран. В 1953 г. потребительская корзина, включавшая необходимые продукты питания, обходилась аргентинскому рабочему в 14 часов работы, в то время как уругвайскому — в 25 часов, бразильскому — в 40,5 часов, перуанскому — в 74 часа.

Перрон не пошел на национализацию иностранных нефтяных компаний, а работа ЯПФ ухудшилась. При правительствах радикалов ЯПФ находилась на полном самообеспечении, финансируя свое развитие из получаемых доходов, Перрон же продолжил пагубную полити-

¹ Арендаторы, выплачивающие арендную плату половиной урожая.

ку правительств «Конкордансии», изымая до половины доходов ЯПФ для покрытия дефицита в других отраслях. В итоге, несмотря на определенное увеличение добычи нефти и угля, страна не могла обеспечить себя энергоносителями.

Перон выполнил свое обещание репатриировать внешний долг, и его политика привела к значительному падению доли иностранных инвестиций в экономике страны, которые уменьшились с 2,651 млрд долл. в 1945 г. до 1,487 млрд долл. в 1953 г. Главным в этой политике стала национализация британских железных дорог. На них пришлось 59 % всего сокращения иностранных капиталовложений. Вместе с тем чрезмерная цена, заплаченная за их выкуп, — 600 млн долл., что вдвое превышало их реальную стоимость, — лишила страну средств на их модернизацию. К середине 50-х годов из 4 тыс. локомотивов замены требовали 3 тыс. Из-за недостатка подвижного состава среднегодовой пробег вагонов упал с 25 тыс. км до войны до 12 тыс. км в 1955 г. Основную часть накопленных золотовалютных резервов Аргентина истратила на выкуп у США, Англии и Франции предприятий общественного пользования и выплату внешнего долга, в результате чего они сократились с 1,7 млрд долл. в 1946 г. до 370 млн к концу 1949 г.

Существенные изменения в правительственной политике отражала новая экономическая стратегия, зафиксированная во втором пятилетнем плане. Перон понял, что проведение индустриализации за счет аграрного сектора лишь усиливало кризисные явления. Перемещением части ресурсов в развитие сельского хозяйства он надеялся увеличить экспортные поступления и решить проблему платежного баланса.

План предусматривал 50-процентное увеличение пашни в течение 5 лет и приоритет в импорте сельскохозяйственной техники и удобрений. ИАПИ стал покупать сельскохозяйственную продукцию по ценам выше мировых.

Исчерпание золотовалютных резервов поставило перонистское правительство перед дилеммой: открыть доступ в страну иностранному капиталу или продолжить процесс индустриализации собственными силами. Возобладало компромиссное решение, нашедшее отражение в законе об иностранных инвестициях 1953 г. С одной стороны, провозглашалось стимулирование иностранных капиталовложений, с другой — накладывался ряд ограничений на их отраслевое размещение, перевод прибылей, репатриацию капитала, пользование местным кредитом. Таким образом, перонисты стремились сочетать поиск внешних источников финансирования с сохранением господствующего положения национального капитала на внутреннем рынке.

Отход от экономического национализма проявился в заключении контрактов с фирмами «ФИАТ», «Мерседес-Бенц» и «Кайзер» на строительство их филиалов в Кордове. Соглашение со «Стандарт ойл» о совместной разработке нефтеносных земель в Патагонии вызвало бурю возмущения в стране и до свержения Перона так и не было ратифицировано конгрессом. Позднее военное правительство его аннулировало.

Успехи, достигнутые в результате проведения новой политики, были частичными и непродолжительными. На короткое время удалось подавить инфляцию и восстановить платежный баланс, что способствовало некоторому промышленному росту. Но это было достигнуто за счет сокращения и внутреннего потребления, и импорта. Не удалось оживить сельское хозяйство, где производство так и не превысило уровень 1950 г. Как только были сняты ограничения на импорт, платежный дефицит возник снова, и цены начали расти. Не оправдались надежды на привлечение значительных иностранных капиталовложений. Хотя ряд иностранных компаний открыли в стране свои филиалы, чистые инвестиции не превысили 50 млн долл.

Под влиянием экономических трудностей внутри профсоюзов началось брожение. Несмотря на правительственный запрет, прошла серия забастовок. Кульминацией борьбы трудящихся стала всеобщая стачка железнодорожников в январе 1951 г. за повышение зарплаты и против навязывания профсоюзам перонистского руководства. Правительство смогло подавить забастовку, лишь поставив железнодорожников под военный контроль и арестовав рабочих лидеров. Забастовочное движение пошло на убыль, но на время. В 1954 г. стачки возобновились. Мощная забастовка металлистов состоялась в мае — июне 1954 г. Вопреки противодействию профсоюзных боссов, металлисты создали объединенные фабрично-заводские комитеты из представителей рабочих-коммунистов, социалистов, перонистов. Они заставили предпринимателей и правительство пойти на уступки: повысить заработную плату и признать новое профсоюзное руководство. Перон отменил введенное в 1952 г. замораживание зарплаты. Однако ее повышение вело к росту цен и угрожало новым витком инфляции. Для обуздания инфляции правительство заморозило коммунальные и транспортные тарифы. Лишенные реинвестиций предприятия общественного пользования стали убыточными, и их финансирование легло тяжелым бременем на государственный бюджет. Прогрессирующий дефицит был вызван и увеличением численности госаппарата и госсектора, на которое правительство сознательно пошло, пытаясь предотвратить массовую безработицу.

Рабочая политика Перона не встречала понимания у промышленников. В условиях кризиса они ратовали за уменьшение зарплат с целью сокращения издержек производства. Падение жизненного уровня трудящихся, угрожавшее внутреннему рынку потребления, должно было, по мнению предпринимателей, компенсировать излишками аграрной продукции на экспорт и решением проблемы платежного баланса. Дальнейшую индустриализацию страны промышленная буржуазия видела на путях разрыва социального пакта с трудящимися. На поверхности общественной жизни это выразилось в кампании за «повышение производительности труда» — эвфемизм, за которым скрывались жалобы против падающих доходов и власти профсоюзных комиссий на предприятиях.

Перон прибегнул к испытанной тактике социального компромисса. Стараясь заручиться поддержкой промышленной буржуазии и сделать хустисиализм более приемлемым для нее, правительство выдвинуло лозунг «Богатство, прежде чем распределять, нужно создавать». Под этим лозунгом в марте 1955 г. был созван Конгресс производительности и благосостояния с целью наладить классовое сотрудничество ВКТ и ВЭК. Подписанное на конгрессе национальное соглашение по производительности предусматривало достижение большей производительности на основе сохранения существующих социальных завоеваний, что было явной уступкой профсоюзам. По настоянию предпринимателей в него включили пункт, предусматривающий заключение специальных соглашений о производительности помимо уже действующих трудовых договоров. Ни одно из таких соглашений не было подписано в оставшиеся полгода перонистского режима из-за сопротивления профсоюзных комиссий. В целом решения конгресса так и остались символической декларацией о намерениях.

Экономические трудности и социальная напряженность вызывали протестные движения в обществе. В адрес правительства зазвучала критика со стороны политической оппозиции. Чтобы заставить ее замолчать, власти широко применяли закон «о неуважении правительственного лица». Закон использовали для лишения депутатской неприкосновенности оппозиционных конгрессменов. Его жертвой стал лидер радикалов Р. Бальбин — в ноябре 1950 г. он получил 5 лет тюрьмы и провел в заключении 10 месяцев.

В Национальном конгрессе была создана Комиссия по расследованию антиаргентинской деятельности, как две капли воды походившая на Комиссию по расследованию антиамериканской деятельности в конгрессе США. В 1950 г. по ее представлению были запрещены свыше 100 оппозиционных газет и журналов. Разгрому подверглись левые и демократические организации. Тем не менее перонистское

правительство не пошло на запрет коммунистической партии, хотя соответствующий законопроект был внесен в парламент.

Наряду с репрессиями режим организовал кампанию по обработке общественного мнения в духе хустисиализма. На невиданную прежде высоту был поднят культ Перона и Эвиты. К уже имеющимся титулам Перона «первый рабочий республики» и «лидер» в 1952 г. добавили «освободитель республики», Эвита стала «духовной водительницей аргентинской нации». Перон выступил с лекциями по разъяснению своей доктрины. Эвита издала книгу «Смысл моей жизни». Хустисиализм был поднят до уровня национальной доктрины, его изучение стало обязательным в учебных заведениях. В 1951 г. правительство создало Высшую перонистскую школу.

Хустисиализм не стал объединяющим фактором аргентинского общества. Напротив, политика властей способствовала его расколу на перонистов и антиперонистов. Этот процесс охватил и вооруженные силы. Росла враждебность к Перону в ВМФ — традиционном оплоте олигархии, где собрались воспрепятствовать его переизбранию на второй президентский срок в 1951 г. Когда ВКТ предложила выдвинуть первую леди на пост вице-президента под девизом «Эвита с Пероном», военное руководство решительно выступило против, и она вынуждена была отказаться. Свой ответ, известный как «исторический отказ», Эвита заключила фразой, как нельзя более точно характеризующей ее место в истории перонизма: «Когда будут писать достойную Перона прекрасную главу в истории страны, пусть вспомнят, что рядом с Пероном была женщина, которая посвятила себя донесению до него чаяний народа; женщина, которую народ называл ласково «Эвита». Вот все, кем я хотела бы быть»¹.

28 сентября 1951 г. отставной генерал Б. Менендес поднял военный мятеж. Попытка переворота потерпела неудачу из-за отсутствия организации. Перон ответил жесткими мерами. 111 офицеров армии, ВВС и ВМФ были осуждены. Менендес получил 15 лет тюрьмы. При продвижении по службе были введены тесты на лояльность. Военным министром назначили преданного Перону генерала Ф. Лусеро. Правительство объявило состояние внутренней войны, что позволило властям отменять конституционные гарантии. Перон усилил власть МВД, которому была передана новая служба безопасности и переподчинена национальная жандармерия. Чистка охватила весь госаппарат. Отныне на государственной службе могли находиться лишь члены перонистской партии.

¹ *Peron E. Discursos, testamento. Buenos Aires, 1974. P. 59.*

В такой обстановке 11 ноября 1951 г. состоялись президентские и парламентские выборы. Формально в выборах помимо перонистской партии приняли участие радикальная, демократическая (консервативная), прогрессивно-демократическая, социалистическая и коммунистическая партии. Но все оппозиционные партии не могли объединяться в блоки, они были лишены доступа на радио, их печать и пропаганда преследовались. Победу одержала перонистская партия, получившая все места в сенате и 135 мест из 149 в палате депутатов. 14 депутатских мест получили радикалы. Перон был переизбран на второй президентский срок 64 % голосов.

Ударом для Перона в личном плане и для его связей с массами стала смерть Эвиты в июле 1952 г. в возрасте 33 лет. Уход Эвиты вызвал изменения внутри перонистского руководства. Никто не заменил ее во главе женской перонистской партии и «Фонда Эвы Перон». Перон постарался использовать смерть жены и соратницы для демонстрации единства и поддержки режима народными массами, для которых «принцесса бедняков» была символом социальной справедливости. После кончины Эвита предстала в новом качестве — заступницы за трудовые массы перед Богом. ВКТ обратилась к папе Пию XII с просьбой канонизировать Эвиту как святую, однако получила отказ¹.

Из всех институтов гражданского общества только церковь избежала «перонизации», находясь вне «организованного общества». Перонисты соблюдали привилегии католической церкви, в частности обязательное религиозное обучение в государственных школах, введенное после военного переворота 1943 г. Конституция 1949 г. сохранила особый статус Римско-католической церкви как господствующей. Правительство предоставляло ежегодные субсидии католическим институтам. В свою очередь церковная иерархия поддерживала Перона или, по крайней мере, воздерживалась от его открытой критики. Отношения испортились, когда режим стал вторгаться в сферы традиционной деятельности церкви. Ее отказ канонизировать Эвиту не был случайностью. Церковь не могла принять перонизма как новое «учение», считать его приверженцев «верующими», а Перона «апостолом».

Хустисиалистское государство, создав свои массовые организации и гражданскую перонистскую религию, подорвало духовную мо-

¹ До 1955 г. останки Эвиты хранились как священная реликвия в часовне центрального здания ВКТ. В 1956 г. они были похищены военными, перевезены ими через два континента и тайно захоронены под именем другой женщины. В 1971 г. их возвратили Перону, а после его смерти снова перезахоронили.

нополю аргентинской католической церкви, что вызвало ее контрреакцию, поддержанную Ватиканом. В 1954 г. была образована христианско-демократическая партия и католические круги перешли в наступление для завоевания профсоюзных и женских перонистских организаций.

Открытый конфликт церкви с режимом начался в Кордове — центре католицизма. В конце 1954 г. здесь произошли антиправительственные выступления. Вскоре к католикам присоединились все оппозиционные перонизму силы. В ряде провинций, охваченных волнениями, католическая церковь отказывалась повиноваться властям. В ряде случаев выступления вылились в столкновения католиков с полицией и войсками.

Перон не замедлил ответить на вызов. Были закрыты католические газеты, отменено религиозное обучение, прекращено субсидирование церковных школ. Конгресс принял закон о разводе, была легализована проституция. Политическим партиям запретили проводить уличные мероприятия. В мае 1955 г. было принято решение о конституционной реформе с целью отделения церкви от государства.

Растущее противоборство выплеснулось на улицы Буэнос-Айреса, когда 11 июня 1955 г. ежегодная церковная процессия собрала 100 тыс. участников и, несмотря на запрет властей, с папским флагом прошла по городу. На следующий день перонисты напали на кафедральный собор. 13 июня в выступлении по радио Перон осудил клир и распорядился о высылке из страны двух архиепископов. За эти действия 16 июня папа Пий XII отлучил Перона от церкви.

В атмосфере растущей политической напряженности активизировались оппозиционные режиму группы военных. Наибольшей поддержкой Перон пользовался в армии, наименьшей — на флоте. Такая расстановка внутри вооруженных сил выявилась во время событий 16 июня 1955 г. В этот день ВКТ организовала на Майской площади митинг в поддержку Перона. Собравшихся на площади с воздуха атаковали самолеты морской авиации, в результате чего сотни людей погибли. Предполагалось, что воздушная атака послужит сигналом к всеобщему восстанию. Однако воинские части остались верны правительству. Отсутствие поддержки со стороны армии обрекло путч на поражение, который был быстро подавлен военным министром Лусеро.

После 16 июня Перон, зависимый от армии, по требованию ее руководства пошел на примирение с оппозицией. 29 июня президент отменил введенное сразу после путча осадное положение и освободил многих арестованных. Правительство ушло в отставку, а вновь назначенные министры не были связаны с антиклерикальной кампанией.

Оппозиция получила доступ на радио. 15 июля Перон объявил о завершении перонистской революции и заявил, что отныне он президент всех аргентинцев.

Политика примирения Перона преследовала цели заручиться поддержкой умеренных элементов ГРС и других оппозиционных партий и изолировать тех, кто хотел его свержения. Оппозиция потребовала отмены репрессивного законодательства и использовала доступ на СМИ для критики президента. Перон, усмотрев в этом нежелательные для себя последствия, возобновил политику конфронтации.

Восстановление осадного положения сопровождалось арестами антиперонистов и введением жесткой цензуры. Демонстрируя оппозиции, что режим по-прежнему пользуется полной поддержкой профсоюзов, Перон пошел на политический маневр. 31 августа было обнаружено его письмо-обращение к ВКТ и перонистской партии об отставке. После ее отклонения он призвал к подавлению противников перонизма, провозгласив «за каждого нашего пятеро их». Руководство ВКТ предложило правительству вооружить рабочих, сформировав из них милицию. Эта мера явилась бы серьезным противовесом армии. Устами военного министра Лусеро предложение ВКТ решительно отвергли. В вооруженных силах к этому времени созрел новый заговор.

16 сентября 1955 г. против Перона выступили армейские части в Кордове во главе с генералом Э. Лонарди и военно-морской флот под командованием адмирала И. Рохаса. 21 сентября Перон передал власть военной хунте и покинул страну. Временным президентом стал Э. Лонарди.

Перонистское правительство не оказало сопротивления мятежникам, хотя имело для этого достаточно сил, так как большинство армии осталось верной режиму. Уже находясь в эмиграции, Перон признал, что имел полную возможность победить. Свою отставку он объяснил тем, что «боялся кровавой бани наподобие гражданской войны в Испании»¹. Позиция Перона вытекала из всей его предшествующей политики. Решительная борьба против путчистов привела бы к дальнейшей поляризации классовых сил в стране, к активизации борьбы рабочего класса, что противоречило всей политике и целям перонизма.

¹ *Peron J.D.* La fuerza es el derecho de las bestias. P. 87.

ГЛАВА IV

БОРЬБА ВОКРУГ ВЫБОРА ПУТИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ. ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ — КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ 1955—1983

«Освободительная революция»

Военный переворот 1955 г., названный его организаторами «освободительной революцией», положил конец хустисиалистскому государству. К власти пришел блок крупной промышленной буржуазии, аграрной олигархии и иностранного капитала. Военные правительства генералов Э. Лонарди (сентябрь — ноябрь 1955 г.) и П.Э. Арамбуру (ноябрь 1955 г. — февраль 1958 г.) взяли курс на полную «деперонизацию», отменив действие Конституции 1949 г. Перонистская партия была распущена, ВКТ поставлена под военный контроль. Сотни профсоюзных активистов подверглись арестам, десятки тысяч — увольнениям без права занимать в будущем руководящие посты. Аналогичные гонения и запреты распространялись на перонистских конгрессменов и на всех тех, кто пришел на государственную службу после 1946 г. Исчезли хустисиалистские лозунги, Перона именовали не иначе как «беглый тиран».

В основу экономической политики был положен план Пребиша, выдержанный в откровенно либеральном духе: отмена внешнеторговой монополии и ликвидация ИАПИ; денационализация части государственных предприятий; девальвация песо; сокращение государственных расходов за счет ликвидации субсидий и контроля над ценами; восстановление свободы банковской деятельности; отмена множественности валютных курсов и налогов на экспорт, замораживание зарплат.

После «искоренения перонизма» военные предполагали передать власть гражданскому правительству, рассчитывая на победу радикальной партии во главе с Р. Бальбином. Однако этим планам не суждено было сбыться. Перонизм не был разгромлен.

Что же произошло с перонистским движением? После запрещения перонистской партии и изгнания ее кадров из всех звеньев госу-

дарственного аппарата партия перестала существовать как политическая организация. Этому способствовали отсутствие внутрипартийной демократии, а также дух пассивной поддержки лидера, в котором были воспитаны перонистские массы. Базой перонизма стали профсоюзы. Отмена социальных завоеваний вызвала сопротивление трудящихся, усилила их симпатии к Перону, в котором рабочие видели своего заступника. Хотя в 1957 г. удалось создать неперонистское объединение «32-х профсоюзов», большая часть организаций в это же время вошла в перонистское объединение «62-х профсоюзов».

В период «деперонизации» трудящиеся оказывали сопротивление политике военного правительства. В стране прошла серия забастовок, в том числе всеобщих, в которых приняли участие в общей сложности свыше 4 млн рабочих. Они требовали улучшения своего экономического положения, прекращения роста дороговизны, свободы профсоюзной деятельности, амнистии политзаключенным и демократизации режима.

Перон, находясь в Панаме, а затем в Венесуэле и Доминиканской республике, создал «Национальное перонистское командование», действовавшее в Аргентине. Он стремился организовать борьбу против своих политических противников. В июле 1956 г. сторонники Перона предприняли попытку захвата власти. Произошло восстание армейских частей под командованием генералов Де Валье и Талко под лозунгом возвращения Перона. Мятеж был подавлен. Де Валье и ряд офицеров расстреляли. После подавления выступления была проведена «деперонизация» армии.

В июле 1957 г. военное правительство с целью восстановить гражданское правление провело выборы в Учредительное собрание для принятия новой конституции. Для перонизма выборы явились проверкой степени его влияния в новых условиях. Перон выдвинул лозунг голосования незаполненными бюллетенями в знак «гражданского неповиновения» пересмотру хустисиалистской Конституции 1949 г. Из 8,706 млн избирателей 24,3 % проголосовали незаполненными бюллетенями. Социальный состав перонистских избирателей почти не изменился — прежде всего это были трудящиеся, затем мелкая буржуазия и часть буржуазии внутренних районов. Таким образом, перонисты собрали меньше голосов, чем при правлении Перона, но больше, чем любая другая партия. Перонизм сохранил значительное влияние на избирателей. Он продолжал существовать как пестрое социальное движение и как «контрольный» пакет голосов на выборах.

К этому времени радикальная партия уже раскололась на ГРС народа во главе с Р. Бальбином и ГРС непримиримых во главе с А. Фрондиси. Раскол был вызван отношением к перонизму. ГРС не-

примиримых взял курс на сближение с перонистами после выборов 1957 г., показавших, что без перонистских голосов нельзя получить большинство мест в правительстве. Поставив под вопрос легитимность Учредительного собрания без перонистов, его делегаты покинули заседание.

После того как собрание высказалось за сохранение Конституции 1853 г. с добавлением в статью 14 параграфа о социальных правах и перешло к рассмотрению поправок, касающихся аграрной реформы, депутаты от блока консервативных партий последовали примеру ГРС непримиримых, оставив Учредительное собрание без кворума. Учредительное собрание распустили, всеобщие выборы назначили на февраль 1958 г.

Правление ГРС непримиримых

В обстановке глубокого недовольства социально-экономической политикой военного правительства, обострившей положение не только рабочего класса, но также мелкой и средней буржуазии, победу на выборах одержал ГРС непримиримых. В его предвыборной программе содержались обещания: вывести страну из экономического и политического кризиса, проводить независимую внешнюю политику, осуществить демократизацию общественной жизни страны. Предусматривались также национализация природных богатств, аграрная реформа, защита экономики страны от проникновения иностранных монополий.

«Непримиримые» провели широкую кампанию по подготовке к выборам. Главную пропагандистскую работу осуществил журнал «Ке», возглавляемый известным аргентинским экономистом Р. Фрихерио. На страницах журнала руководители непримиримых радикалов «разоблачали экономическую политику олигархии», «агрессивность североамериканских монополий», убеждали в необходимости проведения независимой внешней политики.

Излагая избирательную программу своей партии, А. Фрондиси подчеркивал, что Аргентина должна придерживаться политики неучастия в военно-политических блоках, защищать принципы суверенитета и невмешательства во внутренние дела других стран, развивать взаимовыгодные отношения со всеми без исключения странами мира. Фрондиси обещал, что его правительство разрушит традиционные связи, превратившие Аргентину в придаток империалистических стран, и заверил, что будет укреплять и защищать государственную нефтяную компанию ЯПФ, как это делал президент И. Иригойен, так

как она является основой независимости родины, гарантией ее прогресса и свободы.

Программа ГРС непримиримых нашла широкую поддержку, о чем свидетельствовала убедительная победа Фрондиси на президентских выборах. Он набрал свыше 4 млн голосов. Его соперник Р. Бальбин, кандидат ГРС народа, получил более 2 млн голосов. За кандидата консервативных сил христианского демократа Л. Альсогарай голосовали 272 тыс. избирателей. Непримиримые радикалы победили благодаря перонистам. Перонистское руководство поддержало кандидатуру Фрондиси ради обещанной легализации движения.

В первые месяцы пребывания у власти правительство Фрондиси осуществило ряд важных мероприятий как во внутренней, так и во внешней политике. Были одобрены законы об амнистии; отменены антиперонистские декреты военного правительства; снят контроль над профсоюзами; издан закон о профсоюзных объединениях, который восстанавливал единую структуру ВКТ; увеличена зарплата рабочих на 60 % и заморожены цены. В 1958 г. Аргентина заключила экономические соглашения с Румынией, Болгарией, ГДР, СССР. Советско-аргентинское соглашение предусматривало поставки для ЯПФ нефтяного оборудования. Для финансирования поставок СССР предоставил Аргентине долгосрочный кредит в 100 млн долл. на выгодных условиях. Кредит должен был погашаться аргентинскими сельскохозяйственными товарами в течение 10 лет, что позволяло сберечь валюту, необходимую для развития национальной промышленности.

Правительство Фрондиси легализовало перонистское движение лишь в той мере, в какой это могло служить ГРС в его политической борьбе. Когда перонистские лидеры обратились в судебные органы за официальным признанием движения в национальном и провинциальном масштабе и получило его в ряде провинций, власти добились отмены этого решения. Руководители непримиримых радикалов не желали полной легализации перонизма.

Фрондиси стремился к созданию нового национального движения на массовой перонистской основе с программой «развития и национальной интеграции», призванного заполнить идеологический вакуум, образовавшийся после падения хустисиалистского режима. Идеологической основой нового движения должен был стать «десарольизм». «Десарольисты» считали, что корень всех проблем Аргентины в нехватке капиталов. Развитие страны они связывали с иностранным капиталом и интеграцией всех классов в единое движение, в котором классовые, политические и идеологические различия уступили бы место общенациональным интересам.

Новая идеологическая ориентация привела к крутому изменению правительственного курса во внутренней и внешней политике. Для получения займов МВФ правительство принимает план «Стабилизации и развития», включавший такие меры, как девальвация песо, денационализация государственных предприятий, поощрение иностранных инвестиций, социальное регулирование за счет трудящихся. Аргентина пошла на расширение экономических, политических и военных связей с США. Между США и Аргентиной было заключено соглашение о гарантиях для американских капиталовложений, в то время как со странами Европы такие соглашения отсутствовали. В ходе своего визита в США в январе — феврале 1959 г. (первого официального визита президента Аргентины в США за всю историю существования республики) Фрондиси окончательно отмежевался от антиимпериалистических принципов и внешнеполитических концепций, изложенных в предвыборной программе 1958 г. Он подчеркнул, что судьба Аргентины теперь связана с США и другими республиками Западного полушария. Аргентина никогда уже не вернется к изоляционизму, которым отличалась международная политика страны во время двух мировых войн, ни к нейтралистской «третьей позиции», проводимой режимом Перона. В 1960 г. аргентинское правительство в одностороннем порядке денонсировало торговые и платежные соглашения, заключенные с Болгарией, Румынией, ГДР. Ссылаясь на то, что советское нефтяное оборудование незнакомо аргентинским специалистам, руководители ЯПФ отказались от дальнейших закупок оборудования и от предоставленного СССР кредита.

Политика «десарольизма» отвечала интересам крупной буржуазии, которая признавала необходимость ускоренного промышленного развития, но не желала коренных изменений в социально-экономической структуре и видела в широком привлечении иностранных частных инвестиций и получении кредитов гарантию успешного разрешения наиболее острых проблем. При таком подходе буржуазия опасалась проведения антиимпериалистической и антиолигархической революции, как это произошло на Кубе.

Фрондиси, являясь идейным противником правительства Ф. Кастро, выступал за более гибкие методы в проведении антикубинской политики, чем США. Предпринимая конкретные меры, Аргентина в марте 1961 г. направила ноты правительствам США и Кубы с предложением «дружеских услуг в поисках формулы, которая могла бы помочь в деле смягчения напряженности, возникшей вследствие ухудшения отношений между Кубой и США». В ответном послании правительство Кубы заявило, что «к сожалению, бесполезно предпринимать какие-либо действия, так как правительство США отказывается

вести двусторонние переговоры»¹. США в своей ноте Аргентине потребовали отказа Кубы от сотрудничества с СССР в качестве условия переговоров. Только в этом случае правительство США соглашалось с тем, чтобы «Куба снова заняла свое историческое место в панамериканской семье».

В августе 1961 г. правительство Фрондиси попыталось использовать пребывание министра экономики Кубы Э. Че Гевары на чрезвычайной сессии Межамериканского экономического и социального совета ОАГ в Пунта-дель Эсте (Уругвай). После закрытия совещания Че Гевара по личному приглашению Фрондиси прилетел в Буэнос-Айрес. Во время полуторачасовой беседы Фрондиси настаивал на разрыве отношений Кубы с СССР, а также на восстановлении сотрудничества с США. Усилия аргентинского президента не имели успеха.

Позиция Фрондиси была сформулирована в письмах к президентам США и Колумбии, направленных в начале января 1962 г. В послании Дж. Кеннеди президент Аргентины заявлял, что является противником «режима», находящегося у власти на Кубе, и не разделяет его идеологию. В то же время Аргентина выступала против «военного вмешательства» и не одобряла «разрыва дипломатических и торговых отношений» с этой страной. Эта «мера вместо того, чтобы ослабить правительство Кастро, наоборот, укрепит его внутренний фронт» и вызовет подъем национально-освободительного движения в Латинской Америке. Фрондиси также выражал опасение, что коллективные санкции приведут к объединению левых сил. Подобные аргументы содержались и в письме к А. Камарго.

На VIII консультативном совещании министров иностранных дел стран-членов ОАГ в Пунта-дель Эсте 22—30 января 1962 г. при голосовании резолюции об исключении Республики Куба из межамериканской системы Аргентина наряду с Бразилией, Чили, Мексикой, Эквадором и Боливией воздержалась. Однако под давлением консервативных кругов, прежде всего командования вооруженных сил, 8 февраля 1962 г. дипломатические и торговые отношения Аргентины с Кубой были прерваны.

Внутриполитический курс правительства Фрондиси привел к резкому обострению политической борьбы в стране. Реализация плана «Стабилизации и развития» положило конец сближению с перонистами, «национальная интеграция» ушла с повестки дня. Страну захлестнула волна стачек.

¹ Documentos. Revista de información política. № 4. Caracas. Enero-marzo 1961. P. 181.

Внутри перонистского движения усиливались процессы дезинтеграции. В то время как в перонистских профсоюзах наметился поворот влево, буржуазное крыло стремилось к превращению движения перонизма в оппозиционную партию, поддерживая лозунг «Перонизм без Перона». Ортодоксальное руководство перонизма — Руководящий координационный совет во главе с Пероном и идущее за ним руководство «62-х профсоюзов» — следовало центристской политике «маятника», лавируя между различными течениями, формально поддерживая левый курс, но на деле выступая против тех, кто мог бы его возглавить.

Военные предпочитали оставаться за спиной правительства, лишь контролируя политику последнего. В стране сложилось своеобразное двоевластие — формальная власть гражданского правительства и реальная власть вооруженных сил.

С целью укрепить свои позиции, Фрондиси разрешил перонистским кандидатам участвовать в выборах в марте 1962 г. Он надеялся, что его партия получит голоса, ранее отдаваемые перонистам. Но на мартовских выборах перонисты победили в 10 из 14 провинциях, включая Буэнос-Айрес.

Вооруженные силы потребовали аннулировать результаты выборов. Фрондиси отказался это сделать и был смещен. В официальном сообщении командующих вооруженными силами о свержении правительства Фрондиси говорилось, что оно было отстранено от власти, так как не «располагало реальными возможностями для поддержания общественного порядка в стране», а также оказалось «неспособным» помешать социальным волнениям.

Временным президентом назначили председателя сената Х.М. Гидо. В стране было введено осадное положение, отменены конституционные свободы, запрещена деятельность перонистской и коммунистической партий. Ультраправое крыло в вооруженных силах — «коло-радос» — требовало установления открытой военной диктатуры до тех пор, «пока страна не излечится от перонизма», более умеренные — «асулес» — выступали за проведение выборов, но с запретом перонистам выдвигать собственных кандидатов. Разногласия в вооруженных силах вылились в открытые вооруженные столкновения противоборствующих сил на улицах Буэнос-Айреса в августе 1962 г. и апреле 1963 г. Победу одержали «асулес», чей лидер, генерал Х.К. Онгания, стал главнокомандующим армии.

Состоявшиеся в июле 1963 г. президентские выборы принесли победу А. Ильиа — кандидату ГРС народа, ставшему после потери влияния ГРС непримиримых основной партией аргентинских радикалов.

Президентство А. Илья

Политика правительства Илья была результатом компромисса между различными группировками внутри партии народных радикалов. Илья, возглавлявший левоцентристские круги в партии, и его окружение взяли на вооружение идеи эволюционного развития аргентинского общества на основе демократии и экономического прогресса и смягчения социальных противоречий с помощью умеренных реформ. Они призывали к сотрудничеству и гармонии классов во имя благосостояния и процветания нации. Претендуя на роль национального арбитра и умиротворителя, правительство Илья пыталось быть посредником между левыми и консервативными силами. Это объективно отражало его состав — в него входили как представители национальной буржуазии, так и консервативно настроенные деятели. Правительство находилось под сильным давлением «параллельной власти», которая действовала через правое крыло в самом ГРС народа.

Несмотря на существующие трудности, правительству Илья удалось пробить «демократическую брешь» в стране: провести ряд реформ во внутренней и внешней политике. Большой резонанс в Западном полушарии вызвало решение Илья аннулировать контракты с иностранными, главным образом американскими, нефтяными компаниями. В ноябре 1963 г. были аннулированы 13 контрактов, подписанных правительством Фрондиси и Гидо с иностранными компаниями. Все права на добычу и разведку нефти передавались ЯПФ. Правительство Илья не признавало соглашения о гарантиях американских капиталовложений. Безрезультатно закончились в Буэнос-Айресе переговоры с МВФ. Последний не согласился финансировать план развития страны, так как Аргентина отклонила его условия, как ущемляющие суверенитет страны. Интервенция США в Доминиканскую республику и Вьетнам не была поддержана аргентинским руководством.

Начался процесс демократизации страны. Было отменено чрезвычайное положение и проведена амнистия. Потеряли силу антидемократические декреты-законы, запрещавшие деятельность коммунистической партии и распространение марксизма. Илья подписал закон о разрешении деятельности коммунистической и перонистской партий.

Проведению всех этих мер во многом способствовал размах рабочего и демократического движения в стране. Состоявшийся в начале 1963 г. конгресс ВКТ восстановил в Декларации принципов классовые позиции, отмененные в 1950 г., и одобрил «План борьбы» и «Программу экономических и социально-политических требований».

Эти документы предусматривали реформу конституции с ограничением прав частной собственности и расширением госсектора; национализацию естественных богатств и ключевых отраслей; планирование; аграрную реформу; отмену привилегий для иностранного капитала и справедливое распределение национального дохода.

В 1963—1964 гг. в ходе реализации «Плана борьбы» ВКТ 4 млн трудящихся заняли 14 тыс. предприятий. Акция носила мирный характер. Правительство не прибегло к насилию, несмотря на требования правых сил ввести осадное положение и принять репрессивные меры против забастовщиков.

Захват предприятий проходил под лозунгом «За возвращение Перона!» В стране отмечалось растущее полевание движения, рост классовой борьбы. Возглавив это движение, перонистское руководство делало все, чтобы затормозить его, направить в русло «национального примирения». Перон рассматривал хустисиализм как единственную силу, способную его поддержать. Однако назначенная на конец 1964 г. «операция возвращения» закончилась неудачей. Самолет, на котором Перон и сопровождавшие его лица направлялись из Мадрида в Аргентину, задержали в Бразилии и отправили обратно в Испанию.

Правые силы не желали примирения с Пероном. Они ставили ему в вину конституционную реформу, навязывание перонистской доктрины как новой религии, создание единого профсоюзного центра, использование в политических целях лозунга социальной справедливости, попытку создания рабочей милиции.

Профсоюзы продолжали оставаться в центре социально-политической жизни страны. Очередной конгресс ВКТ в январе 1965 г. принял новый «План борьбы», который расширял требования трудящихся. 7 июня 1966 г. после ряда крупных забастовок состоялась всеобщая забастовка, поддержанная студенческим движением.

11 июня командующий сухопутными силами генерал П. Пистарини потребовал «государственного вмешательства для того, чтобы положить конец марксистской инфильтрации». 16 июня военное руководство предъявило Ильиа меморандум ультимативного характера: ввести осадное положение и применить репрессии в отношении рабочего движения, запретить перонистам участвовать в выборах, изменить внешнеполитический курс. Правительство обвинили в том, что оно действует слишком медленно и неэффективно в деле урегулирования серьезных политических проблем, стоящих перед страной.

В ночь с 27 на 28 июня 1966 г., в ответ на решение президента об отставке генерала Пистарини, вооруженные силы подняли мятеж и отстранили Илья от власти.

Режим «аргентинской революции»

Пришедшие к власти военные назвали государственный переворот «аргентинской революцией», образовали временную революционную хунту, которая назначила президентом страны генерала Х.К. Онгания.

События 28 июня 1966 г. отличались от предшествовавших военных переворотов 1955—1963 гг., хотя и явились их логическим развитием. На сей раз речь шла не только о свержении конкретного правительства, но и о ликвидации существующего конституционного строя с его традиционной системой политических партий как не соответствующих характеру и целям аргентинской нации. Намерениями авторов «революции» 28 июня были активное вмешательство во все сферы жизни страны с целью подавления классовой борьбы и демократических движений и создание более эффективного режима с авторитарными и корпоративистскими тенденциями. Традиционные общественные организации (партии, профсоюзы) предполагалось заменить новыми, непосредственно подконтрольными государственному аппарату.

Руководители военного режима позаботились и о создании идеологической основы, способной привлечь на свою сторону различные группировки и слои населения и оправдать подавление и искоренение «чуждых» аргентинской нации идей, прежде всего марксизма. Отнюдь не новые для Аргентины явления — правый национализм, антикоммунизм, консервативный клерикализм, идеи «интеграции классов», «единства нации» при намечавшихся перестройке политической системы и модернизации экономики — преподносились как подлинная «революция», «преобразование» традиционных структур, «обновление» всей страны, которые приведут Аргентину к «величию» и «процветанию».

«Аргентинская революция» заимствовала отдельные элементы у голлизма (проповедь неокapитализма, идея величия), испанского фашизма (корпоративистские тенденции, ориентация на правокатолические круги и их концепции), бразильской диктатуры (тезисы о модернизации экономики, контроль военных над социальной и политической жизнью). В идеологическом арсенале режима нашлось место и перонизму, в частности идеям интеграции классов в «единую» нацию

и патерналистской надклассовой роли государства, а также аргентинскому национализму периода военного переворота 1930 г. и диктатуры Урибуру. В экономических теориях просматривались идеи десервильизма в его консервативном варианте.

Большое место сторонники военного режима отводили обоснованию приоритета «надклассовых», «общенациональных» интересов, которые этот режим якобы выражал, необходимости подавления классовой борьбы. Они призывали положить конец «напрасной трате сил различных социальных групп в бесплодных столкновениях, помешать интересам отдельных групп, каковы бы ни были эти группы, брать верх над общими нуждами», покончить с расколом нации на классы и партии, объединить народ в рамках нации, т. е. сплотить его воедино под эгидой «революции» 28 июня. Классовая борьба определялась как «бесплодные столкновения», ослабляющие нацию, чуждые ей. Борьба против «давлений, причиняющих вред главным устоям нации», тесно связывалась с задачей обеспечения национальной безопасности. Эти обоснования легли в основу теории «внутреннего фронта», оправдывающей борьбу против противников режима внутри страны.

Намерение «изменить отжившую структуру» военные начали с реорганизации политической надстройки. На смену конституционному правлению пришел «революционный режим», деятельность которого определялась «Статутом аргентинской революции», заменившим конституцию республики. «Статут» санкционировал почти полную ликвидацию институтов представительной демократии: распущался Национальный конгресс, провинциальные законодательные собрания, запрещалась деятельность всех политических партий. Президент наделялся огромными полномочиями, в том числе и законодательными правами, которые раньше являлись прерогативой конгресса. Была ликвидирована университетская автономия и уволены преподаватели, известные своими демократическими взглядами. Закон о защите от коммунизма, принятый в 1967 г., позволял администрации государственных учреждений увольнять служащих за связь с коммунистами. Закон о национальной обороне, разработанный на основе концепции «внутреннего фронта», разрешал в мирное время применять чрезвычайные и репрессивные меры, характерные для осадного положения.

При проведении внешнеполитического курса режим опирался на концепции «идеологических границ» и «защиты континента». Это определило тесные отношения с США и диктаторскими режимами в Латинской Америке, полную поддержку внешней политики США, включая интервенцию во Вьетнам и борьбу против Кубы, подавление революционного движения на латиноамериканском континенте. Однако

военные не пошли на прекращение торговли с социалистическими странами, расширяли связи с Западной Европой. Аргентина заключила торговое соглашение с ЕЭС. Используя в своих интересах американо-европейские противоречия, военные выдвинули план Европы, который предусматривал закупку для армии вооружения и военного оборудования в европейских странах и развитие собственной военной промышленности.

Утверждение авторитарного режима сопровождалось капиталистической модернизацией. Ускоренное промышленное развитие преследовало цель сократить разрыв между Аргентиной и развитыми капиталистическими странами. Подобная политика в качестве альтернативы социальной революции должна была ликвидировать почву для последней и в то же время сохранить устои общественного строя. Кроме того, за этими планами скрывались честолюбивые устремления господствующих классов обеспечить себе привилегированные позиции в Южной Америке.

Военные руководители полагали, что консолидация экономической и политической жизни страны под их прямым контролем, подавление классовой борьбы и ликвидация ряда социальных завоеваний трудящихся, включение организаций в систему диктатуры позволят осуществить курс на жесткую интенсификацию производства и обеспечить накопление значительных капиталов. Экономическая политика, ориентированная на тесное сотрудничество с США, Западной Европой, Японией, выразилась в поощрении иностранных капиталовложений и покровительстве крупному частному капиталу. Правительство поставило целью принять меры к расширению деятельности частного сектора, с тем чтобы сэкономить средства общественного сектора. Иностранному капиталу предоставили всевозможные гарантии и льготы. В руки иностранных компаний переходили предприятия в ведущих отраслях экономики. Местному крупному капиталу передавали ряд государственных предприятий.

Под предлогом «модернизации» национальной промышленности, повышения ее конкурентоспособности были вдвое сокращены таможенные пошлины на иностранные товары, что поставило на грань катастрофы многие местные предприятия, ухудшило положение широких слоев средних и мелких предпринимателей.

Во имя идеи «национального процветания» правительство призвало население к строгой экономии и жертвам. Проводилось сокращение внутреннего потребления ради максимального расширения экспорта для обеспечения притока капитала. Экономическая политика правительства Онгания — экспортировать все, что можно, а потреблять оставшееся — соответствовала рекомендациям МВФ.

Военное правительство последовательно наступало на права трудящихся. Принятый в августе 1966 г. закон об обязательном арбитраже в трудовых конфликтах фактически отменил право на проведение забастовок. Специальный закон упразднил минимум и подвижную шкалу заработной платы. Были отменены коллективные договоры, ограничивавшие произвол хозяев, изменен закон об увольнении и на 5 лет увеличен пенсионный возраст. Правительство Онгания активно вмешивалось в дела профсоюзов, добиваясь превращения ВКТ в придаток режима.

В провинциях была введена система «зонального» снижения заработной платы, т. е. сокращение в соответствии с коэффициентами, установленными правительством. Особенно тяжелые последствия эта система вызвала в провинции Кордова, главном центре автомобильной промышленности, контролируемой иностранными компаниями, а также в г. Росарио, втором по величине промышленном центре Аргентины.

Аграрная политика правительства игнорировала интересы чакарос. Новый закон об аренде угрожал сгоном с земли тысячам арендаторов, не имеющих средств выкупить обрабатываемые ими участки.

Чрезвычайные меры 1966—1967 гг., привлечение иностранных капиталов, жесткая рационализация труда поначалу дали некоторый экономический эффект. На время стабилизировалось аргентинское песо. Возросла сумма банковских вкладов, предоставление кредитов стимулировало спрос со стороны потребителей. Замораживание заработной платы, увольнение большого числа государственных служащих помогли сократить бюджетный дефицит. В 1968 г. правительству удалось несколько замедлить рост стоимости жизни.

Именно в этот период начали говорить об «аргентинском феномене». Аргентинский опыт рекомендовался другим латиноамериканским странам. Военных поднимали на щит как единственную силу, способную установить «равновесие и порядок» в странах Латинской Америки. МВФ разработал программу «экономической стабилизации» Аргентины и выдал 194 млн долл. на ее выполнение. Впервые за 30 лет Аргентине удалось продать банкам США и ФРГ облигации на 50 млн долл. С финансово-экономической точки зрения расчеты Онгания были верными и принесли определенные частичные успехи. Трудящиеся дорого заплатили за них.

Ожидавшегося наплыва американских и европейских капиталов не произошло. За два года после переворота долгосрочные вклады частного иностранного капитала составили примерно 30 млн долл. За это же время из Аргентины вывезли 420 млн долл. в виде прибыли всякого рода. Сокращалась внешняя торговля. Уменьшился экспорт

мяса, пшеницы, кукурузы — важнейших источников аргентинского благосостояния.

Доходность отдельных групп предприятий (главным образом иностранных), которые увеличили выпуск продукции, была достигнута за счет замораживания заработной платы и массовых увольнений рабочих. Автомобильная промышленность Кордовы работала на 50 % мощности. В ходе «промышленного бума», который наблюдался в провинции, 54 тыс. человек лишились работы.

Закон о реорганизации административного аппарата вызвал массовые увольнения, в частности, рабочих и служащих коммунального хозяйства и ряда отраслей промышленности. «Реорганизация» сахарного производства в провинции Тукуман привела к увольнению 80 тыс. рабочих. Подобная ситуация складывалась и на железных дорогах. В целом по стране в 1968 г., по официальным правительственным данным, насчитывалось 700 тыс. полностью безработных. По данным ВКТ, общая численность полностью и частично безработных достигла 1,5 млн человек из 9 млн самодеятельного населения республики.

После переворота, несмотря на роспуск политических партий, большинство из них продолжали действовать нелегально или в полуправильной форме. В апреле 1967 г. ГРС народа выступил с заявлением, в котором говорилось о попытке режима создать в Аргентине систему, подрывающую республиканские устои, игнорирующую представительное правление, посягающую на федерализм и национальную независимость страны. Правительство Онгания характеризовалось как тоталитарное и реакционное. Национальный комитет партии выступил за единство действий с другими политическими силами и предложил «диалог со всеми слоями общественности».

ГРС непримиримых во главе с Фрондиси поддержал военный переворот. Спустя два года он изменил свое отношение и потребовал, чтобы «революция» сменила свой курс. Фрондиси критиковал правительство Онгания за излишнюю, по его мнению, милитаризацию страны. Кроме того, он обвинил военный режим в проведении чисто монетаристской политики вместо политики стимулирования производительных капиталовложений. Снижение таможенных тарифов, по заявлению Фрондиси, раскрывало двери перед иностранной конкуренцией, делая местную промышленность беззащитной перед иностранными предприятиями.

Заявление бывшего президента нашло отклик среди предпринимателей. Процесс денационализации аргентинской промышленности вызвал растущее недовольство национальной буржуазии. Выражая мнение последней, президент ВЭК Х. Хельбард обратился к прави-

тельству с требованием положить конец проникновению иностранных монополий в аргентинскую экономику.

С осуждением переворота и нового политического курса выступила возникшая на рубеже 60-х годов социал-демократическая партия. Аналогичную позицию заняла социалистическая партия. Христианско-демократическая и консервативная партии также находились в оппозиции к режиму. Консерваторы выражали озабоченность сложной ситуацией в стране и были готовы создать политическую силу, основывающуюся на принципах национальной конституции. Демохристиане обращали внимание на тяжелое положение национальной экономики, низкий уровень жизни, подчеркивая, что правительство допускает рост иностранного влияния в основных отраслях экономики. Внешнюю политику военных они расценивали как политику сателлита.

Позиция демохристиан отражала процессы, происходившие в аргентинской церкви. Архиепископ Буэнос-Айреса кардинал Каджано и церковная иерархия с самого начала поддерживали военный переворот. Часть священнослужителей — «Движение священников третьего мира» («Мовимьенто терсермундиста») во главе с епископом Х. Подеста не разделяли взглядов иерархов церкви. «Терсермундисты» выступали с радикальным толкованием папской энциклики «Популорум Прогрессио» и высказывались за диалог с марксистами, за отмежевание церкви от военного режима. Полиция обвинила Подеста в подстрекательстве к «подрывным действиям» и против него как «большевистского агента» был организован ряд провокаций. По требованию папского нунция в Буэнос-Айресе У. Моццони епископ Подеста подал в отставку. Его сторонники обвинили папского нунция в выступлении против обновления церкви и попытались провести демонстрацию в поддержку епископа, но полиция запретила ее.

Большее значение для правительства Оггания имела позиция, занятая перонистскими организациями. После переворота Перон высказался в его поддержку. Перонистские лидеры ВКТ во главе с Х. Алонсо и А. Вандором приветствовали аргентинскую революцию и попытались достигнуть соглашения о сотрудничестве с военным режимом. Интересы перонистских и военных лидеров совпадали по ряду вопросов. Перонисты, как и военные, отстаивали тезис о «патерналистской», «надклассовой» роли государства и армии как силе, стоящей вне классов и способной содействовать осуществлению националистических целей. Перонисты усматривали прямую аналогию с переворотом 1943 г., открывшим путь перонизму к власти. И теперь, по их мнению, сокрушив традиционные партии и учреждения, военный режим тем самым расчищал поле деятельности перонистам, устраняя их

политических противников и открывая путь националистическим доктринам. Поскольку военный режим нуждался в поддержке перонистов, последние надеялись, что сотрудничество с военными позволит им упрочить собственное влияние в стране и открыть доступ к власти.

Ориентация перонистских лидеров на сотрудничество с военным режимом не принесла тех дивидендов, на которые они рассчитывали. Их надежды оказались иллюзорными. Целью диктатуры было не разделение власти с перонистами, а консолидация военного режима и подчинение ему рабочего движения с помощью перонистов. Режим рассчитывал превратить правых деятелей профсоюзов в послушных проводников правительственной рабочей политики.

Соглашательский курс профсоюзных лидеров вызвал протест низовых и провинциальных федераций. В марте 1968 г. на съезде ВКТ сторонники решительной борьбы с диктатурой одержали победу. Вновь избранное руководство ВКТ представляло левое крыло перонизма и обязалось выступать с классовых позиций. Приверженцы соглашательской политики — основная часть перонистской профбюрократии — ушли со съезда и создали параллельную организацию — ВКТ диалога. За оппозиционной ВКТ закрепилось название ВКТ аргентинцев во главе с Р. Онгаро.

Первые внутри перонистских профсоюзов произошло открытое размежевание между левыми, пролетарскими силами, с одной стороны, и представителями националистических кругов буржуазии — с другой, соглашатели были отстранены от руководства национальным профцентром.

Провозгласив единство пролетариата на классовой основе, независимо от идеологических различий, левые перонисты тем не менее отказались допустить коммунистов и их сторонников в руководящие органы ВКТ.

Одновременно новые руководители ВКТ выразили симпатии левым католическим течениям, стараясь обосновать позиции рабочего класса моральными и этическими положениями христианского учения. Выступая на съезде, Онгаро заявил, что ВКТ уважает все идеологии, но ее подлинные убеждения — христианские. Отсюда и его лозунг «ВКТ идеалистов». В резолюции съезда говорилось, что позиция ВКТ основывается на постулатах энциклик «Матер эт Магистра», «Пацем ин Террис» и «Популорум Прогрессио», т. е. принципах солидарности, братства и «социализации», выдвинутых римским папой Павлом VI.

Новые лидеры ВКТ взяли курс на сплочение всех демократических сил. В первом майском обращении 1968 г. ВКТ призвала национальных предпринимателей и торговцев, студентов, интеллигенцию, воен-

ных — все слои населения — подняться на борьбу. ВКТ требовала не просто формального восстановления конституционного режима, но создания правительства, целью которого были бы коренные экономические и социальные преобразования. К числу последних относились проведение аграрной реформы, основанной на экспроприации латифундий, безвозмездная национализация собственности иностранных монополий, переход в руки государства основных отраслей экономики, участие рабочих в управлении производством и распределении материальных благ «вплоть до контроля над властью во имя благосостояния всего народа». В первомайском манифесте нашли отражение и «евангелические принципы» папы Павла VI. Новые руководители ВКТ солидаризировались с «Движением священников третьего мира».

ВКТ аргентинцев стала центром притяжения для всех недовольных и организатором массовых выступлений. 29—30 мая 1969 г. во всеобщей забастовке против политики диктатуры участвовали 5 млн человек. Забастовка переросла в Кордове в народное восстание, получившее название «Кордобасо».

Накануне правительство Онгания в срочном порядке вынесло решение о незаконном характере готовящейся забастовки и пригрозило подавить ее с помощью армии. Последняя получила неограниченные полномочия, позволявшие «применять любую меру, какую она сочтет нужной для поддержания общественного порядка». Рассчитывая запугать трудящихся, Онгания издал декрет о создании в стране военных трибуналов, которые должны были судить участников забастовки.

Тем не менее в стране полным ходом шла подготовка к общенациональной забастовке. События, связанные с ней, начались в Кордове раньше, чем было объявлено. Тысячи рабочих автомобильных заводов «Ика-Рено» и «Фиат», строители, транспортники в сопровождении 8 тыс. студентов утром 29 мая организованной колонной двинулись в центр города, где намеревались провести демонстрацию и митинг. Полиция преградила им путь, пустила в ход оружие и слезоточивые газы. В ходе сопротивления рабочие воздвигли баррикады в центральном район Клиникас. Полицейские части забросали камнями и заставили отступить. К бастовавшим присоединились жители центральных районов: средние и мелкие торговцы, служащие государственных учреждений. Как указывал в своем отчете президенту страны губернатор провинции Л. Кабальеро, «буржуазные кварталы участвовали в событиях стихийно и с энтузиазмом... до тех пор, пока бесчинства не зашли слишком далеко»¹.

¹ Аргентина 60-х годов. М., 1973. С. 145.

Рабочие фактически овладели городом, и полиция была бессильна помешать им. Правительство бросило на подавление «беспорядков» войска. В Кордову были введены пехотный корпус и воздушно-десантный полк. В городе начались перестрелка между восставшими и войсками, взрывы и пожары. И хотя армии удалось вытеснить рабочих и студентов из центра, столкновения продолжались до утра 30 мая. Многие торговые заведения были сожжены и разрушены, два оружейных арсенала разграблены. Имелись убитые и десятки раненых, свыше 100 человек арестовали. Осадное положение и комендантский час сопровождалась работой военных трибуналов.

Однако днем 30 мая события разгорелись с прежней силой. 6 тыс. рабочих и студентов вновь соорудили баррикады в районе Клиникас и вступили в борьбу с армией и полицией, продержавшись почти до вечера, хотя против них были брошены пулеметы, слезоточивые газы и гранаты. Среди участников событий были католические священники и семинаристы Кордовы — сторонники «Движения священников третьего мира». По словам губернатора Кордовы, тот «сектор церкви, который завоевал умы и душу среднего класса и способствует полевению молодежи»¹. Лишь вечером войскам удалось подавить восстание. Десятки людей погибли, сотни — арестовали, много было раненых. В результате этих событий разразился первый после переворота 1966 г. серьезный политический кризис: все члены кабинета ушли в отставку.

Несмотря на репрессии выступления против диктатуры продолжались. Прошли новые общенациональные забастовки. Онгания вынужден был пойти на уступки: многие профсоюзные деятели были освобождены, повышена заработная плата. Эти меры не остановили антидиктаторской борьбы, охватившей основные регионы страны. В оппозицию к военному режиму перешли практически все политические партии Аргентины.

В июне 1970 г. Онгания был смещен военной хунтой, назначившей президентом генерала Р.М. Левингстона. Правительство Левингстона проводило прежний курс. На подавление нового выступления в Кордове были брошены войска. Второй «Кордобасо» стоил Левингстону президентского поста. В марте 1971 г. новым президентом стал генерал А.А. Лануссе. Его политика по либерализации режима предусматривала и компромисс с умеренной оппозицией под лозунгом «Великого национального согласия», т. е. достижения «политического перемирия», заключения «социального пакта» в обмен на обещания провести свободные выборы.

¹ Аргентина 60-х годов. С. 145.

Пользуясь ослаблением ВКТ аргентинцев в результате репрессий, умеренные перонисты воссоздали в июле 1970 г. единую ВКТ. Однако внутри перонистских профсоюзов, среди молодежи, в хустисиалистской партии усиливались левые течения. Их представители требовали «национального социализма», проведения антиимпериалистической внутренней и внешней политики. Еще в 1969 г. в стране началось партизанское движение, группировавшееся вокруг левоперонистской «Монтонерос» во главе с М. Фирменич и троцкистской Революционной народной армии (РНА) во главе с М. Сантучи.

В этих условиях руководство ВКТ и Перон сняли лозунг «третьей позиции» и прибегли к широкому социальному маневрированию. С целью примирения левого и правого крыла, нейтрализации классовых течений они объявили себя сторонниками «национального социализма». Перон одобрил вооруженную борьбу «Монтонерос» против диктатуры. Одновременно он вел переговоры с Лануссе о возвращении к гражданскому правлению.

События в Аргентине развивались не так, как на то рассчитывали сторонники «великого национального согласия». Военный режим оказался не в состоянии добиться социальной и политической стабилизации и на ее основе провести выборы, навязав своих кандидатов. Широкое народное движение привело к изоляции диктатуры, усилились разногласия внутри вооруженных сил о путях дальнейшего развития страны. Правительство Лануссе объявило о возвращении к конституционному режиму и назначило на март 1973 г. всеобщие выборы. С лозунгом национального освобождения и социальных преобразований победу на выборах одержал Хустисиалистский фронт освобождения (ХФО) — блок политических партий и групп, объединившихся вокруг хустисиалистской партии. Его кандидат Э. Кампора стал президентом Аргентины. Военные не разрешили Перону выставить собственную кандидатуру.

ХФО набрал свыше 5,9 млн голосов (49,59 %) и завоевал абсолютное большинство мест в обеих палатах конгресса, а также почти все посты губернаторов. ГРС оказался на 2-м месте — свыше 2,5 млн голосов (21,3 %)¹. Революционный народный союз (РНС) — объединение левых партий — получил 885 тыс. голосов (7,43 %). По списку РНС впервые в истории Аргентины в конгресс были избраны 2 депутата-коммуниста. В сумме оппозиционные силы получили 80 % голосов.

¹ К этому времени ГРС непримиримых окончательно распался. Его правое крыло во главе с А. Фрондиси образовало партию «Движение интеграции и развития», левое крыло во главе с О. Аленде — Партию непримиримости.

Второе перонистское правление

25 мая 1973 г. власть в Аргентине перешла к конституционному правительству Э. Кампоры. После 18-летнего перерыва перонисты вернулись во власть.

Правительство президента Кампоры, сформированное в период подъема демократического движения, испытало на себя значительное давление левого крыла в перонистском движении. На ряд важных постов в федеральном правительстве и правительстве провинций пришли деятели, пользовавшиеся поддержкой низовых профсоюзных организаций, студенческих и молодежных группировок, окрепших в период антидиктаторской борьбы. Были полностью восстановлены демократические свободы, объявлена политическая амнистия, отменено репрессивное законодательство военного режима, распущен специальный отдел полиции и уничтожен его архив, легализована компартия. «Монтонерос» вышли из подполья, установили контроль над молодежной перонистской организацией и начали активно работать в профсоюзах.

Деятельность левого крыла перонизма вызывала раздражение правых сил. Середина 1973 г. характеризовалась накалом противоречий в среде перонистов, вылившихся в открытое столкновение. 20 июня, в день возвращения в Аргентину Перона, колонны левых перонистов были расстреляны в аэропорту «Эсейса». Эти события послужили поводом для дискредитации правительства Кампоры, он был вынужден 13 июля подать в отставку. На президентских выборах в сентябре победу одержал Перон, которого поддерживали многие политические силы: от правых до левых, включая коммунистов. 12 октября 1973 г. Х.Д. Перон занял президентский пост. Его жена М.Э. Мартинес де Перон стала вице-президентом.

Политика Перона, как и в период первого правления, проводилась в русле «третьей позиции». Он больше не употреблял применительно к хустисиалистскому правительству термин «социализм», противопоставляя «марксистскому социализму» свои концепции социальной справедливости и классового мира. Цели восстановления блока рабочего класса и национальной буржуазии призван был служить «социальный пакт», заключенный в 1973 г. руководством ВКТ и ВЭК. В соглашении были закреплены следующие положения: повышение зарплаты рабочих и служащих на 15 %, замораживание цен и зарплаты на 1 год и отказ профсоюзов проводить забастовки. Как и прежде, Перон сочетал политику экономического развития с перераспределением доходов в пользу трудящихся.

Основные направления социально-экономической политики нашли отражение в трехлетнем плане развития страны на 1974—1977 гг. — новом варианте перонистских пятилетних планов. Он предусматривал развитие базовых отраслей промышленности, повышение роли государства в экономике, ограничение позиций иностранного капитала. Реализации последней цели служил закон об иностранных инвестициях, где предписывались запрет на размещение иностранных капиталов в отраслях, имеющих общенациональное значение, строгие нормы перевода прибылей, преимущественные права для национальных предпринимателей на пользование государственным кредитом.

В международных делах правительство Перона стремилось развивать отношения со всеми странами мира. В 1973 г. Аргентина вступила в Движение неприсоединения, выступала за пересмотр отношений между США и латиноамериканскими странами на равноправной основе. Расширились экономические связи Аргентины с Западной Европой, СССР и Кубой. С последней были восстановлены дипломатические отношения.

Осуществлению планов Перона направить страну по пути самостоятельного развития способствовала благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура 1973 г. Рост цен на зерновые позволил увеличить золотовалютные резервы с 465 млн до 1,3 млрд долл. Темпы экономического роста достигли 6 %. Инфляция сократилась с 80 до 30 %, уменьшилась безработица.

Улучшение социально-экономического положения позволило Перону укрепить свои позиции в самом движении. Под лозунгом борьбы с «марксистским проникновением» разворачивалась кампания по удалению левых перонистов с государственных постов, из руководства профсоюзов и хустисиалистской партии. В конце 1973 — начале 1974 г. с постов были насильственно смещены левоперонистские губернаторы провинций Буэнос-Айрес, Кордова и Мисьонес. Была восстановлена вертикальная структура ВКТ. В результате этих мер левые перонисты потеряли влияние, которое имели в период президентства Кампоры. Под давлением консервативных кругов в вооруженных силах ушел в отставку командующий армией генерал Х.Р. Каркано — противник тесного военного сотрудничества с США и концепции «внутреннего фронта». Новый командующий генерал Л. Анайя занимал позицию «профессионализма», защиты конституционного строя.

Со смертью Перона из аргентинской политики ушла и «третья позиция». Президентом Аргентины стала М.Э. Мартинес де Перон, в окружении которой находились крайне правые перонистские элемен-

ты во главе с министром социального обеспечения Х. Лопесом Регой. В июле 1974 г. он включил в состав кабинета своих сторонников. Захватив ключевые посты в правительстве, ультраправые добились смещения министра экономики Х.Б. Хельбарда, что привело к разрыву отношений правительства с реформистскими кругами национальной буржуазии.

Перемены в правительстве отразились на соотношении сил внутри организаций предпринимателей после вхождения в состав ВЭК Аргентинского промышленного союза (УИА). Он объединил крупную буржуазию, связанную с филиалами иностранных монополий. Слияние ВЭК и УИА сопровождалось переходом руководства организации к представителям проимпериалистической буржуазии и ликвидировало саму возможность проведения политики на основе программных положений ХФО и «социального пакта».

Политика министров экономики С. Родриго и Э. Монделли по «либерализации» экономического курса строилась в соответствии с планом «экономической стабилизации» МВФ: отмена контроля над ценами, неоднократные девальвации песо, ограничение зарплат. Рост мировых цен на нефть, запрет ЕЭС на импорт аргентинского мяса способствовали росту дефицита платежного баланса страны. К концу 1975 г. доходы от экспорта упали на 25 %, а дефицит вырос до миллиарда долл.

В середине 1974 г. произошел окончательный разрыв перонистской молодежи и «Монтонерос» с перонистской верхушкой. Левые перонисты возобновили вооруженную борьбу. «Монтонерос», уйдя в подполье, сосредоточили свои силы в крупных городах, перейдя к тактике индивидуального террора. РНА в 1974 г. взяла курс на партизанские действия в провинции Тукуман, центре острых социальных конфликтов. Со своей стороны, ультраправые создали при негласном участии Лопеса Реги Анतिकоммунистический альянс Аргентины (ААА), развернувший террор против левых сил и активистов рабочего движения.

Изменение ситуации в стране, падение реальной заработной платы, рост инфляции и безработицы с начала 1975 г. привели к активизации рабочего движения и фактической ликвидации «социального пакта». Ударом по социальной политике «народного правительства» явились всеобщие забастовки, прошедшие в июне — июле 1975 г. Испытывая давление снизу, руководство ВКТ было вынуждено поддерживать их. Рабочим удалось добиться не только увеличения зарплат, но и смещения с правительственных постов наиболее одиозных правоперонистских лидеров — С. Родриго и Х. Лопеса Реги, который бежал из страны.

Единственной опорой М.Э. Мартинес де Перон осталась профбюрократия, традиционно поддерживавшая хустисиалистскую партию. В обстановке острого политического и экономического кризиса раскалываемое внутренней борьбой за власть руководство ВКТ было не в состоянии выработать последовательную правительственную программу, выходящую за рамки чисто конъюнктурных мер. Правительство превратилось в группу соперничающих политиканов, неуклонно теряющих контроль над положением в стране.

24 марта 1976 г. военные свергли дискредитировавшее себя правительство М.Э. Мартинес де Перон.

Процесс «национальной реорганизации»

После трехлетнего перерыва власть вновь перешла к военной хунте, которая распустила Национальный конгресс и ВКТ, поставив большинство профсоюзов под контроль военных, «временно приостановила» деятельность политических партий. Хунта назначила президентом Аргентины генерала Х.Р. Виделу. Военные объявили о «национальной реорганизации» экономической и политической жизни страны, которая должна была стать, по их словам, переходным этапом к восстановлению в будущем конституционного режима.

«Национальная реорганизация» явилась второй попыткой после «аргентинской революции» правоавторитарных группировок аргентинской армии применить на практике свои проекты переустройства общества.

Военные создали коллегиальную форму правления, в соответствии с которой три рода войск — армия, флот и авиация — были представлены на паритетных началах в военной хунте, состоящей из трех командующих родами войск и являвшейся высшим органом власти. В компетенцию военной хунты входило назначение президента страны. В самом правительстве Х.А. Мартинес де Ос, возведенный в ранг премьер-министра, сосредоточил в своих руках три министерских портфеля: экономики, финансов и промышленности.

Основываясь на «доктрине национальной безопасности» и концепции «внутренней войны», армия, полиция и силы безопасности развернули беспощадную борьбу с «Монтонерос» и РНА и в последующие два года уничтожили их. Борьба с «подрывной деятельностью», которая впоследствии получила название «грязной войны», была направлена не только против леворадикальных вооруженных организаций, но и против профсоюзных активистов, деятелей демократического движения. Теракты проводились полулегальными орга-

низациями, находившимися на содержании спецслужб. В результате «грязной войны» «без вести» пропали от 8 до 30 тыс. человек. Подавляющее большинство «пропавших без вести» никакого отношения к партизанам не имели. Главной целью «грязной войны» было запугать гражданское общество, парализовать возможное сопротивление военной диктатуре.

«Умиротворение» страны преподносилось как начальный этап и необходимая предпосылка дальнейшей «национальной реорганизации» аргентинского общества. Тем не менее именно проблема «исчезнувших» превратилась в один из центральных вопросов внутриполитической жизни, а после падения военной диктатуры послужила причиной привлечения к суду ее руководителей.

Руководители военной хунты, обвиняя перонизм в политизации государственного аппарата и профсоюзов, намеревались исключить из политической жизни «классовую борьбу, коллективную собственность на средства производства, партийную политизацию государства и промежуточных организаций». В министерстве труда заявляли, что «политические задачи должны решаться в политических партиях, а профсоюзы не должны превращаться в политические партии». В результате так называемой деполитизации профсоюзов за годы правления военного режима (1976—1983) количество их членов сократилось с 7 млн до 3,5 млн человек.

В проект военного режима составной частью входила «постепенная нормализация» политической деятельности. Как утверждали руководители режима, процесс «национальной реорганизации» «имел цели, но не имел сроков». В соответствии с этой концепцией главной задачей провозглашалось создание условий для перехода к «федеральной и представительной демократии». Однако будущая политическая система должна была ограничивать политическую деятельность определенными рамками. Так, в «Политических основах вооруженных сил процесса национальной реорганизации» военные власти оставляли за собой право не только на руководство государством в период своего правления, но и на «последующее вмешательство в целях защиты системы, которая будет установлена по ее завершении». Устанавливая «доктринальные», «программные» и «инструментальные» основы будущей политической системы, идеологи военного режима предлагали обществу «рамки и пределы», в которых возможны совпадение мнений и разногласия.

Временно приостановив деятельность политических партий, военная верхушка возлагала надежды на формирование новых политических движений в качестве альтернативной силы перонистам и радикалам. В качестве такового виделось крупное правоцентристское дви-

жение, созданное при участии военных. В перспективе оно должно было унаследовать власть и сохранить социально-экономическую ориентацию процесса «национальной реорганизации».

Западноевропейские страны все более утрачивали свое значение как рынок сбыта и средство ликвидации дефицита из-за ограничений, которые ЕЭС ввело на торговлю с Аргентиной. Традиционные торгово-экономические связи, ограниченные западным блоком, были нарушены, и перед Аргентиной встала проблема поиска новых сфер для своего экспорта. Налаживание торгово-финансовых связей с другими государствами происходило независимо от идеологических позиций их правительств. Согласно официальным документам военного правительства, «диверсификация отношений с целью создания и сохранения оптимальной свободы действий и разумной способности к самоопределению» выступала одной из основных задач внешней политики страны. Эта линия нашла выражение в продолжении членства Аргентины в Движении неприсоединения, расширении экономического сотрудничества с СССР, в поддержании дипломатических отношений с Кубой и Никарагуа.

Ввиду осложнения политических отношений с США во второй половине 70-х годов, вызванного новым курсом администрации Д. Картера в отношении правоавторитарных режимов в рамках доктрины «прав человека», и падения роли западноевропейских стран во внешнеэкономических связях Аргентины военное правительство старалось использовать Движение неприсоединения в качестве определенного противовеса в своей внешней политике. Вместе с тем режим «национальной реорганизации» не поддерживал сколько-нибудь активных политических и экономических отношений с развивающимися странами, ограничив их культурными и торговыми связями.

Следуя своей традиционной политике разделения политической и экономической сфер в международных отношениях, а также исходя из прагматических соображений, аргентинское правительство во главе с генералом Виделой не пошло под нажимом США на свертывание торгово-экономических и технических связей с СССР, а в дальнейшем приняло меры к их расширению. К 1981 г. Советский Союз превратился в первого торгового партнера Аргентины, закупая продукцию на сумму 2,4 млрд рублей. Резкое увеличение аргентинского экспорта в СССР было вызвано в немалой степени объявлением в 1980 г. зернового эмбарго в торговле с СССР со стороны администрации Картера.

Несмотря на заметное сближение с Вашингтоном, наступившее с приходом в Белый дом в 1981 г. Р. Рейгана, правительство Аргентины сумело отстоять национальные интересы в такой важной области, как

экспорт сельскохозяйственных продуктов, и не пошло на уступки США в других областях советско-аргентинского сотрудничества.

В период 1976—1980 гг. военному правительству удалось сбить накал классовой борьбы, подавить «очаги терроризма» и обеспечить определенную стабильность в стране. Состояние равновесия между правящей армейской верхушкой и гражданским обществом поддерживалось прежде всего силой оружия. Не последнюю роль здесь сыграли и опасения перед новой волной терроризма, который захлестнул страну накануне военного переворота. Ликвидировав политический терроризм, режим прибегнул, по образному выражению одного из аргентинских политиков, к террору экономическому.

Экономический курс военного режима определяла программа, предложенная Х.А. Мартинесом де Ос. Одобренная военной хунтой, она получила официальное название «Программа восстановления, оздоровления и развития аргентинской экономики» и строилась на неолиберальных постулатах чикагской монетаристской школы (М. Фридман, Ф. фон Хаек и др.), основывающейся на признании саморегулирующего характера рыночной экономики, избавленной от государственного вмешательства.

В основе реализации экономической политики лежали принципы субсидиарности (от исп. *subsidiaridad* — подчиненность, дополнительность) экономической функции государства и «открытой экономики». Согласно первому роль государства сводилась к созданию максимально благоприятных условий для свободной деятельности частных предприятий независимо от их национальной принадлежности; второй предполагал свободную конкуренцию на рынке и устранение любого контроля над частной экономической деятельностью. Была озвучена и идея своеобразного экономического дарвинизма — естественного отбора сильных предприятий и вытеснение слабых, что должно было привести к оптимальному распределению ресурсов (капитала и рабочей силы) в пользу тех отраслей, которые наиболее конкурентоспособны на внешних рынках. По существу речь шла о превращении Аргентины в огромный агропромышленный комплекс с вспомогательной ролью промышленности в процессе экономического развития.

Влиятельные круги олигархии и военных технократов вынашивали планы достижения агровласти и разделения ее с США. Так, государственный секретарь по вопросам сельского хозяйства К. Мадарьяга утверждал: «В будущем мире будут существовать две власти: атомная и продовольственная. Аргентинская республика будет великой мировой державой в области производства продовольствия и на этой основе мы создадим нашу индустриальную, атомную, научную, куль-

турную, экономическую и социальную мощь». Мартинес де Ос выступал с заявлениями о том, что «в недалеком будущем экспортирующие продовольствие страны могут оказаться в сходном положении с экспортерами нефти, получив преобладающие позиции в мировом содружестве наций»¹.

В соответствии с провозглашенными целями правительство сняло какие-либо ограничения рыночной конкуренции и отменило контроль за ценами. Финансовая реформа ликвидировала государственный контроль над депозитами частных банков и разрешила им иметь акции в других финансовых учреждениях, лишила государственные банки привилегии на операции с госпредприятиями, сделала более свободным доступ частных банков к внешним займам и другим операциям с иностранной валютой, ввела свободное движение банковской учетной ставки и менее жесткий порядок образования банков. Налоговая реформа устранила дополнительный налог на нераспределенную прибыль и налог на отчисления за использование иностранной технологии. Были снижены таможенные пошлины на товары обрабатывающей промышленности, вплоть до их временной отмены, смягчены другие торговые барьеры. Новое законодательство в отношении иностранного капитала уравнивало его в правах с национальным. Началась приватизация в государственном секторе.

Ускорение накопления осуществлялось также путем резкого повышения эксплуатации рабочих. Рабочий день удлинялся до 10 часов, усовершенствовалась потогонная система, замораживалась зарплата. Социальная политика характеризовалась наступлением на права трудящихся: отменялись права на забастовку, профсоюзы расчленялись на региональные группы и лишались контроля над программами социального обеспечения, вводился запрет на проведение профсоюзных конгрессов. «Национальная рационализация» осуществлялась также за счет снижения числа занятых на государственных предприятиях.

Политика Мартинеса де Ос имела катастрофические последствия для аргентинской экономики. Следствием либерализации банковской системы стал бесконтрольный рост процентных ставок, осуществленный банками в погоне за вкладчиками. Это привело к резкому удорожанию кредита и к массированному перераспределению финансовых ресурсов в пользу банковского сектора, но в ущерб производительным отраслям, где наступил инвестиционный голод. Интенсивный приток краткосрочного ссудного капитала из-за рубежа стимулировался высокими процентными ставками аргентинских банков и искус-

¹ Boletín del Ministerio de Economía. Buenos Aires. 9 de julio.

ственно завышенным курсом песо по отношению к доллару, что делало операции с иностранной валютой наиболее прибыльными, но в конечном счете оборачивалось ростом внешней задолженности.

Резкое удорожание кредита и возросшая иностранная конкуренция в результате снижения таможенных барьеров привели к массовому банкротству предприятий, в том числе средних и крупных. Число последних сократилось с 8101 в 1974 г. до 6637 в 1981 г., а количество работающих на них с 1 млн до 740 тыс. В целом по стране численность индустриальных рабочих сократилась более чем на 0,5 млн человек. По существу начался процесс деиндустриализации. ТНК стало выгоднее ввозить готовые товары, чем производить их в аргентинских филиалах, что привело к сворачиванию их деятельности в Аргентине. Материальное производство в плане занятости трудящихся уступало место сфере услуг и управлению. Сотни тысяч аргентинцев эмигрировали в поисках работы. Экономическая политика военного режима, декларировавшая амбициозные задачи выдвижения Аргентины в ряд великих держав, сделала то, что не смогли бы осуществить никакие иностранные захватчики.

В начале 80-х годов Аргентина оказалась ввергнутой в беспрецедентный за послевоенный период кризис. Обнищание масс и рост безработицы вызвали, несмотря на репрессии военного режима, сопротивление трудящихся, стачки и забастовки. Сначала они проходили в масштабе отдельных предприятий и отраслей, но с 1979 г., когда был проведен первый день «национального протеста», приобрели общенациональный характер под руководством радикального крыла в перонистском движении, которое в конце 1980 г. в одностороннем порядке восстановило ВКТ. Рабочие перешли к активной борьбе против военной диктатуры, выступая вначале с экономическими, а затем и с политическими лозунгами.

Выдвинутые организаторами забастовочной борьбы требования носили общенациональный характер и предусматривали: восстановление покупательной способности заработной платы, профсоюзного законодательства, коллективных договоров, освобождение арестованных и расследование судеб пропавших без вести, защиту национальной промышленности и изменение таможенной политики.

ВКТ поддержало Национальное общество предпринимателей (КОНАЕ). В феврале 1981 г. оно провело день «национального протеста» мелких и средних предпринимателей, требуя «срочного и кардинального изменения социально-экономической политики».

В июле пять партий — ГРС, хустисиалистская, христианско-демократическая, Движение интеграции и развития и партия Непримиримости — образовали Многопартийный союз («Мультипартида-

риа»), который потребовал перехода к демократии. Программа «Мультипартидариа» содержала следующие пункты: освобождение заключенных за политическую и профсоюзную деятельность, отмена репрессивного антипрофсоюзного и антирабочего законодательства и правительственного контроля за деятельностью профсоюзов, восстановление системы коллективных договоров и обеспечение полной занятости.

Кульминацией борьбы против «национальной реорганизации» стал «день борьбы» — 30 марта 1982 г. Всеобщая забастовка сопровождалась массовой демонстрацией в Буэнос-Айресе, в которой приняли участие профсоюзы, политические партии и общественные организации.

События 30 марта показали, что проведение в дальнейшем непопулярного социального и экономического курса военной хунты без открытого применения силы невозможно. В сложившейся в стране обстановке военные не пошли традиционным путем, выбирая между восстановлением конституционных форм государственного правления и возобновлением открытой репрессивной политики авторитаризма 1976—1980 гг. Хунта попыталась отвлечь внимание населения страны от кризисной обстановки и выйти из политического тупика с помощью крупномасштабной внешнеполитической акции.

Мальвинский (Фолклендский) конфликт

В апреле — июне 1982 г. произошел военный конфликт между Великобританией и Аргентиной из-за Мальвинских (Фолклендских) островов. Еще в 1833 г. Англия захватила эти принадлежавшие Аргентине острова и объявила архипелаг своей колонией. В 1908 г. Великобритания аннексировала и объявила зависимыми территориями острова Южная Георгия и Южные Сандвичевы.

Мальвинские (Фолклендские) острова расположены в юго-западной части Атлантического океана. Архипелаг состоит из двух крупных — Западный Фолкленд (Гран Мальвина) и Восточный Фолкленд (Соледад) и около 200 мелких островов. Общая площадь — 12,2 тыс. кв. км. Население — 2 тыс. жителей.

Важное стратегическое значение Мальвин (Фолкленд), Южной Георгии и Южных Сандвичевых островов обусловлено их географическим положением как естественного центра пересечения морских путей в Южной Атлантике и удобного перевалочного пункта на пути к Антарктиде.

После захвата Мальвин аргентинские власти заявили протест, добиваясь возвращения своей территории. Великобритания игнорировала заявления Аргентины. До начала 1960-х годов мальвинский вопрос не вызывал сколько-нибудь серьезных осложнений в отношениях между странами, несмотря на то, что аргентинское правительство не оставляло попыток заручиться поддержкой международных организаций в отстаивании своих прав на острова. В результате дипломатических шагов Аргентины в декабре 1960 г. ООН приняла резолюцию, согласно которой Мальвинские (Фолклендские) острова были включены в разряд «колониальных территорий» и подлежали деколонизации. В конце 1965 г. ООН призвала Великобританию начать переговоры с Аргентиной о мирном решении спора.

После военного переворота 1976 г. аргентинское правительство развернуло «наступательную» деятельность за восстановление суверенитета Аргентины над островами.

В международной политике военного режима географический, или, как его именуют в политической науке, геополитический, фактор играл важнейшую роль. Прежде всего геополитическими соображениями руководствовалось правительство Аргентины при рассмотрении пограничных и территориальных споров. Возвращение Мальвинских островов, а с ними контроля над обширнейшими и богатейшими районами Мирового океана для аргентинских военных имело геостратегическое назначение. Этот регион граничил с жизненно важными путями сообщения, и сохранение этого источника ресурсов в будущем определяло в то время аргентинскую политику. Генерал Л.Ф. Гальтиери заявлял, что «на заключительном отрезке XX в. лозунгом аргентинцев должно стать продвижение на юг». Планы вооруженного захвата островов разрабатывались в штабе ВМС еще до прихода к власти режима «национальной реорганизации». Среди военных руководителей первым предложил план высадки аргентинских войск на Мальвинские острова член военной хунты, командующий ВМС адмирал Э. Масера в 1977 г.

Правые круги аргентинской армии настойчиво говорили о необходимости активного участия в совместной с США «обороне» Западного полушария. Вынашивалась идея двустороннего военно-политического альянса с Вашингтоном. Аргентинские военные рассчитывали таким образом выдвинуться в ранг привилегированного латиноамериканского союзника США. В 1979 г. Генеральный штаб сухопутных войск Аргентины разработал внешнеполитическую концепцию, согласно которой страна должна была «заполнить бреши во фронте борьбы континента против коммунизма». С конца 1980 г. военная хунта оказывала закулисную поддержку США в Центральной Америке-

ке. В Сальвадор и Гондурас были направлены военные советники — специалисты по борьбе с партизанским движением. Расширялись поставки аргентинского вооружения этим странам.

В декабре 1981 г. президентом Аргентины был назначен командующий сухопутными войсками генерал Л.Ф. Гальтиери. С его именем связаны наиболее важные и тесные контакты между аргентинским и американским правительствами, которые начались после прихода Р. Рейгана к власти. Гальтиери стремился сплотить вокруг себя все правые силы и укрепить военный режим, идентифицировав внутри- и внешнеполитический курс с интересами «западнохристианского мира».

С точки зрения стратегов режима, предоставление США своих услуг «по укреплению оборонительной системы Запада в Южной Атлантике» давало возможность войти в разряд их «привилегированных союзников». Военные делали ставку на активное партнерство Аргентины в реализации глобальных стратегических планов США, включавших установление контроля над ключевыми районами Мирового океана. Базируясь на геополитических постулатах, военная верхушка считала необходимым скорейшее разрешение в свою пользу проблемы Мальвинских островов. В этом хунта видела условие для установления особых отношений с США.

На этом фоне приобретал актуальность вопрос и об изменении неблагоприятного облика военного правительства в глазах общественного мнения страны. Достижение «национальной цели» означало бы реабилитацию режима. Журналист, близкий к военным кругам, писал: «Если бы в дополнение к выигранной войне против терроризма были бы возвращены Мальвины, то граждане воспряли бы духом, и хотел бы я видеть того политика, который осмелился бы критиковать правительство, которое на деле продемонстрировало, что Аргентина жива, осознает свою силу и намерена занять свое место в мире»¹.

Прогресса на двусторонних переговорах с Великобританией, проводившихся по решению ООН с 1966 г., заметно не было. Отсутствие у британской стороны желания решать проблему в конструктивном духе подытожил Форин Офис, когда объявил дальнейшие переговоры по проблеме национального суверенитета «бесполезными». Февральский раунд 1982 г. двусторонних переговоров вновь не дал никаких обнадеживающих результатов.

Решение мальвинской проблемы с помощью военной операции привлекало военных. Вопрос о характере дальнейших действий встал в преддверии 150-й годовщины со дня захвата островов Великобрита-

¹ Аргентина после Мальвин. М., 1987. С. 9.

нией. Чем же руководствовалось и чего не учло аргентинское правительство, выбирая вариант военной операции?

Правящая военная верхушка не предвидела резко агрессивной реакции со стороны Великобритании. Занятие островов рассматривалось как веский аргумент в переговорах с Англией для сохранения присутствия аргентинских войск на архипелаге. Не существовало планов ведения длительной войны с английской армией. Военный триумвират во главе с Гальтиери, по признанию последнего, не предполагал, что Великобритания «использует 80 % своей военно-морской мощи для возвращения островов». К тому же, что гораздо важнее, Аргентина рассчитывала на доброжелательный нейтралитет со стороны США. Хунта полагала, что участие Аргентины в совместных акциях по борьбе с «подрывными силами» на латиноамериканском континенте под эгидой США создавало возможность для самостоятельных действий на южных границах страны. «Особые отношения», сложившиеся между США и Аргентиной накануне конфликта, по мнению аргентинских военных, благоприятствовали возвращению спорных территорий.

Просчет военного правительства состоял в неверной оценке позиции США в конфликте. По мнению высшего военного руководства Аргентины, Вашингтон, заинтересованный в продолжении тесного сотрудничества с Буэнос-Айресом в Западном полушарии, прежде всего в Центральной Америке, должен был «умерить» реакцию правительства М. Тэтчер с целью достижения приемлемого и почетного для обеих сторон компромисса. Позиция державы-гегемона, как именвались США на языке аргентинских геополитиков, в случае обострения мальвинского спора неоднократно зондировалась на различных уровнях представителями военного режима.

В конце 1981 — начале 1982 г. в беседах с американскими представителями аргентинские офицеры получали неофициальные заверения в том, что США заинтересованы в превращении Мальвин в военную базу по образцу острова Диего Гарсиа на основе двустороннего соглашения между Вашингтоном и Буэнос-Айресом. В ответ на вопрос о возможной реакции Англии в подобном случае американцы заявляли, что Великобритания «пошумит, покричит, опротестует, а не сделает ничего практически», при условии что США «пригласят вstopщенное британское оперение».

Зондаж был продолжен во время визита заместителя госсекретаря по межамериканским отношениям США Т. Эндерса в Буэнос-Айрес в марте 1982 г., состоявшегося после очередного неудачного последнего раунда аргентино-британских переговоров. Министр иностранных дел Аргентины Н. Коста Мендес поставил своего собеседни-

ка в известность, что военные раздражены тактикой Лондона и не намерены терпеть более каких-либо проволочек. Коста Мендеса интересовала реакция США на ужесточение аргентинской позиции. Ответ Эндерса был однозначен: «Нейтралитет».

Как показали последующие события, правительство США оставило за собой «свободу рук». Для него была важна перспектива милитаризации этого района как таковая. В Вашингтоне полагали, что если Великобритания под сильным нажимом Аргентины пойдет на передачу суверенитета, то США смогут договориться с аргентинским военным режимом об условиях своего присутствия на архипелаге. Если же Англия займет жесткую позицию и пойдет на военные действия против Аргентины, то это сохранит острова под контролем главного союзника США по НАТО. Второй вариант оказался предпочтительнее для США.

1 апреля, за несколько часов до высадки аргентинских войск на острова, президент Р. Рейган по телефону сообщил генералу Гальтиери: «Господин президент, Великобритания является чрезвычайно близким другом Соединенных Штатов и те новые отношения, которые сейчас Вашингтон поддерживает с Аргентиной... неизбежно потерпят непоправимый ущерб»¹. Рейган уведомил аргентинское правительство и о неизбежном военном ответе со стороны Великобритании.

В тот же день госсекретарь А. Хейг заявил послу Аргентины: «Вы, господин посол, понимаете важность отношений с Великобританией для моей страны. Мы не хотим военной альтернативы, поскольку вряд ли сможем остаться нейтральными»². Однако военная хунта продолжала надеяться на «добрые услуги» США.

2 апреля 1982 г. аргентинские войска успешно осуществили «операцию Росарио» и установили полный контроль над спорными островными территориями. Экспедиционные силы возглавлял авианосец «25 мая» (построенный в Англии). Небольшой английский гарнизон (80 морских пехотинцев на архипелаге и 20 — на Южной Георгии) после непродолжительного сопротивления сдался и вместе с английским губернатором был выслан в Монтевидео тем же маршрутом, которым в 1833 г. под британским конвоем проследовали с Мальвин пленные аргентинцы. Аргентинским губернатором островов назначили генерала М.Б. Менендеса.

¹ Аргентина после Мальвин. С. 12.

² Там же.

Коммюнике хунты о происшедшем произвело внутри страны и на мировой арене впечатление разорвавшейся бомбы. Затерянные в Южной Атлантике острова оказались в центре мировой политики.

В тот же день Великобритания разорвала дипломатические и торговые отношения с Аргентиной. Правительство М. Тэтчер решило восстановить британское господство над островами и отправило флот в Южную Атлантику. 7 апреля Великобритания объявила об установлении 200-мильной зоны военных действий вокруг островов. Фактически это было объявление войны Аргентине.

США взяли на себя роль посредника, пытавшегося достичь урегулирования конфликта дипломатическими средствами, но с самого начала избрали двойственную тактику. Оказывая закулисную помощь Англии в организации и проведении военной операции, они одновременно осуществляли дипломатический нажим на Буэнос-Айрес. Все варианты, предложенные аргентинским собеседникам Хейгом в ходе его «челночной дипломатии», обходили вопрос о признании суверенитета Аргентины над островами и обязательно включали пункты об отводе аргентинских войск с архипелага и создании трехсторонней администрации на Мальвинах из представителей Англии, Аргентины и Соединенных Штатов, которая должна принимать решения большинством голосов. В этом случае США получали право решающего голоса при определении судьбы архипелага, а аргентинская сторона играла бы декоративную роль в комиссии, при двух представителях держав НАТО.

Хейг недвусмысленно дал понять, что в случае отказа от его предложений США совместно с другими членами НАТО «сделают все, что будет необходимо, хотя бы это и поставило под вопрос стабильность нынешнего аргентинского режима». Одновременно с переговорами члены американской делегации проводили встречи с военными, политиками, представителями деловых кругов, убеждая их принять американские предложения.

В Аргентине Мальвины всегда рассматривались как колония Великобритании на части аргентинской территории. Это, по мнению подавляющего большинства аргентинцев, оправдывало применение силы — занятие архипелага аргентинскими войсками. Все без исключения политические партии, общественные организации, профсоюзы, церковные круги поддерживали военную акцию правительства. Массовые демонстрации, митинги и собрания, комитеты солидарности с солдатами на Мальвинах сделали невозможным примирение двух союзников США: Великобритании по НАТО и Аргентины по Договору о взаимопомощи Рио-де-Жанейро (ТИАР) на американских условиях. Даже ради сохранения добрых отношений с США и другими

западными странами военный режим не мог пойти на попятную в англо-аргентинском конфликте, не подвергая опасности свое собственное существование. Военное правительство стало «заложником» им же созданных обстоятельств. Впоследствии Гальтиери и другие военные руководители объясняли свой отказ вывести аргентинские войска с островов тем, что народ никогда бы не согласился с подобным решением.

Народное движение обусловило провал миссии Хейга. Прекращение посредничества Вашингтона и его открытый переход на сторону Великобритании, о котором американское правительство официально заявило 30 апреля, ознаменовали собой завершение первого этапа Мальвинского кризиса.

Этим событиям предшествовал созыв по просьбе Аргентины чрезвычайного совещания консультативного совета ОАГ. Оно состоялось 26 апреля в Вашингтоне для рассмотрения вопроса об агрессии внеконтинентальной державы — Великобритании — и применения к ней соответствующих санкций. Аргентинское правительство меняло тактику, переориентируясь с США на поиск поддержки своих требований в международных организациях. Однако его позиция была еще двойственной и колеблющейся и жестких формулировок не выдвигалось. Аргентинская делегация, с одной стороны, исходила из того, что США не согласились бы применить силу согласно ст. 8 ТИАР против своего главного союзника по НАТО. С другой стороны, Аргентина, фактически владея островами, надеялась решить конфликт мирным путем.

Непредсказуемые действия Вашингтона и Лондона опрокинули все внешнеполитические расчеты аргентинского руководства и вынудили его в срочном порядке перестраивать свою стратегию.

Второй этап в развитии мальвинского кризиса был связан с переговорами о его урегулировании в рамках ООН, к которой вынуждена была прибегнуть аргентинская дипломатия после того, как США «вступили в союз» с врагом Аргентины. Обращение в ООН открывало перспективы установления ее временной администрации до определения окончательного статуса островов и одновременного отвода аргентинских и британских войск из зоны конфликта. В условиях, когда английский флот уже находился в водах Мальвинского архипелага и между конфликтующими странами велись военные действия, поэтапный отвод войск обеих сторон был также более приемлем и для «внутреннего фронта» — политической оппозиции, обеспечивая равноправное положение на переговорах. Действия же британской атомной подводной лодки «Конкерор», потопившей аргентинский крейсер «Хенераль Бельграно» вне пределов установленной англича-

нами зоны военных действий, привели к срыву договоренности с аргентинским правительством и активизировали переговоры по урегулированию кризиса в рамках ООН.

Геополитические схемы, которыми руководствовался во внешней политике военный режим и поддерживавшие его консервативные гражданские круги, рушились при столкновении с реальностью. Мальвинский кризис произвел существенные изменения во внешней политике Аргентины, выразившиеся в ее сдвиге в сторону Движения неприсоединения. Будучи с 1973 г. полноправным членом этого международного сообщества, Аргентина долгое время занимала пассивную позицию. События 1982 г. продемонстрировали важность для страны постоянного сотрудничества с большинством стран мира.

Дипломатический мир стал свидетелем немыслимых за несколько недель до этого событий. Министр иностранных дел Аргентины Коста Мендес, представитель самой консервативной части политического спектра, отправился в Гавану на форум неприсоединившихся стран, где произнес речь, обличающую колониализм и империализм, встретился с Фиделем Кастро. Бывший министр иностранных дел О. Камиллион иронично прокомментировал: «Если бы я сказал хотя бы половину того, что теперь говорит Коста Мендес, меня бы выбросили в окно»¹.

Срыв переговоров в рамках ООН означал завершение второго этапа в развитии конфликта и переход к исключительно военным средствам его решения.

Реальные силы Аргентины были таковы, что она не могла противостоять Великобритании. Аргентинская экономика находилась в состоянии тяжелого кризиса. Страна не располагала промышленностью по производству современных видов вооружения и закупала их в США и Западной Европе.

Великобритания, несмотря на значительную военную мощь, никогда не решилась бы на такую широкомасштабную военную операцию, если бы не рассчитывала на поддержку США. Еще на начальном этапе конфликта, заявляя о своем «нейтралитете», США оказывали помощь британскому флоту. 30 апреля, наряду с официальным заявлением о своей солидарности с Великобританией, США ввели экономические санкции против Аргентины. Для осуществления связи Лондона с военной армадой был предоставлен спутник. Американская разведка передавала англичанам данные о численности и позициях аргентинских войск. Помимо разведывательных данных США снабжали британский флот горючим, запасными частями, боеприпасами. В антиар-

¹ Аргентина после Мальвин. С. 14.

гентинских акциях в той или иной степени приняли участие все западные страны.

Захват Южной Георгии, первого объекта британской атаки, облегчался тем, что остров находился вне радиуса действия аргентинской авиации. Овладев островом, военно-морские силы Великобритании получили плацдарм для дальнейших действий против аргентинских войск на Мальвинах.

Аргентинские вооруженные силы ответили на атаки английской армады. В результате прямого попадания ракеты, выпущенной с аргентинского самолета, затонул английский корабль «Шеффилд» — крупнейший эсминец британской эскадры в Южной Атлантике. На его борту находилось 280 человек, 30 из них погибли.

21 мая начался штурм островов британскими войсками. Многочисленные десантные отряды высадились одновременно в различных пунктах. В операции участвовали 22 тыс. британских солдат, в состав английской группы вторжения входили: 2 авианосца, 7 эсминцев, 7 десантных кораблей, 3 атомные подводные лодки, а также 40 истребителей-бомбардировщиков «Харриер» и 35 вертолетов различного назначения. Английские войска располагали самым современным оружием. Франция предоставила Великобритании данные боевых характеристик самолетов и ракет французского производства, находившихся на вооружении аргентинской армии, США — ракеты и электронное оборудование.

После ожесточенных двухдневных боев британские войска захватили на острове Восточный Фолкленд (Соледад) взлетно-посадочную полосу, что значительно расширило возможности английских сил вторжения. 30 мая аргентинская авиация повредила один из самых грозных кораблей ВМС Англии авианосец «Инвинсибил», который был вынужден покинуть район боевых действий.

В начале июня наступил последний этап войны за острова. Английские силы вторжения подошли к Порт-Стэнли (Пуэрто-Архентино). В результате воздушной атаки аргентинцев и прямого попадания бомбы в десантное судно «Сэр Галахед» английские войска понесли потери. 12 июня в ходе массированного наступления британской морской пехоты и парашютистов на Порт-Стэнли англичане добились сдачи административного центра архипелага. 14 июня в Порт-Стэнли генерал Мур принял от аргентинского генерала Менендеса заявление о капитуляции.

Обе стороны понесли в конфликте ощутимые потери. Примерно 250 человек из британского экспедиционного корпуса были убиты и 300 ранены. Аргентинские вооруженные силы потеряли убитыми 1300 человек.

Взяв верх в вооруженном конфликте, Англия не решила проблемы. Ни Аргентина, ни международное сообщество не считают вопрос о принадлежности остров урегулированным.

Поражение в войне дискредитировало военное правительство Аргентины и ускорило переход к конституционному правлению.

Социально-экономическое развитие страны

Падение перонистского режима ознаменовалось новым направлением в экономическом развитии. После вступления Аргентины в МВФ и МБРР и присоединения к Каракасской антикоммунистической резолюции 1954 г. в 1956 г. страна разворачивалась в сторону более тесного сотрудничества с иностранным капиталом, транснациональными компаниями (ТНК). Закон 1953 г. об иностранных капиталовложениях потерял силу. Создание благоприятного инвестиционного климата для иностранных инвесторов получило законодательное оформление. Закон 1958 г. не только отменил ограничения, которые содержались в предыдущем законе, но и предоставил иностранным инвесторам дополнительные преимущества, в частности, различные налоговые и таможенные льготы.

ТНК усиленно проникали в новые, так называемые динамичные отрасли промышленности, характеризовавшиеся сравнительно высокими темпами роста и большой доходностью: химия и нефтехимия, общее машиностроение, автомобиле- и тракторостроение, металлообработка и строительство. Промышленность стала главной сферой иностранных инвестиций. Общая сумма прямых иностранных капиталовложений в Аргентине увеличилась с 1537 млн долл. в 1955 г. до 2276 млн в 1974 г. В 50—70-х годах 40 % увеличения промышленного производства было получено в иностранном секторе. В начале 70-х годов иностранный капитал контролировал свыше 20 % всего промышленного производства Аргентины.

Государство, утратив господствующие позиции в промышленной сфере, тем не менее продолжало играть важную роль в стимулировании экономического развития, осуществляя капиталовложения в базовые отрасли промышленности, в производственную и социальную инфраструктуру. В середине 70-х годов продукция предприятий госсектора обеспечивала около 15 % ВВП, а удельный вес государственных капиталовложений в общих инвестициях в основной капитал достигал 28 %. Наиболее сильные позиции государство сохранило в электроэнергетике, добывающей промышленности, на транспорте, в связи, кредитно-финансовой системе.

Национальный капитал выступал в роли младшего партнера ТНК. Не имея достаточных финансовых средств для расширения своей деятельности, многие крупные аргентинские предприниматели пошли на создание смешанных с иностранным капиталом предприятий. Это касалось, прежде всего, отраслей с высоким органическим строением капитала: металлургической (компания «Дальмине», «Пропульсора») и электротехнической («Электроклор»).

На новой фазе импортозамещения лидировала автомобильная промышленность. В 60-е годы прирост производства здесь был на 165 % выше, чем в целом по промышленности, и она приобрела общенациональное значение в развитии экономики. В 1970 г. на долю отрасли приходился 21 % стоимости обрабатывающей промышленности и 7,5 % ВВП. Более миллиона человек были заняты в автомобильной промышленности.

Подъем автомобилестроения инициировал рост других отраслей машиностроения: сельскохозяйственное, станкостроение, авиа- и судостроение. Развитие машиностроения вызвало производство промежуточных товаров, в первую очередь металла. Черная металлургия сформировалась как одна из важнейших отраслей национальной экономики и вкуче с машиностроением превратилась в ведущую сферу индустрии.

Новым направлением электроэнергетики стало строительство атомных электростанций. В 1974 г. вступила в строй первая в Латинской Америке АЭС «Атуча». Заметное увеличение нефтедобычи — в 70-е годы Аргентина вышла на 3-е место в Латинской Америке — способствовало значительному развитию нефтехимической и химической промышленности.

Опережающий рост базовых отраслей привел к падению удельного веса легкой промышленности в промышленном производстве. В начале 70-х годов на тяжелую промышленность приходилось уже более 60 % промышленной продукции. В целом доля обрабатывающей промышленности в ВВП увеличилась до 35,3 % в 1970 г., а доля сельского хозяйства сократилась до 13,9 %. Аргентина превратилась в индустриально-аграрную страну.

Изменения в экономике сопровождались дальнейшим расширением границ наемного труда. Его доля в экономически активном населении, т. е. занятого в общественном производстве, достигла 71 % в 1970 г. Более половины наемных рабочих трудились в сфере материального производства. Центральное место по-прежнему занимали промышленные и сельскохозяйственные рабочие. В целом рабочий класс составлял 1/3 всего экономически активного населения. Свы-

ше 40 % рабочих были сосредоточены в тяжелой промышленности, около 40 % — в сфере торговли и услуг.

Усложнилась структура буржуазии, которая стала более дифференцированной. В начале 70-х годов численность мелкой и средней буржуазии достигала 1570 тыс., а привлеченной ею наемной силы — 3870 тыс. человек. Возросшая концентрация производства (500 крупнейших компаний сосредоточили 40 % промышленного производства страны) и централизация капитала (из 122 «головных» банков решающую роль играли пять, на которые приходилось 20 % всех банковских активов) вели к усилению крупной буржуазии. В стране сложились промышленно-финансовые группы: «Асиндар», «Бунхе и Борн», «Васена-Ланусси», «Браун-Менендес» и др. (всего более 30).

Успехи промышленного развития не отразились на положении Аргентины в системе международного разделения труда. Страна по-прежнему оставалась поставщиком сельскохозяйственной продукции и потребителем средств производства и современных технологий. Промышленный рост в значительной мере зависел от способности аграрного сектора обеспечить более высокие экспортные доходы. Развитие сельскохозяйственного производства сдерживала его традиционная структура, при которой латифундии концентрировали свыше половины земли. С начала 60-х годов наметился рост сельскохозяйственного производства, что было связано с механизацией и внедрением гибридных семян. Однако эти явления имели место главным образом в средних по размеру хозяйствах. Благодаря увеличению урожайности среднегодовой прирост сельскохозяйственной продукции увеличился с 1,1 % в 1952—1963 гг. до 2,1 % в 1963—1976 гг. В целом за 1952—1976 гг. он составил 1,6 %, что не превышало естественный прирост населения и было явно недостаточно для стабильного развития национальной экономики.

Экспортные цены оставались на уровне начала 50-х годов. Из-за господства на мировом аграрном рынке западных стран аргентинская доля в мировой торговле сельскохозяйственными товарами сократилась с 1,92 % в 1950 г. до 0,57 % в конце 60-х годов. Как и прежде, слабость аграрного сектора, его неспособность в достаточной мере обеспечить иностранной валютой необходимый стране промышленный импорт, вели к хроническому дефициту платежного баланса, подрывали процесс накопления.

Аргентина находилась в финансовой и технологической зависимости от ТНК. В 60-е годы иностранные инвестиции составили 600 млн долл., а из страны вывезли в виде процентов 1350 млн долл. Плата за патенты возросла с 50 млн долл. в 1965 г. до 300 млн долл. в 1973 г.

Реальный объем капиталовложений, предназначенных для воспроизводства, снижала и высокая стоимость основных средств производства, приобретавшихся у ТНК по ценам более высоким, чем в странах-изготовителях. Займы МВФ, предоставляемые на условиях сокращения расходов, ликвидации субсидий и множественности валютных курсов, вели к экономическому спаду. Потребительский спрос падал, установление единого валютного курса меняло состав импорта и усиливало иностранную конкуренцию.

Займы лишь на время улучшали состояние платежного баланса, но ценой увеличения внешней задолженности. С 1960 по 1980 г. она выросла с 1,3 млрд долл. до 21,3 млрд и в 1984 г. подскочила до 48 млрд долл. По размерам внешнего долга Аргентина вышла на 3-е место в Латинской Америке. Если в 1970—1980 гг. страна отчисляла в счет платежей 20—22 % валютных поступлений от экспорта, то в 1982 г. этот показатель достиг 179 %.

Аргентина постепенно утрачивала «сравнительные преимущества» в мировом аграрном производстве. Рост себестоимости сельскохозяйственной продукции был связан со многими факторами: нерациональным использованием земли, высокой долей ренты, присваиваемой латифундистами и торгово-посредническим капиталом, удорожанием орудий труда, используемых в сельском хозяйстве.

Для стимулирования сельскохозяйственного экспорта приходившие на смену Перону правительства широко прибегали к девальвации песо по отношению к доллару. Кратковременный эффект оборачивался серьезными валютными затруднениями, вызывавшими новые обесценения песо. Форсированное развитие аграрного сектора происходило не за счет интенсификации производства, а путем сокращения внутреннего потребления. Рост цен на потребляемые в стране продукты подрывал внутренний рынок, делая бессмысленным увеличение инвестиций в промышленность.

Из-за слабого процесса накопления большое распространение получило дефицитное финансирование, когда государственный бюджет заранее составлялся с дефицитом, который в дальнейшем предполагалось покрыть займами Центробанка. Это вызывало дополнительную денежную эмиссию, рост инфляции. Инфляционные методы повышения накопления вели к снижению платежеспособного спроса и отрицательно сказывались на общем процессе воспроизводства.

Принудительная система накопления осуществлялась, прежде всего, за счет трудящихся, чья доля в национальном доходе сократилась с 50 % в 1955 г. до 35 % в начале 70-х годов, упав до 28,7 % в 1982 г. В то же время доля наиболее богатых 5 % населения возросла с 17,2 до 22 %.

Социальные контрасты переплетались с нерешенными экономическими проблемами. Аргентина так и не стала промышленно развитой страной. В конце 70-х годов иностранный капитал сворачивал свою деятельность в промышленности, что было связано с перестройкой ТНК международного разделения труда в своих филиалах. На рубеже 70—80-х годов Аргентина переживала острейший экономический кризис. В 1975—1983 гг. объем ВВП сокращался 5 раз. Промышленное производство было ниже, чем десятилетие назад. Доля страны в промышленном производстве развивающихся стран сократилась в 1970—1982 гг. с 11,8 до 7,6 %.

ГЛАВА V

ОТ ВОЕННОГО РЕЖИМА К ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ 1983—2001

В результате деиндустриализации в годы военного режима, обусловленной ориентацией военных на «агроэкспортную» модель экономики как наиболее оптимальный путь ее интеграции в мировое хозяйство, существенно сократилось индустриальное ядро рабочего класса и одновременно увеличилось количество занятых в непроизводственном секторе, прежде всего в сфере услуг. Число лиц наемного труда уменьшилось на 35 %. В то же время количество ремесленников увеличилось на 25 %, а занятых в сфере обслуживания — на 56 %.

В рядах господствующих классов изменения были вызваны увеличением веса банковского капитала, промышленная же буржуазия не только мелкая и средняя, но и крупная теряла свои лидирующие позиции. Выросла роль филиалов ТНК, которые давно стали составной частью экономической системы страны. И, что особенно важно, повысилась степень ассоциированности аргентинской буржуазии с ТНК.

Эти процессы оказали большое воздействие на политическую жизнь Аргентины. Значительный рост средних слоев, расширение доли работников непроизводственной сферы среди лиц наемного труда привели к увеличению избирательного потенциала ГРС — традиционного электората радикалов. Сужение социальной базы перонизма происходило на фоне сокращения доли промышленных рабочих и ослабления мелкой и средней буржуазии, которая шла за хустисиализмом.

Эти факторы были усилены дискредитацией перонистской профбюрократии, многие представители которой сотрудничали с военным режимом, и разбродом в хустисиалистской партии: после смерти Перона она так и не обрела нового лидера. Важное значение имел и тот факт, что на всеобщих выборах в октябре 1983 г. значительную часть избирателей — 22 % — составляла молодежь, впервые пришедшая к избирательным урнам.

В итоге радикалы во главе с Альфонсином под лозунгом «За новое свободное общество, национальный союз и социальную справедливость» сумели выступить главными выразителями демократических чаяний аргентинского народа. Для многих аргентинцев ГРС ассоциировался с отрицанием диктатуры, демократическим путем развития страны. Это обеспечило поддержку ГРС со стороны различных слоев и его победу.

Восстановление демократии

Пришедшее к власти в декабре гражданское правительство получило тяжелое наследие. В экономике — огромный внешний долг и инфляция; в социальной сфере — падение жизненного уровня широких слоев населения; в политике — последствия «грязной войны», унесшей тысячи жизней и оставившей проблему «пропавших без вести».

Во внешней политике правительство Альфонсина основывалось на поддержании дружественных и взаимовыгодных отношений со всеми странами мира. Однако, как подчеркивал аргентинский президент, «поиски мира не предполагают этический нейтралитет». Радикалы анализировали реалии международной жизни через призму таких понятий, как авторитаризм или свобода, тоталитаризм или демократия, угнетение или права человека. Аргентина поддерживала демократические силы в их борьбе против диктаторских режимов в Латинской Америке. В то же время, придерживаясь принципа политического плюрализма и необходимости укрепления отношений в первую очередь между народами, а не между правительствами, радикалы не разрывали отношений с теми странами, где у власти находились диктаторы.

Реформистский «третий путь» по выходу Аргентины из кризиса, заявленный радикалами и альтернативный как революционному, так и правоавторитарным вариантам, перекликался с принципами западноевропейской социал-демократии. Как отмечал Альфонсин, «нельзя сказать, чтобы мы были точно такими же, как европейские социал-демократы. Однако мы выступаем за социальную демократию, и в этом недалеко ушли от них»¹. Отмечая идейную близость, радикалы стремились опереться в международном плане на социал-демократию и таким образом ослабить свою зависимость от США.

¹ Newsweek. 1984. 19.III.

Большое внимание во внешнеполитической деятельности ГРС уделял борьбе за Новый международный экономический порядок (НМЭП), отношениям Север — Юг. Критикуя экономическую политику западных держав в отношении развивающихся стран, аргентинское правительство требовало не кардинальной ломки существующих отношений подчинения и зависимости, а лишь их «гуманизации», что обусловило непоследовательность радикалов в подходе к проблеме внешнего долга. Аргентина выступала против объявления всеобщего моратория. Вместе с тем, основываясь на краеугольном тезисе внешнеполитической концепции радикализма о равных правах и обязанностях всех членов международного сообщества, Альфонсин считал, что должники и кредиторы несут равную ответственность за сложившееся положение.

Аргентина укрепляла связи со странами «третьего мира». Это было вызвано не только единством интересов, обусловленных противоречиями Север — Юг, но и тем, как заявил Альфонсин, что «Аргентина разделяет принципы, которые вдохновляют неприсоединение: борьба против любого проявления колониализма или иностранного диктата, самоопределение, противодействие любой форме расовой дискриминации, неучастие в военных союзах и невмешательство»¹.

Политика «равного удаления от блоков», поддержки движения неприсоединения, свидетельствовала, что цивилизационными узами Аргентина связана с Западом. Как отмечал министр иностранных дел Данте Капуто, «в философском плане внешняя политика Аргентины ориентируется на Запад, так как она базируется на тех же ценностях, что и система, основанная на частной собственности»².

С именем Альфонсина связано укрепление международных позиций страны. В мае 1984 г. президент Аргентины стал одним из учредителей совместно с президентами и премьер-министрами Швеции, Греции, Мексики, Индии и Танзании «Делийской шестерки», выступившей за ядерное разоружение и разрядку напряженности в мире; в сентябре 1985 г. — «Группы поддержки Контадоры» против военного вмешательства в дела Центральной Америки. В 1984 г. на основе взаимного компромисса был урегулирован многолетний пограничный конфликт с Чили в районе пролива Бигл около Огненной Земли. Соглашение с Бразилией в 1986 г. положило начало процессу интеграции двух крупнейших южноамериканских стран. Предложение Аргентины решить спор о принадлежности Мальвинских (Фолклендских)

¹ Newsweek. 1984. 19.III.

² Tiempo argentino. Buenos Aires. 1986. 15.III.

островов на основе переговоров поддержали Движение неприсоединения и ООН. Первый визит президента Аргентины в СССР в октябре 1986 г. способствовал расширению торгово-экономического, научно-го и культурного сотрудничества двух стран.

Утверждение демократического режима в Аргентине зависело от того, удастся ли радикалам установить контроль над вооруженными силами и реформировать их, чтобы армия заняла место, которое отведено ей в классических западных демократиях — гаранта общественной системы. «Военная» политика правительства радикалов преследовала цель создать условия, которые исключали бы в будущем вмешательство армии в политическую жизнь и, прежде всего, военные перевороты.

Дискредитация военных после мальвинских событий позволила Альфонсину приступить к демонтажу механизма «параллельной власти» военной верхушки. Прежде всего были упразднены посты командующих родами вооруженных сил, что ослабило автономию генералитета. Совещания высшего командного состава стали проводиться под председательством президента страны. Из ведения военных изъяли сферу государственной безопасности. Во главе министерства обороны и ВПК («Фабрикасьонес милитарес») встали гражданские лица. Прежняя доктрина «национальная безопасность» была заменена на «национальную оборону», в соответствии с которой функции армии сводились к защите территориальной целостности и независимости страны от внешней агрессии.

Президент Альфонсин использовал свои конституционные prerogatives верховного главнокомандующего для замены большей части генералов и адмиралов и сокращения состава генералитета и вооруженных сил. С целью уменьшения экономической мощи военного института было проведено сокращение военного бюджета. По инициативе президента создается система правовых гарантий против военных переворотов, закрепленная в законе о защите демократии.

В ходе реорганизации вооруженных сил целый ряд ключевых постов был закреплен за гражданскими лицами. Массовая чистка высшего командного состава — основную часть генералов и адмиралов, находившихся на действительной службе в период военной диктатуры, уволили в запас — дала возможность осудить членов трех военных хунт, управлявших Аргентиной в 1976—1983 гг., и других высших офицеров, обвиненных в нарушении прав человека.

До выборов Альфонсин обещал отменить декрет о самоамнистии, принятый передавшими ему власть военными, и наказать конкретных виновников преступлений, заключавшихся в убийствах и пытках заключенных и пропавших без вести. Декрет отменили незамедлитель-

но, а для расследования преступлений была создана Национальная комиссия во главе с писателем Э. Сабато. В декабре 1984 г. комиссия опубликовала доклад с результатами расследования совершенных при военном режиме преступлений. В докладе, озаглавленном «Никогда более», было документально доказано участие более тысячи офицеров различных рангов, включая членов правящей военной хунты, в массовых репрессиях, в результате которых, согласно собранным комиссией данным, насильственно исчезли свыше 8 тыс. человек.

После длительных проволочек при рассмотрении дел военным судом (90 % его состава было назначено еще при военном режиме), отказавшимся вынести решение, в апреле 1985 г. началось открытое слушание в гражданском суде дел 9 бывших командующих вооруженными силами. Они отдавали приказы о задержании и массовых убийствах заключенных в тайных концлагерях, созданных, как правило, при военных частях. В декабре суд признал членов военных хунт во главе с бывшими президентами — генералами Х. Виделой, Р. Виолой и Л. Гальтиери — виновниками репрессий и нарушений прав человека, осудив их на длительные сроки тюремного заключения.

Предвыборные обещания радикалов о необходимости искоренения любых форм терроризма в стране как левого, так и правого, также находили практическое воплощение. Осуждены были лидер «Монтонерос» М. Фирменич и организатор «Антикоммунистического альянса Аргентины» Лопес Рега. Правительство повело борьбу и с коррупцией. Отдельные высокопоставленные чиновники были арестованы по этому обвинению, в том числе и Мартинес де Ос.

Открытый суд над членами военных хунт способствовал росту влияния правительства радикалов. Любая другая акция во внутренней политике явно проигрывала этому событию. Однако до конца осуществить намеченный курс в отношении вооруженных сил правительству не удалось.

Ультраправые элементы рассматривали меры правительства как суд над вооруженными силами и обострили ситуацию в стране. Военные мятежи вспыхивали в апреле 1987 г., в январе и декабре 1988 г. Мятежники требовали амнистии военных и прекращения «нападков» на армию. Очаги сопротивления властям были подавлены при единодушной поддержке общества, однако правительство пошло на уступки. В конце 1986 и в 1987 г. принимаются два закона, касающиеся судеб военнослужащих, замешанных в массовых репрессиях в эпоху военного режима: об установлении предельного срока, по истечении которого прекращалось судебное преследование, и об утверждении принципа «вынужденного подчинения». В соответствии с этими зако-

нами офицеры и унтер-офицеры, исполнявшие приказы вышестоящего начальства, освобождались от ответственности.

Правительство Альфонсина, опираясь на поддержку различных социальных и политических сил, закладывало основы для перехода к прочной системе представительной демократии.

Социальную политику радикалы попытались строить на основе принципа социального согласия предпринимателей и профсоюзов при посредничестве государства. Однако «социальное соглашение» не было достигнуто. Большинство организованного рабочего класса и массовая база хустисиализма остались в стороне от провозглашенного Альфонсином «третьего исторического движения»¹ под руководством радикалов. Внесенный в Национальный конгресс правительственный проект закона о профессиональных ассоциациях под лозунгом их «демократизации» преследовал цель лишить деятельность профсоюзов социальной и политической направленности, сохранить государственный контроль над их финансами. Сильнейшее противодействие ВКТ и парламентского хустисиалистского блока, имевшего большинство в сенате, привело к тому, что законопроект не был принят.

Поражение профсоюзной политики радикалов сопровождалось неудачами в экономической области. Под давлением МВФ, местной финансовой олигархии и крупного промышленного капитала «Финансовой отчизны» и «капитанов промышленного капитала», как их называют в Аргентине, правительство принимает в 1985 г. план экономической реформы, получивший название «План Аустраль». Его основными антиинфляционными мероприятиями были названы: замораживание цен, тарифов, зарплаты и денежная реформа. В ходе последней в обращении появилась новая денежная единица — аустраль, равный 1000 старых песо. Был стабилизирован обменный курс и снижена денежная эмиссия.

Первоначально «План Аустраль» имел успех. В первый год его осуществления инфляция практически была сведена к нулю, на 30 % выросло промышленное производство и значительно увеличился ВВП. Однако, встретив сильное противодействие как перонистов, так и части радикалов, правительство Альфонсина не осмелилось приступить к выполнению второй части плана — широкомасштабной приватизации. Опасаясь социального взрыва, радикалы не пошли на значительное сокращение субсидий госсектору. В то же время правительство рассматривало выплату долговых обязательств как фатальную необходимость, подчинявшую себе все другие стороны и аспекты экономической жизни страны. Такая политика, исходившая из взаи-

¹ Первое — иригойенизм; второе — перонизм.

моисключающих целей, вела к дальнейшему ухудшению финансово-экономического положения страны. В 1988 г. инфляция достигла 388 %, а в 1989 г. превысила 4000 %.

В стране проходили всеобщие забастовки. Мероприятия правительства не находили поддержки крупного и международного капитала.

В преддверии всеобщих выборов, назначенных на май 1989 г., радикалы заметно теряли доверие масс. Итоги выборов, на которых ГРС потерпел поражение, не принесли успокоения. Экономическое положение продолжало ухудшаться. Толпы людей громили магазины и захватывали продукты. В результате столкновений полиции и войск с населением десятки человек были убиты и ранены. В сложившейся обстановке Альфонсин досрочно 8 июля 1989 г. (вместо 10 декабря) передал власть К.С. Менему. Президентом Аргентины стал перонист, в 1995 г. Менем был переизбран на второй срок.

Утверждение и кризис неолиберальной модели

Деятельность перонистского правительства К. Менема (1989—1999) характеризовалась решительным отказом от традиционных постулатов перонизма при проведении как внутренней, так и внешней политики.

Если в 1983 г. Р. Альфонсин символизировал свободу, то К. Менем в 1989 г. — избавление от экономических трудностей. Социально-экономический курс основывался не на хустисиализме, а на принципах неолиберализма. Новую политику олицетворял министр экономики Д. Кавалло. Он осуществил монетаристскую программу преобразований: разгосударствление собственности (демонтаж и приватизация созданного при Пероне госсектора); реструктуризацию банковской системы, в том числе Центробанка, провел налоговую реформу; либерализовал инвестиционную и внешнеторговую деятельность.

Составная часть программы — закон о конвертируемости, одобренный Национальным конгрессом в августе 1991 г., предусматривал решение проблемы стабилизации национальной денежной единицы путем приравнивания песо (оно заменяло 10 тыс. прежних аустралей) по курсу к доллару США и его возможную девальвацию только на основании решения конгресса. Объем находившейся в обращении денежной массы определялся наличием золотовалютных резервов и дополнительная эмиссия могла осуществляться лишь при соответствующем увеличении резервов Центробанка. Последний получил статус автономного учреждения, и его главная задача состояла в обеспечении устойчивости национальной денежной единицы, сохра-

нении ее паритета по отношению к доллару. Практически в Аргентине вводилась двухмонетарная денежная система: параллельно с песо свободное хождение получал доллар США.

За экономической реформой последовала политическая. В 1994 г. реформируется Конституция Аргентины. Новая Конституция была принята на основании полюбовного соглашения между двумя политическими лидерами страны: бывшим президентом Р. Альфонсином и его преемником президентом К. Менемом, которые заключили «пакт Оливос» (по названию загородной президентской резиденции). Каждый из них шел к этому решению своим путем. Первый добивался строительства современной представительной демократии, второй делал упор на экономическую модернизацию и реформу государства. Достигнутый ими компромисс оформился в виде конституционного проекта, который рассматривался сначала в Национальном конгрессе, а затем в Конституционном собрании. В августе 1994 г. новая Конституция была одобрена. В ней провозглашалась «представительная федеральная Аргентинская республика». Срок пребывания на посту президента сокращался с 6 до 4 лет, его властные prerogatives были уменьшены, а полномочия Национального конгресса расширены. Действующий президент получал право переизбрания на второй срок без перерыва. В стране вводилась система прямых выборов главы государства и губернаторов, учреждался пост председателя правительства, назначаемого президентом и подотчетного конгрессу. Новый Основной закон расширил права провинций и включил специальный раздел об индивидуальных и коллективных правах граждан¹.

На смену «третьей позиции» в международных делах пришло сближение со странами Запада. Аргентина покинула Движение неприсоединения, установила тесное сотрудничество с США, поддерживав их политику в Ираке, Боснии. Не отказываясь в принципе от прав на Мальвинские (Фолклендские) острова, правительство Менема отложило решение этого вопроса на неопределенное будущее, восстановив дипломатические и торгово-экономические отношения с Великобританией.

Менем продолжил начатый Альфонсином курс на интеграцию с соседними странами. В 1991 г. был создан Общий рынок Юга Америки (Меркосур) в составе Аргентины, Бразилии, Уругвая и Парагвая. Целями новой организации являлись постепенная отмена таможенных тарифов, введение свободной торговли и согласованной экономической политики и совместные проекты развития. С образованием

¹ Del Bono TA. La reforma constitucional de 1994. San Juan. P. 19—33.

Меркосур крупнейшим торговым партнером Аргентины стала Бразилия, оттеснив США на 2-е место.

Политика Менема — Кавалло позволила Аргентине преодолеть финансовый кризис и продолжительный спад производства, характерные для 80-х годов. Это было названо еще одним «экономическим чудом» (после Чили) неолиберальных рыночных реформ в Латинской Америке. Контраст с 80-ми годами — «потерянным десятилетием» — был налицо. Если в 1981—1990 гг. средние темпы роста ВВП составляли отрицательную величину ($-0,7\%$), а уровень инфляции превышал сотни процентов в год, то в 1991—1997 гг. упадок промышленного производства, дававший повод говорить о начавшейся деиндустриализации Аргентины, сменился среднегодовым ростом (около 5%). По темпам роста ВВП Аргентина вышла на 2-е место после Чили. Инфляционные процессы были приостановлены: в 1997 г. — $0,3\%$, а валютные резервы в том же году составили 17,8 млрд долл.

Неолиберальная модель не смогла, однако, создать условия для устойчивого роста. Среднесрочные позитивные результаты были достигнуты при помощи международного кредитования и усиления присутствия ТНК в обрабатывающей промышленности. В связи с этим росла финансовая и технологическая зависимость Аргентины. В стране утвердилась так называемая модель стимулируемого долгом экономического роста, которая пришла на смену прежней модели, отдававшей приоритет экспорту как двигателю хозяйственного развития.

Торговый баланс, за редким исключением, сводился с крупным дефицитом, достигшим в 1998 г. 7,4 млрд долл. Одновременно росли платежи в счет прибылей иностранных компаний и проценты по внешней задолженности. Все это негативно сказывалось на платежном балансе, отрицательное сальдо которого выросло до 14,7 млрд долл. До 1998 г. Аргентина вынуждена была финансировать этот дефицит посредством продажи своих активов в рамках приватизации, привлечения зарубежных инвестиций и при помощи внешних заимствований. Внешний долг вырос с 60 млрд долл. в 1990 г. до 140 млрд в 1999 г. и на его обслуживание требовалось 10—12 млрд долл.

С исчерпанием к середине 1997 г. приватизации сократились источники финансирования платежного баланса. Кредитоспособность Аргентины пошатнулась. В таких условиях достаточно было внешнего толчка, чтобы «экономическое чудо» рухнуло. Так и произошло, когда грянул азиатский кризис 1997 г., вызвавший цепную реакцию финансовых потрясений, охвативших и Аргентину. В 1998 г. экономический рост замедлился, в 1999 г. последовало его падение на $3,4\%$, в 2000 г. он совсем не наблюдался. Впервые за многие годы образовавшуюся

брешь в платежном балансе пришлось закрывать валютными резервами, которые в 1998 г. сократились на 2 млрд долл.

Экономический кризис сопровождался финансовым крахом и социальным взрывом. Предпосылки этого складывались на протяжении всего десятилетия.

В первые годы реформ аргентинцам казалось, что найден правильный путь развития. Курс на либерализацию всей страны если и встречал критику, то не имел сколько-нибудь реальной альтернативы. Выросло материальное благополучие граждан, занятых на приватизированных предприятиях и в фирмах ТНК. Но далеко не все аргентинцы ощутили, что жизнь меняется в лучшую сторону. Госсектор сокращался, поэтому занятые в этой области производства лишались работы. Модернизация производства также не способствовала созданию новых рабочих мест.

В условиях либерализации инвестиционной и внешнеторговой деятельности многие местные предприятия оказались не в состоянии противостоять более сильным иностранным корпорациям. В итоге мелкие и средние предприятия обанкротились, а занятые на них люди пополняли ряды безработных. Пострадал средний класс — основа стабильности.

К концу 90-х годов безработица достигла 15,1 %, а частичная — 14,9 %. Доля «низших» 40 % населения в национальном богатстве сократилась с 13 % в 1991 г. до 8,9 % в 1998 г., а разрыв между средними доходами 10 % самых богатых и 10 % самых бедных увеличился с 12,8 до 24,12 раза. К 1999 г. 13 млн человек — свыше 36 % населения — жили ниже черты бедности. Во второй половине 90-х годов произошло не только относительное, но и абсолютное падение доходов значительной части населения. Зарботки работающих по найму сократились в среднем на 13 %, а самых низкооплачиваемых — на 25 %. Соотношение в оплате труда рабочего и топ-менеджера составило 1 : 44 (для сравнения в Италии — 1 : 20, Испании — 1 : 17, Франции — 1 : 15, Швеции — 1 : 13). Только в Большом Буэнос-Айресе к 2000 г. официально считались бедняками 3,5 млн человек.

На этом фоне росла преступность, которая захлестнула города, и коррупция, связанная с ускоренной приватизацией. Сокращение расходов на социальные нужды отразилось на системе образования и здравоохранения. Появление частных пенсионных фондов не решило проблемы низкого уровня пенсионного обеспечения, бедственного положения старшего поколения. Произошел колоссальный рост федеральной и провинциальной бюрократии. Ее численность превысила 2 млн человек в стране с 37-миллионным населением, что было одним из самых высоких показателей в мире.

Образцы безумного и безудержного расточительства демонстрировали президент К. Менем и его окружение. В неблагоприятных делах оказались замешанными высшие должностные лица, включая президента, которому было предъявлено обвинение в участии в незаконных поставках устаревшего и подлежащего списанию оружия Эквадору и Хорватии.

К концу десятилетия граждане страны стали осознавать, что справедливое устройство жизни — это не только решение проблемы ответственности, хотя и она важна. В ходе президентской кампании 1999 г. аргентинцы отдали предпочтение тем кандидатам, которые обещали покончить с коррупцией, преодолеть социально-экономический и морально-нравственный кризис. На выборах победил Ф. Де ла Руа — кандидат от оппозиционного Альянса за труд, справедливость и образование. Эта коалиция левоцентристского толка возникла в 1997 г. в преддверии президентских выборов. Ее костяк — ГРС и очень неоднородная коалиционная партия «Фронт солидарной страны» (ФРЕПАСО). Ядро фронта составили «истинные перонисты», как они себя называли, посчитавшие проводимые Менемом реформы изменой основополагающим принципам перонизма. Его лидер К. Альварес стал вице-президентом.

Кандидат хустисиалистской (перонистской) партии Э. Дуальде занял 2-е место. Этот результат отражал внутреннюю борьбу в самой партии между Дуальде и Менемом, который желал поражения своему соратнику. Противостояние двух ведущих фигур в хустисиалистской партии свидетельствовало об отсутствии единства внутри нее и цельной стратегии в условиях перехода в оппозицию.

Президент Ф. Де ла Руа (1999—2001) заявил о намерении не нарушать базовых принципов неолиберальной модели — стабильности и конвертируемости песо. Он также заверил избирателей в своем стремлении изменить стиль правления, построить более справедливое общество и излечить его от социальных и моральных болезней. Президент создал независимую антикоррупционную службу для расследования злоупотреблений правительственных чиновников своего предшественника.

Главным предвыборным обещанием Де ла Руа была социальная ориентация экономической политики, так и оставшейся только заявленной. Президент оказался перед выбором: удовлетворить требования МВФ, чтобы получить от него новые кредиты и поднять авторитет страны в глазах международных финансовых организаций, либо выполнить предвыборные обещания и улучшить социальное положение рядового избирателя. Президент выбрал первое.

Де ла Руа и в целом Альянс, негативно оценив ряд элементов экономической политики Менема, приняли ее главные постулаты. Для выплаты внешнего долга правительство пошло на непопулярные меры: увеличивались налоги, сокращалась зарплата, были проведены реформы рабочего законодательства и пенсионной системы. Последняя включала отказ от субсидий пенсионерам, увеличение для женщин срока выхода на пенсию с 60 до 65 лет. Замораживались расходы на социальные нужды — здравоохранение, образование и т. п.

Реформа рабочего законодательства, по мнению профсоюзов, упрощала увольнение рабочих администрацией предприятий и в целом ущемляла права трудящихся. Прохождение проекта рабочего законодательства через Национальный конгресс вылилось в общенациональный скандал и кризис властных структур. Как обнаружилось, ряд сенаторов за голосование в поддержку закона получили от членов правительства взятки. Вся операция обошлась в сумму от 2 до 5 млн долл. Следствием громкого дела стали отставки в правительстве в октябре 2000 г.

О политическом кризисе заговорили, когда в отставку подал вице-президент К. Альварес — лидер ФРЕПАСО. Причиной ухода Альвареса, по его словам, послужила «продажа и покупка законов» в конгрессе. Своим жестом он хотел отмежеваться от «грязных методов» в осуществлении государственной политики.

С приходом к власти Де ла Руа забастовочное движение развернулось в общенациональном масштабе. В течение всех лет президентства Менема профсоюзы, находящиеся под контролем перонистов, не проявляли активности, и их открыто обвиняли в препятствии протестным движениям. С 2000 г. ситуация изменилась. После 10 лет отсутствия всеобщих забастовок ВКТ уже спустя три месяца после присяги нового президента в декабре 1999 г. призвала трудящихся к выступлению. Поводом послужили реформа рабочего законодательства и связанное с ней снижение заработной платы. Менее чем за год правления Де ла Руа состоялись три всеобщие забастовки.

Недовольство населения политикой правительства выливалось в разнообразные протестные движения. Одно из них — блокирование автомагистралей. В этих действиях с лозунгами: работа, выплата пособий по безработице, социальная справедливость, участвовали целыми семьями.

Президент вынужден был предпринять срочные меры. В марте 2001 г. министром экономики назначили Д. Кавалло. Во второй раз его призвали спасти экономику страны, между тем как кризис был следствием его экономических реформ. По предложению Кавалло Центробанк в августе 2001 г. разработал схему корректировки валют-

ного режима. Смысл ее состоял в том, что «привязка» песо к доллару заменялась «привязкой» его к так называемой корзине валют, состоявшей из официальных резервов в долларах и евро. Однако было одно условие: схема вступала в силу только тогда, когда евро по стоимости будет равен доллару. Эта оговорка сводила на нет корректировку валютного режима. Он сохранялся.

Кавалло внес на рассмотрение конгресса проект резкого сокращения расходов бюджета, особенно на социальные нужды. Это вызвало бурю протестов населения, массовые демонстрации и беспорядки. Конгресс отверг проект. Под натиском обвинений и угроз главный «архитектор» аргентинских реформ ушел в отставку.

14 октября 2001 г. правящая коалиция потерпела неудачу на парламентских выборах. Перонисты повели фронтальное наступление на Де ла Руа, требуя его отставки. МВФ фактически самоустранился, приостановив оказание помощи Аргентине и тем самым обрекая страну на банкротство. Социальный взрыв произошел вслед за решением правительства в начале декабря снимать с банковских счетов не более 250 долл. в неделю. Это было последней каплей, переполнившей чашу терпения. На улицы Буэнос-Айреса вышли люди с требованием: «Всех — вон!» 20 декабря Де ла Руа ушел в отставку, также поступили члены правящего кабинета.

23 декабря 2001 г. временный президент А.Р. Саа объявил дефолт — самый крупный в мировой истории. Аргентина решением правительства вводила мораторий на платежи по обслуживанию суверенного долга, общий объем которого на тот момент достигал 144,5 млрд долл. И хотя эта мера не распространялась на аргентинские долги МВФ, Всемирному банку, Межамериканскому банку развития, а также на гарантированные государством займы, объем дефолтированных обязательств превысил сумму в 80 млрд долл. (Россия в 1998 г. дефолтировала обязательств на сумму 31,8 млрд долл.)

Попытка Аргентины на исходе XX в. порвать с «третьим миром» и перейти в «первый», взяв на вооружение либеральные методы управления экономикой, а в политической области — курс на выстраивание союзнических отношений с США и НАТО, завершилась провалом, страна оказалась отброшенной назад.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Протестный общественный взрыв в декабре 2001 г. покончил (по крайней мере, на время) с неолиберальной политикой и вынудил правящий класс приступить к реформированию рыночных реформ 90-х годов.

Уход кабинета Ф. Де ла Руа означал возвращение к власти перонистов. После 10 дней борьбы между различными группировками перонистов, в ходе чего сменилось три главы государства, 1 января 2002 г. обе палаты конгресса проголосовали за сенатора Э. Дуальде. В глазах большинства аргентинцев он символизировал традиционную линию в перонизме, верность принципам Х.Д. Перона. Его правительственная программа предполагала отход от либерализма, активное участие государства в экономике и оставляла в стороне монетаристские методы.

6 января по предложению главы правительства Национальный конгресс принял закон, положивший конец более чем десятилетнему существованию «конвертируемости» (валютного регулирования — *singency board*), служившей одной из главных опор неолиберальной модели.

В сложившихся условиях задач Э. Дуальде было политически реабилитировать перонизм, укрепить его лидерство и в обозримом будущем обеспечить переход президентской власти к близкому по взглядам и легитимному главе государства, т. е. избранному на всеобщих выборах.

Реализация этой стратегии привела к избранию президентом Аргентины на новый четырехлетний срок кандидата перонистов губернатора провинции Санта-Крус Нестора Киршнера (именно его поддерживал Э. Дуальде).

Президенты-перонисты Э. Дуальде (январь 2002 г. — май 2003 г.), Н. Киршнер (с мая 2003 г. по настоящее время), министры экономики Х.Р. Ленников и Р. Лаванья возглавили работу по выработке антикризисной программы и восстановлению функционирования национальной экономики.

Центральную задачу правительства сформулировал Н. Киршнер, призвав «восстановить национальный капитализм, который создаст возможность для вертикальной социальной мобильности». С этой це-

лю предполагалось усилить хозяйственную роль государства, обеспечить «более справедливое распределение доходов», гарантировать повышение жизненного уровня. Расширение внутреннего рынка виделось главным условием экономического подъема и стабильности общества. Модернизация Аргентины на иных, чем неолиберальная модель, основах разворачивалась под лозунгом «Новый капитализм в новой стране».

Стабилизировалось финансовое положение страны, чему в немалой степени способствовал мораторий на платежи по обслуживанию долга. Объявив дефолт, Аргентина сумела сохранить значительные финансовые ресурсы. Девальвация аргентинской валюты — 3 песо за 1 долл. — повысила конкурентоспособность национальной продукции как на внутреннем, так и на внешнем рынке, а это в свою очередь привело к росту экспорта и снижению импорта.

Правительство Н. Кишнера определило ряд отраслей народного хозяйства, призванных стать «очагами конкурентоспособности» и локомотивами ускоренного и стабильного развития всей экономики. Этим отраслям (информатика, биотехнология, производство сжатого газа, строительных материалов и сельскохозяйственной техники) оказывается всесторонняя государственная помощь, предоставляются льготы.

Правительственная политика принесла свои плоды. В 2003 г. в экономике Аргентины наметился активный восстановительный процесс. ВВП вырос на 8,7 %, промышленное производство — на 18 %. В 2004—2005 гг. эта тенденция сохранилась. Правительству удалось сдерживать инфляцию на приемлемом уровне: в 2004 г. — 6,1 %, а за весь период с момента девальвации — 56,5 %.

Хозяйственный подъем основывался на использовании простаивавших производственных мощностей. Однако к 2005 г. этот резерв был почти исчерпан и для дальнейшего экономического роста требовались новые вложения в основной капитал. В условиях дефолта Аргентина не могла рассчитывать на приток инвестиций. С целью выхода из дефолта правительство Н. Кишнера предложило реструктуризировать дефолтированную задолженность: взамен старых ценных бумаг стоимостью 81,8 % млрд долл. предлагались новые, максимальной номинальной стоимостью 41,8 млрд долл. Несмотря на противодействие части кредиторов, Аргентине удалось осуществить в январе — феврале 2005 г. реструктуризацию: обмен охватил свыше 76 % дефолтированного долга, что было расценено как крупный экономический и политический успех. В результате общий объем признаваемого Буэнос-Айресом суверенного долга, достигавшего в начале

2005 г. 191,3 млрд долл., сократился на 35 % и составил 125,3 млрд долл.

Однако до окончательного урегулирования проблемы аргентинского долга еще далеко. Даже после реструктуризации платежи по обслуживанию долга оставались очень высокими 13 млрд долл. в 2005 г. и 12,5 млрд долл. в 2006 г. Такие платежи Аргентине не под силу. Неизбежны поиски новых договоренностей.

Правительство Н. Кишнера взяло курс на расширение и углубление демократии в стране. Вступая в должность, глава государства сформулировал главные задачи, стоящие перед его администрацией: возродить Отечество, восстановить справедливость, бороться с коррупцией.

Инициированная правительством реформа Верховного суда преследовала цель превратить его в действительно независимый орган власти, покончив с его положением послушного инструмента в руках президента, сделать суд действительным гарантом соблюдения законности в стране, а не защитником эгоистических интересов различных групп и кланов правящего класса.

Меры по искоренению коррупции коснулись ряда высших чиновников прежней администрации, включая бывшего президента Менема.

Важнейшим шагом внутренней политики явилась отмена ранее принятых законов об амнистии военных, виновных в преступлениях, совершенных в период 1976—1983 гг. Тем самым Аргентина привела свое законодательство в соответствие с Международной конвенцией ООН 1968 г. о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечности.

Шаги по демократизации получили одобрение оппозиционных партий. Лидер радикалов, бывший президент Р. Альфонсин заявил, подразумевая острые социальные проблемы, что, хотя в стране пока еще царит «хромающая демократия», тем не менее радикалы поддерживают курс, проводимый Кишнером.

Существенные сдвиги произошли и во внешнеполитическом курсе. В отношениях с США было покончено с существовавшим при Менеме стратегическим партнерством. На практике оно означало безоговорочную и автоматическую поддержку всех без исключения шагов Белого дома на международной арене. Аргентина отказалась поддерживать силовую акцию США при решении иракской проблемы без санкции ООН.

Произошли изменения и в политике по отношению к Кубе. Ф. Кастро присутствовал на церемонии вступления в должность Кишнера. Аргентина заявила, что не поддерживает США, которые обвиняют

Кубу в нарушениях прав человека, и отвергает торговое эмбарго, установленное Вашингтоном.

Приоритетным направлением на латиноамериканском континенте продолжает оставаться укрепление Меркосур. Рассматривается идея его сближения с другой интеграционной группировкой — Андским сообществом наций. Одна из целей предполагаемого объединения — выработка сильной альтернативной позиции на переговорах по созданию Зоны свободной торговли Америк (ALCA).

Не снят с повестки дня вопрос о Мальвинских (Фолклендских) островах, но перспектива его решения отодвигается в далекое будущее. Об этом свидетельствует заявление министра иностранных дел Р. Бельсы, что «если на это понадобится даже 400 лет, то мы будем ждать спокойно».

Н. Киршнер причисляет себя к политикам левоцентристского толка, ориентированных на поиск так называемого «третьего пути», под которым подразумевается возможность сочетать «экономические преимущества капитализма с достижениями социализма в общественной сфере».

Происшедшие за последние годы изменения во внутренней и внешней политике Аргентины свидетельствуют, что страна вступила в период крупных сдвигов, которые и определяют ее будущее.

Президенты Аргентины в XX в.

Хулио Архентино Рока — октябрь 1898 — октябрь 1904 г.
Мануэль Кинтана — октябрь 1904 — март 1906 г.
Хосе Фигероа Алькорта — март 1906 — октябрь 1910 г.
Роке Саенс Пенья — октябрь 1910 — август 1914 г.
Викторино Де ла Пласа — август 1914 — октябрь 1916 г.
Иполито Иригойен — октябрь 1916 — октябрь 1922 г.
Марсело Торкуато де Альвеар — октябрь 1922 г. — октябрь 1928 г.
Иполито Иригойен — октябрь 1928 — сентябрь 1930 г.
Хосе Феликс Урибуру — сентябрь 1930 — февраль 1932 г.
Агустин Педро Хусто — февраль 1932 — февраль 1938 г.
Роберто Марселино Ортис — февраль 1938 — июнь 1940 г.
Рамон Кастильо — июнь 1940 — июнь 1943 г.
Артуро Раусон — июнь 1943 г.
Педро Пабло Рамирес — июнь 1943 — февраль 1944 г.
Эдельмиро Фаррель — февраль 1944 — июнь 1946 г.
Хуан Доминго Перон — июнь 1946 — сентябрь 1955 г.
Эдуардо Лонарди — сентябрь — ноябрь 1955 г.
Педро Эухени Арамбуру — ноябрь 1955 — май 1958 г.
Артуро Фрондиси — май 1958 — март 1962 г.
Хосе Мариа Гидо — март 1962 — октябрь 1963 г.
Артуро Умберто Ильиа — октябрь 1963 — июнь 1966 г.
Хуан Карлос Онганиа — июнь 1966 — июнь 1970 г.
Роберто Марсело Левингстон — июнь 1970 — март 1971 г.
Александр Агустин Лануссе — март 1971 — май 1973 г.
Эктор Кампора — май — июль 1973 г.
Рауль Ластири (и.о. президента) — июль — октябрь 1973 г.
Хуан Доминго Перон — октябрь 1973 — июль 1974 г.
Мария Эстела Мартинес де Перон — июль 1974 — март 1976 г.
Хорхе Рафаэль Видела — март 1976 — март 1981 г.
Роберто Эдуардо Виола — март — декабрь 1981 г.
Карлос Альберто Лакосте (врем. президент) — декабрь 1981 г.
Леопольдо Гальтиери — декабрь 1981 — июнь 1982 г.
Рейнальдо Биньоне — июнь 1982 — декабрь 1983 г.
Рауль Альфонсин — декабрь 1983 — июль 1989 г.
Карлос Менем — июль 1989 — декабрь 1999 г.
Фернандо Де ла Руа — декабрь 1999 — декабрь 2001 г.
Адольфo Родригес Саа (врем. президент) — декабрь 2001 г.
Эдуардо Дуальде — январь 2002 — май 2003 г.
Нестор Киршнер — май 2003 — настоящее время.

Библиография

- Аргентина после Мальвин. М., 1987.
- Аргентина: тенденции экономического и социально-политического развития. М., 1980.
- Аргентина 60-х годов. М., 1973.
- Гамутилло В.А.* Внешняя политика Аргентины после Второй мировой войны. М., 1974.
- Искаро Р.* Рабочее и профсоюзное движение Аргентины: история и современность. М., 1978.
- Мальвины: колониальная война XX в. М., 1984.
- Очерки истории Аргентины. М., 1961.
- Романова З.И.* Развитие капитализма в Аргентине. М., 1985.
- Современная Аргентина: вопросы экономики, политики, идеологии. М., 1986.
- Строганов А.И.* Борьба за единый рабочий и народный фронт в Аргентине в 1933—1936 гг. М., 1969.
- Строганова Е.Д.* Рабочее движение Аргентины (60-е годы). М., 1975.
- Шокина И.Е.* Перонистское движение в современной Аргентине. М., 1969.
- Lewis P.H.* The crisis of Argentine capitalism. Univ. of North Carolina press, 1990.
- Luna F.* Breve historia de los argentinos. Buenos Aires, 1994.
- Rock D.* Argentina. 1516—1982. Berkeley, 1986.
- Romero L.A.* Breve historia contemporánea de la Argentina. Buenos Aires, 2002.

Учебное издание

Казаков Владимир Петрович

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ АРГЕНТИНЫ XX ВЕКА

Редактор *Л.П. Желобанова*

Внешнее оформление *К.И. Мандель*

Технический редактор *М.М. Яровицкая*

Компьютерная верстка *С.Н. Луговая*

Корректоры *Т.А. Вавилова, Г.Н. Петрова*

Оператор *М.Н. Паскарь*

Лицензия ИД № 06236 от 09.11.01.

Изд. № РИФ-306. Подп. в печать 12.12.06. Формат 60 × 88¹/₁₆.

Бум. офсетная. Гарнитура «Литературная». Печать офсетная.

Объем 10,29 усл. печ. л., 10,79 усл. кр.-отт.

Тираж 2000 экз. Заказ № 12019.

ФГУП «Издательство «Высшая школа»,

127994, Москва, ГСП-4, Неглинная ул., 29/14.

Тел.: (495) 694-04-56. <http://www.vshkola.ru> E-mail: info_vshkola@mail.ru

Отдел реализации: (495) 694-07-69, 694-31-47, факс: (495) 694-34-86

E-mail: sales_vshkola@mail.ru

Отпечатано в ОАО ИПК «Южный Урал».

460000, г. Оренбург, пер. Свободина, 4.